
Валерий
Дмитриев
Березовая
Русь

Отче Авраамиевне
от автора
на добрую память!

г. Тайга
2.09.16 г.



Я не могу о Родине не петь,
В ее рассветах я на свет
родился.
В ее закатах я хочу сгореть,
Чтоб вслед мне русский
инок
помолился...

В. И. Дмитриев

БЕРЕЗОВАЯ РУСЬ

Кемерово
Кузбассвузиздат
2016

ББК 84Р7-5
Д53

Книга издана
в год 120-летия города Тайги

Дмитриев В. И.
Д53 Березовая Русь: стихи / В. И. Дмитриев. — Кемерово: АИ «Кузбассвузиздат», 2016. — 527 с.

ISBN 978-5-202-01338-6

ББК 84Р7-5

© Дмитриев В. И., 2016
© АИ «Кузбассвузиздат», 2016

ISBN 978-5-202-01338-6

ПОЭТ МИЛОСТЬЮ БОЖИЕЙ

Впервые со стихами неизвестного мне тогда Валерия Дмитриева я познакомилась благодаря газете «Тайгинский рабочий». Давно это было, тридцать с лишним лет назад. Тогда наша «Тайгинка», в редакции которой я когда-то работала, регулярно, ежемесячно, выпускала «Литературную страницу» с творчеством горожан.

На глаза мне попалась подборка стихотворений с незнакомым именем: Валерий Дмитриев. Начала читать стихи, удивилась их певучести и безупречной слаженности. Подумалось об авторе: «Кто такой? Откуда?» Захотелось познакомиться, пообщаться с этим, безусловно, одаренным человеком, прочесть и другие его стихи. Я не сомневалась, что их должно быть немало у поэта... Кое-что узнала о В. Дмитриеве: у него высшее историческое образование, за плечами Томский университет и учительство в Кузельской поселковой школе. Понятно, почему так безошибочно-грамотно его творчество.

Судьба свела меня с братьями Дмитриевыми — старшим Иваном и Валерием лишь спустя многие годы, когда было образовано в Тайге литературное объединение, возглавить которое довелось мне. А братья Дмитриевы стоили один другого — оба оказались поэтами с большой буквы. Открылся для меня и других любителей поэзии необъятный мир стихов этих поистине, без всяких оговорок, талантливых людей.

Иван Иванович, поэт утонченный, лиричный, выбрал для себя подходящий литературный псевдоним — Березняк, дав младшему брату возможность «единолично» владеть родовой фамилией.

Последнее десятилетие прошлого века принято считать тяжелым для России, лихим временем... Так оно и было. Но случилось с нами, несгибаемыми и увлеченными людьми, влюбленными в слово русское, в литературу, при поддержке со стороны руководителей городской администрации той поры настоящее чудо. Мы объединились, и, казалось, открылось у нас, членов литобъединения, второе дыхание. Кое-кто, вопреки всем трудностям, стал выпускать (за свой счет в основном) авторские сборники стихов и прозы...

Тогда-то раскрыл «тайники своей души» для читателей и Валерий Дмитриев. Две первые его книги — «Сквозь туманы и шторм» и «Ветер перемен» были замечены и одобрены кемеровскими писателями. Именно после выхода в свет этих сборников Валерий Иванович был безоговорочно принят в Союз писателей Кузбасса.

Мне по роду своей деятельности за многие годы пришлось перелопатить горы рукописей сочинителей разного толка. Бывало такое, что из предложенной каким-нибудь графоманом тяжеловесной папки с «виршами» невозможно было отобрать ни одного удачного стихотворения. Стихи же Валерия не требовали никакой правки. Они были все до единого удачными, грамотными, завершенными, о чем бы ни шла в них речь. А

тем для стихов у нашего поэта — море разливанное. Ничто не ускользает от зоркого взгляда этого неравнодушного и талантливого человека. Все привлекает в стихах Валерия внимание и волнует душу, будь то откровения любимой женщине или думы о судьбах России и ее дочерей, сыновей, а то и «пасынков».

И забота о родных, дорогих сердцу людях в стихах поэта. Это тоже трогает душу читателей.

На сегодняшний день на счету Валерия Дмитриева два коллективных и три авторских сборника, а также прекрасная книга детских стихов «Веселые капульки». И вот рождается новая книга незаурядного, яркого человека, Поэта Милостию Божией. Это достойный подарок нашему городу в год его юбилея — 120-летия. Поздравим же с этим событием Валерия Ивановича, пожелаем ему вдохновения и новых свершений.

Людмила ЯКОВЛЕВА,
член Союза писателей России,
г. Тайга

РАДУЮСЬ КАЖДОМУ ШАГУ СТРАНЫ

...Родился в таежном поселке Кузель, что своей окраиной зацепился за Великую Транссибирскую магистраль, в нескольких километрах от города Тайга, расположенного на севере Кузбасса. Суров и красив наш край. Красив своими темно-хвойными лесами, которые «облапили» непроходимые таежные распадки и болота, где среди зарослей осоки и кочкарника прячутся быстрые говорливые речушки, дикое зверье и птицы.

Особую окраску и загадочность нашему краю придает история о таежном кладе Колчака, которая до сих пор живет в народе и будоражит умы не одного поколения кладоискателей.

Поэтическое восприятие окружающего мира, видимо, черта наследственная. Предки мои, Юришины и Першуткины по материнской линии, Дмитриевы и Казаковы по отцовской, родом из Рязанской и Курской губерний. В начале прошлого столетия в поисках лучшей жизни они переселились в Алтайский край, а потом в Кузбасс.

Мои родители от своих бабушек и дедушек донесли до нас неповторимую красоту и первозданный аромат устного народного творчества. Мать хорошо знала свою родословную и любила рассказывать захватывающие эпизоды из жизни далеких предков, переплетая их с описаниями природы, портретов, с песнями и сказками.

Всегда серьезный, отец преображался, когда вспоминал о своем житье-бытье, о войне. А сказки он рассказывал такие,

каких я не слышал больше ни от кого другого. А еще они пели. Красиво, на два голоса. Это были русские народные песни. Они пленяли, унося мое воображение далеко в седую старину.

Первые шаги в поэзии делал под влиянием и присмотром старшего брата, который в то время уже печатался в местных газетах под псевдонимом Иван Березняк. Брат привил мне не только любовь к поэзии, но и бережное отношение к слову, обязательному его подчинению строгим правилам стихосложения. Если ты взялся за перо, чтобы писать стихи, то научись не только мыслить образами, но и вплетать эти образы в канву, обрамленную строгими рамками.

Я рассказал вам о том, как родилась моя первая любовь. Любовь к поэзии. Эта любовь не безответна. Она дарит ощущение радости, возвышает, помогает преодолевать любые трудности. «К сердцам людей стихами прикоснусь», — говорю я сегодня, твердо веря в исцеляющую и всепобеждающую силу Ее Величества Поэзии.

А потом было море... Оно покорило, влюбило в себя, подчинило своей красоте, силе. Но все это было потом, а сначала была мечта, учеба в Новосибирском речном училище на судоводительском отделении. В Новосибирске стал посещать литературное объединение начинающих авторов при областной газете «Советская Сибирь», которым руководил один из старейших журналистов Сибири Евгений Филиппович Иванов. «Валерию Дмитриеву — одному из лучших моих учеников...» — эту дарственную надпись на своей книге сделал учитель в далеком 1967 году. Именно тогда получили путевку в жизнь мои пер-

вые стихотворения. Они были напечатаны в молодежной газете «Молодость Сибири» и во флотской газете «На вахте».

А дальше была служба на краснознаменном Черноморском флоте. Дальние походы в Средиземное море, в Атлантику, суровые флотские будни, крепкая флотская дружба, ностальгия по родным берегам, по Родине — все это лишь усиливало желание писать. В это время сотрудничал с флотской газетой «Флаг Родины». Как секретарю комсомольской организации эсминца «Пламенный» приходилось писать на партийную тематику, очерки о своих товарищах-моряках.

После службы пытался работать в газете, потом в школе, но тоска по морю сделала свое дело. Я улетел на Крайний Север. Работал старшим штурманом, а затем капитаном на судах Министерства геологии. Доставлял грузы и тяжелую технику на буровые, разбросанные по всему Ямалу, на базы, расположенные в Карском море. Ходил Северным морским путем до Архангельска.

Суровая северная природа, бескрайние льды и тундра — все это нашло отражение в моих стихах.

В 1978 году заочно окончил Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева по специальности «История».

В 1984 году вернулся в родной Кузбасс. Конечно, этому способствовала моя третья любовь. Любовь к женщине, которую я встретил, прилетая из Заполярья домой для сдачи экзаменационных сессий. Предстояло сделать очередной выбор. И я его сделал.

Как-то так случилось, что в перестроечные годы печатался мало, хотя по-прежнему продолжал писать, иногда резко, с остервенением, потому что не все в новой жизни воспринимал однозначно. Как многие другие литераторы, я видел, что Великая Россия — самостоятельная, гордая, с высочайшей в мире культурой — идет ко дну, все больше и больше попадая в зависимость от Запада с его развращенными инстинктами.

Случилось так, что в 2000 году в Яшкинском районе возникла творческая студия «Светлица», руководителем которой стал Петр Иванович Варкентин. Истинный ценитель красоты, организатор, поэт, он, собрав вокруг себя единомышленников, вдохнул в них веру в свои силы, поставил перед нами, казалось, недостижимые цели и заставил работать.

В 2002 году вышел в свет наш коллективный сборник стихов «Струны сердца».

Мое творческое сотрудничество с городской газетой «Тайгинский рабочий» началось еще задолго до присоединения Кузеля к Тайге. На ее страницах публикуются все мои стихи. Они о тайгинцах, о родном городе.

В 2005 году изданы две мои книги стихов: «Сквозь туманы и шторм» и «Ветер перемен», презентация которых прошла в литературном объединении «Тайгинские зори». Книги были отмечены в области, и я награжден медалью «За веру и добро», принят в члены Союза писателей Кузбасса.

В 2007 году вышла моя следующая книга стихов «К сердцам стихами прикоснусь», в которой прослеживается моя гражданская позиция относительно всего происходящего в

так называемые перестроечные годы. Нельзя не заметить сегодня положительных тенденций в развитии нашего гражданского общества. Более того, я снова горд за свою страну, за ее независимую внешнюю политику, за сильную армию и флот. Но это лишь первые шаги, которые могли быть более успешными и уверенными, проводи мы более взвешенную экономическую и социальную политику. Очень уж глубока пропасть, расколовшая наше общество. Отрадно, что сегодня на политической арене появились силы, которые вспомнили и заговорили о справедливости — основном принципе общественного развития. Каким бы ни был политический строй, только незыблемость этого принципа вселяет в людей уверенность в благополучии завтрашнего дня. И сегодня каждый шаг моей страны вселяет в меня эту уверенность.

Но стихи писались и вчера, и сегодня. И пусть эти вчерашние стихи помогут нам быстрее избавиться от всего чуждого, не свойственного нашему народу. Уверен, что нравственное возрождение общества начнется из глубины, из масс, из деревни, наконец. Именно там пока еще сохранились наши корни, которые подпитывают общество, не давая ему свихнуться окончательно.

А ведь это так просто — жить по заповедям Божиим. И об этом мои сегодняшние стихи.

Валерий ДМИТРИЕВ,
член Союза писателей Кузбасса



Может, это судьба –
жизнь в России прожить

* * *

Ветер-трубач,
проиграй моим мыслям
тревогу.
Пусть от волненья
закружится вдруг голова.
Пусть позовут
меня медные трубы
в дорогу.
Новой строкою
пройдут через сердце слова.
Шумными маршами,
под барабанные ритмы,
Я честь имею
приветствовать эти полки.
Свежие образы,
не потускневшие рифмы,
Как на параде,
пройдут перед вами стихи.

2004 г.

БЕРЕЗОВАЯ РУСЬ

Россиюшка — Березовая Русь,
Во тьме веков ковалось твое имя.
Тебе присущи и восторг, и грусть,
Тебя не вижу в образе рабыни.

Еще никто: ни ханы орд степных,
Ни грозный враг вчерашних поколений —
Не мог поставить русичей твоих
Ни силой, ни коварством на колени.

Когда войной на нас грозился враг,
Вставала Русь от края и до края,
Забыв обиды, распри и ГУЛАГ,
Единая, могучая, святая.

Россиюшка — Березовая Русь,
Кузнецкий край, что стал моим причалом.
Родное небо, где звездой зажгусь,
И отчий дом, что был моим началом.

Я не могу о Родине не петь.
В ее рассветах я на свет родился.
В ее закатах я хочу сгореть,
Чтоб вслед мне русский инок помолился.

2016 г.

* * *

Может, это судьба —
жизнь в России прожить.
Из ее родников
воду пить —
не напиться.
И ведет меня в даль
путеводная нить
По ее городам,
деревням
и станицам...
Может, это любовь,
что одна на всю жизнь,
Согревает меня
в лихолетье любое.
Пусть, распяв на кресте,
скажут мне:
«Отрекись!»
И тогда, моя Русь,
я останусь с тобою.

2000 г.

НАКАЗ ИЗ ПРОШЛОГО

Слова митрополита Иоанна,
Что для России Запад не указ,
Забвенью мы предали слишком рано,
Столетьями проверенный наказ.

Нам не к лицу обноски из Европы.
Их примерять — лишь время зря терять.
А русской тройки в сказочном галопе
Их рысакам вовеки не догнать.

Они идут брататься к нам в окопы,
Растоптана контрольная черта.
Великий Петр рубил окно в Европу,
А мы для них разрушили врата.

Нас отлучали, брали на поруки,
Кричали хором: «Взять ее, ату!».
И преспокойно умывали руки,
Прибив нас к покаянному кресту.

Нет, не согнуть вам гордую Россию.
Ей суждено в тысячелетьях быть.
И светлых храмов, где ее крестили,
Пока мы живы, не испепелить!

2007 г.

* * *

Радуюсь каждому шагу страны,
Каждой победе и каждой удаче.
Будем и впредь мы России верны,
И не заставят нас думать иначе.

Вспомним о тех, кто отдал свою жизнь
За идеалы великой России.
После войны мы с тобой родились,
Только и нас злые пули косили.

Только и нам доводилось не раз
С ходу бросаться в ревущее пламя,
Чтобы исполнить отцовский наказ —
Не отступать, ведь Россия за нами.

Так испокон повелось на Руси:
В мирное время ковали орало.
Если нам ворог войною грозил,
Грозною ратью Россия вставала.

Мы оставались России верны,
Даже когда умирали в Афгане,
Падали в пыль на дорогах Чечни
И возвращались «двухсотками» к маме.

Радуюсь каждому шагу страны,
Каждой победе и каждой удаче.
Даже когда над могилой мы плачем,
Это не значит, что слабые мы.

2005 г.

РАТОБОРЦЫ

Там, где в поле былинном
построилась рать,
С ратоборцами рядом
хочу я стоять.
Пусть на самом краю,
пусть в запасном полку,
Я хочу, как они,
умереть на скаку.

Вместе с грозной дружиной
я тоже клянусь
Постоять до конца
за священную Русь.
Ратоборцы, я с вами
в едином строю
Перед сечей великой
на поле стою.

Там, где русскою кровью
полита стерня,
Вы с разрубленным сердцем
найдете меня.
Кто останется жив
и пойдет дальше нас,
Пусть докажет, что Запад
Руси не указ.

Где-то в поле былинном
построилась рать,
Вновь кому-то за Русь
суждено умирать.

ЗАСТАВУШКА

Стоит изба ссутулившись,
Забытая давно.
И смотрит слепо в улицу
Разбитое окно.

Скворешня кособокая
Застряла меж ветвей.
Усадьбу вместе с тропкою
Заполонил пырей.

И выстоялась травушка,
Кивает: «Покоси»...
Как древняя заставушка,
Деревня на Руси.

Приют от непогодины
И богатырский щит
На порубежье Родины
Который век стоит.

Вспугнув рассветы синие,
По травушке пройдусь.
Хочу я видеть сильною
Березовую Русь.

Пусть оживет заставушка
Под песни косарей.
И присмиреет травушка
У ног богатырей.

2008 г.

БЕЛЫЙ СНЕГ

Сквозь дрожание век — белый снег, белый снег...
Он на землю упал из заоблачной сини.
Может, это зима, может, древний ковчег
Парусами накрыл от несчастий Россию.

Сквозь дрожание век — белый снег-оберег...
Был в бою белый снег у земли маскхалатом.
И в последнем броске, кровью выкрасив снег,
За Россию свою умирали солдаты.

Сквозь дрожание век — белый снег, белый снег...
Чистым саваном лег на седые равнины.
Мы приходим на миг, а уходим навек.
И дрожит белый снег на ресницах любимых.

Сквозь дрожание век — белый снег, белый снег...
К нам на землю упал из заоблачной сини.
Может, это зима прилегла на ночлег,
Может, древний ковчег приютила Россия.

2012 г.

ЗДЕСЬ РОДИНА МОЯ

Проснувшись спозаранку,
Среди берез пройдусь.
Как скатерть-самобранка,
Березовая Русь...

Все мило и знакомо
Здесь даже без жилья,
Среди берез я дома,
Здесь Родина моя.

Российские березы —
Все видели они:
И лихолетий грозы,
И праздничные дни.

И нету их красивей.
Они — краса земли.
Березы — мисс России —
На подиум взошли.

Красавицы березы,
Где стайками, где в ряд,
Поэзию и прозу
Моей души хранят.

2013 г.

* * *

Россия, как ты хороша!
К тебе одной — людские взоры.
Не хватит жизни, чтоб душа
Могла обнять твои просторы.

И в дерзновеньях, и в делах
Тебя одну хочу постичь я:
Твой русский сказочный размах
И богатырское величье.

Кузнецкий край — здесь мой исток.
Его воспеть не хватит краски.
С людьми, что рубят уголек,
В Кузбассе все одной закваски.

Роднит любой кузбасский дом
Одна сверхважная задача —
Согреть страну своим теплом.
Пошли, Господь, нам всем удачи.

2010 г.

ПРИЗНАНИЕ

По-сыновьи я люблю
Землю-матушку мою.
Разбудил ее рассвет,
Только дождичка все нет.

Задыхается земля,
Просит: «Напои меня!»
Я голубушку спасу,
Дождь в ладонях принесу.

Пей, кормилица моя,
Оживляй свои поля.
Берегли тебя от бед
И отец, и пахарь-дед.

Их житейские следы,
Как награды, носишь ты.
Ты, как барыня, цвела
И кормилицей была.

Как же сыну не любить
Землю, на которой жить!

2013 г.

Я — ГРАЖДАНИН РОССИИ

Родился я на яшкинской земле,
Где средь лесов стоит поселок Кузель.
В родном краю стихами заболел
И навсегда остался верен музе.

Родной Кузбасс, я верю в твой рассвет.
Я счастлив, что иду с тобой по жизни.
Твоим теплом мой тихий дом согрет,
Мой милый край, жемчужина Отчизны.

Несчастен тот, кто Родины не знал,
Кто без ума от всякой заграницы.
А я другого дома не искал,
В разлуке мне родной поселок снится.

Мой берег там, где матерью рожден,
Где небо с полем васильковой сини.
Я с детских лет в страну свою влюблен.
Я плоть от плоти — гражданин России!

2008 г.

* * *

Рисует дочь заморскую царицу,
Выводит брови ей и царский стан.
А рядом клетка с дивною
жар-птицей,
И охраняет птицу великан.

Я похвалил дочурку за искусство,
А на другом листе нарисовал
Простую девочку в наряде русском
И наше поле, а не тронный зал.

Щенок по полю с птахами играет,
А за дорогой, уходя к реке,
Волнуется пшеница золотая.
И колоски — у девочки в руке.

— В заморских странах, дочь,
давно я не был.
Когда ж бывал, то очень тосковал
О нашем поле, о сибирском небе
И обо всем, что здесь нарисовал.

1989 г.

* * *

По тропинкам, что топтали
предки,
Я сегодня вместо них хожу.
Их следы и памятные метки
До сих пор кругом я нахожу.

Рядом дом — его отец
построил,
Сад в цвету — его садила мать.
Так уж, видно, белый свет
устроен:
Я начну, а сыну продолжать...

— Помни, сын, отцовские
советы:
Не жалей душевного тепла.
Добрый след не вымостят
монеты.
След оставят добрые дела.

2004 г.

ЕЩЕ ЖИВА ДУША РОССИИ

По сердцу мне простой народ,
Что милый край считает раем,
Который плачет, и поет,
И за Отчизну умирает.

Народ, живущий на земле,
В забытых, опустевших селах,
Где квас игристый на столе,
А не шипучий пепси-кола.

Где солнце будит петушок,
Взлетев на ветхую ограду,
А на лужайке пастушок
Шагает за пузатым стадом.

Здесь, среди шелковых берез,
Еще жива душа России.
В глазах ее — росинки слез,
И нет их ближе и красивей.

Здесь, на земле своих отцов,
Живем мы с их благословенья.
В печи горят поленья дров,
А с ними — горечь и сомненья.

2010 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ БЕРЕЗЕ

Березе — лучшие слова,
О ней и песни, и молва.
Она — российский символ наш,
Украсивший родной пейзаж.

Девичьей стройностью стволов,
Листвой — под злато куполов,
Когда осенний листопад
встревожит задремавший сад.

Рисует память отчий дом,
А с ним березку под окном,
Что посадил в конце весны
Отец, придя живым с войны.

По всей России, тут и там,
Березы украшают храм,
А старый мудрый березняк
Скрыл и окопы, и ГУЛАГ.

Березе — лучшие слова,
Давно живет о ней молва,
Что в красоте ее ветвей —
Величье Родины моей.

2013 г.

* * *

Передохну — и снова в путь
По росным травам спозаранку,
Заткнув за пояс самобранку,
Пойду на новый мир взглянуть.

Как жив-здоров честной народ,
Что, задыхаясь от свободы,
Торопит чуни-скороходы
За ветром чужеземных мод.

Все чаще слышим мы сейчас,
Как чей-то голос бьется в страхе:
«Опять здесь русским духом пахнет!».
И это, видимо, про нас.

В ответ не будем голос рвать
И умиляться в эйфории.
Достаточно любить Россию,
А коль придется — защищать.

Чтоб провести дворовых псов,
Надену шапку-невидимку
И, поклонившись по старинке,
Сойду с крыльца — и был таков.

2005 г.

* * *

Детство сказкой-небылицей
Облетело край родной.
Юность, словно песня-птица,
Прозвенела над волной.

В жизни все не так-то просто,
И с годами все сложней.
От рожденья до погоста
Я гоню своих коней.

Белый топчет зло и беды,
Мчит к любимой конь гнедой.
И уверенность в победе
Дарит быстрый вороной.

Пыль клубится по дороге,
А зимой белым-бело.
Я один из тех немногих,
Кто вернулся жить в село.

Не гоняясь за удачей,
Я с людьми делю успех.
Вместе мы поем и плачем,
Судный день — и тот для всех.

Там — палаты, здесь — избенки,
Как осколки старины.
Я певец родной сторонки
И поэт большой страны.

2010 г.

КИНО МОЕГО ДЕТСТВА

А мне припомнилось кино
Из детства в радужной окраске.
Все это было так давно,
Как будто из волшебной сказки.

Наш старый поселковый клуб,
Афишу ребятня читает.
К полудню знают все вокруг:
Сегодня — кинофильм «Чапаев».

Проблема, где найти пятак,
Решалась тут же и мгновенно.
Любой мальчишка просто так
Мог выиграть его в пристенок.

Потом на фильм — любой ценой,
Сжимая пятаки в карманах,
Где дядя Леня — бог кино —
К сеансу оживлял динамо.

Помощников хоть отбавляй.
Здесь и подсказки, и советы.
Вот-вот ворвется в зал Чапай —
Герой борьбы за власть Советов.

В экран ударил яркий свет,
И мы про все вокруг забыли,
Казалось, не в кино билет,
А пропуск в прошлое купили.

Летит прославленный герой,
Громит врагов его бригада.
И за Чапаем рвется в бой
Моя дворовая команда.

Смешалось все: кино и зал,
«Ура» кричали чуть не хором,
Когда Чапаев наступал,
И пели вместе «Черный ворон».

Не знал такого Голливуд —
Создатель фарса и интрижки,
Как на «Чапаева» идут,
Как любят Родину мальчишки.

Откуда наш патриотизм?
Мы с ним росли, мы им дышали.
Мы дети тех, кто бил фашизм,
Мы внуки славного Чапая.

2016 г.

* * *

Опять восстанем
из тьмы и пепла,
Опять построим
дворцы и храмы,
Когда в сознанье
людском поблекнут,
Зарубцевавшись,
былые раны.

Опять очнемся
мы от неверья
И, возвращаясь
к своим истокам,
Мы в эти храмы
откроем двери,
Освободившись
от всех пороков.

Стряхнем с себя мы
налет бездушья
И будем снова
за все в ответе.
И, перед Богом
очистив души,
Мы правду жизни
откроем детям.

2000 г.

ГОЛУБИ

Где голуби живут? На крышах.
Летая вместе с облаками,
Они, возможно, Бога слышат
И делятся об этом с нами.

Когда в годину испытаний
Народный гнев разрушил храмы,
Они той ниточкою стали,
Соединявшей Бога с нами.

На уцелевших колокольнях
Мы слышали их воркованье,
И становилось всем спокойней
От этих птичьих излияний.

Где голуби живут? На крышах.
Летая вместе с облаками,
Они, возможно, Бога слышат,
Его соединяя с нами.

2000 г.

* * *

В плену обыденности серой
Я прочь сомнения гоню,
И жизнь свою прожив без веры,
У храма голову склоню.

Не буду в исступленье биться,
Раскаиваясь за грехи,
С утра до вечера молиться
И рвать греховные стихи.

Живу, не корчась от обиды,
Приемлю жизнь как благодать.
«Ты верь в душе — Господь
все видит», —
Мне раньше говорила мать.

За божий дар — на свет
родиться,
Свой путь протопать по земле,
Господь, позволь мне
помолиться.
Да прийде царствие твое!

2003 г.

* * *

Оглянулся
многократно
На пустынную дорогу,
Никаких следов
обратно —
К позабытому порогу.
Напрягаю тщетно
память,
Ведь откуда-то
притопал,
Не чужими же
ногами
Исходил я эти тропы.
Не чужими же
руками
Возводил свой дом
высокий,
Не чужими же
словами
Написал я эти строки.
Пригляделся —
Что за чудо?
А стихи
ведут к истоку,
Где крестом
по-женски мудро
Осенила мать дорогу.

2006 г.

* * *

Вспоминаю тепло
материнских ладоней,
По утрам они пахли
парным молоком.
Утром мать,
подоив коровенку в загоне,
Приносила ведро
с белой пенкою в дом.

Мы куда-то спешим,
увлекаясь делами.
Сколько было потерь?
Сколько было разлук?
Устояв на краю,
возвращаемся к маме,
Чтобы душу согреть
от тепла ее рук.

Мне запомнился запах
отцовского пота —
Обязательный след
от рабочего дня.

Вечерами,
когда отступала работа,
Он, усталый,
садил на колени меня.

Как умели обнять
те шершавые руки!
Лучше мягкой подушки
родное плечо.
Сколько лет уж прошло
после нашей разлуки —
Ни обнять, ни сказать,
ни послать письмецо.

На всю жизнь я запомнил
отцовские сказки,
Задушевные песни,
что пела нам мать.
Может, эти напевы
в народной окраске
Мне позволили
сыном для Родины стать.

2010 г.

* * *

Невидимая нить связала наши годы,
Пусть заросли тропинки муравой.
В чужих краях пройдя огонь и воды,
Приходим мы уставшие домой.

Каких чудес мы в этом мире ищем?
Кто сильных чувств, кто славы и побед,
И лишь придя к родному пепелищу,
Осознаем, что лучше дома нет.

И плачем мы, и падаем на травы,
Всю боль души родной земле излив,
И примет нас отцовская застава,
За все обиды прошлые простив.

И шум листвы березовых околков,
И до окон присевшая изба
Излечат наши души из осколков,
Чтоб мы опять поверили в себя.

2008 г.

* * *

Построен дом, посажен сад.
С годами подрастают дети.
И пусть совсем я не богат,
Я счастлив, что живу на свете.

Я счастлив, что в стихах воспел
Мой милый край под небом синим,
Что в лихолетье не сумел
И в малом изменить России.

Я счастлив тем, что протоптал
Тропинку к роднику лесному,
Что в самом главном не солгал
И бережно отнесся к слову.

2004 г.

* * *

Покоробились стихи,
Стали горькими от грусти.
Сердце, словно за грехи,
То сожмется, то отпустит.

То кипенье, то озноб,
То попытки сбросить путы.
Где-то в венах черный тромб
Подходящей ждет минуты.

Окольцована душа,
Словно пойманная птица.
Жизнь, как девка, хороша!
Как тут можно не влюбиться?

Припаду к родной земле,
Задохнусь в ее объятьях.
Может, я чудак извне,
Может, мученик с распятья.

Никогда я не крушил
Дом отцовский от бессилья.
И любовь, и жар души
Я отдал тебе, Россия.

2008 г.

ПОЛЫНЬ-ТРАВА

Горька полынь-трава России,
Трава дорог и пустырей.
И чем пейзаж ее красивей,
Тем нам обидней и больней.

Больней за брошенную землю,
За обездоленных людей,
За русский дух, что в душах
дремлет,
А правит алчность упырей.

Полынь-трава дурманит дали,
А недруги — у наших стен.
Мы только головы подняли,
Не в силах выпрямить колен.

Ссутулил плечи город древний,
Измором взятый, без борьбы.
В полыни спряталась деревня,
Стесняясь собственной судьбы.

2016 г.

* * *

Видел тебя и голодной, и пьяной,
С гордой мечтою о лучшей судьбе.
В поисках счастья иду за туманом
И возвращаюсь обратно к тебе.

Знаю тебя непокорной и сильной.
Не по зубам твой характер врагу.
Не опускай только руки бессильно,
Лишь позови — я тебе помогу.

Помню твои задушевные песни.
Не зарастут их напевы быльем.
Верю: проснутся забытые веси,
Песни затянут, а мы подпоем.

Солнце за запад заходит красиво,
А на востоке уж брезжит рассвет.
Кто-то сегодня не верит в Россию.
Верит в Россию влюбленный поэт.

2008 г.

* * *

Покосились стены у избушки,
Весь поселок словно в землю врос.
Жившие здесь Марьи и Ванюшки
Перебрались тихо на погост.

За болотцем, на лесных полянах,
выстроились улицы могил.
Я туда своих отца и маму
В одночасье как-то проводил.

В этом все равны мы перед Богом,
И живем по солнечным часам...
Пережив сельчан своих немного,
Мой поселок умирает сам.

2002 г.

* * *

Дыханьем осени природу обожгло,
Шумит сезон дождей и листопада.
Туманы убаюкали село.
И все смирились,
раз такой порядок.

Старушка Бога просит: «Подсоби,
Дай, Боже, силы
пережить ненастье.
Спаси бездомных, сирых не губи
И от сыночка отведи напасти».

А сын ее — российский мужичок —
В косую сажень
не уместишь плечи,
Несет дрова в избенку-теремок,
Чтобы согреть семью
в холодный вечер.

Печь затрещит, отпугивая ночь,
И сочный дым потянется
над крышей.
Старушка скажет, подавая борщ:
«Спасибо, хоть Господь нас,
бедных, слышит».

2010 г.

БЕРЕЗКА

Хозяин, странствуя по свету,
Покинул старенький свой дом,
Березку, что сажал он в детстве
Зеленой веткой под окном.

Она его не раз встречала,
Когда домой он приходил...
Но вот его совсем не стало,
И белый свет ей стал не мил.

Шумит тоскливо в непогоду,
Зовет хозяина домой...
И тихо пролетают годы
Над покосившейся избой.

2002 г.

* * *

Как одряхлевшая хозяйка,
Которой восемьдесят пять,
Изба, похожая на стайку,
Устала на земле стоять.

Приют для женщины убогой,
Прикрыв оконца, как глаза,
Вслед за хозяйкой просит Бога
Дорогу к смерти указать.

Скажи мне, Русь, о чем вздыхаешь?
А может, жаль тебе село?
Смотри, в какую жизнь вступаешь,
Поднявшись снова на крыло.

Уйдут они — никто не ахнет,
У нас немало деревень,
Но будет ли по-русски пахнуть
Та Русь, что встретит новый день?

2004 г.

РУССКИЕ

Кто русским может быть сейчас?
Всяк, кто родился с кожей белой?
Нет, русский тот, кто видит нас
Сквозь прорезь глаз, а не прицела.

Мне русский — всякий,
кто терпим
К моим сложившимся устоям,
Кто шел со мной в огонь и дым,
Когда в беде нас было двое.

Мне больно русским окрестить
Того, кто выглядит убогим
В желанье место уступить,
Помочь слепому на дороге.

Сегодня ты мне не знаком,
А завтра, может, станешь другом,
Если, войдя в мой русский дом,
Не осквернишь в нем
красный угол.

2011 г.

* * *

Что-то в мире неладно творится.
То ли время закручено вспять.
Вся планета гудит и бугрится.
Отчего — можно только гадать.
Ураганы ревут по Европе,
Что ни день — то всемирный потоп.
И несемся мы в страшном галопе,
Изрыгая лишь вопль из утроб.
Кто-то ищет спасение в вере,
Ожидая на помощь ковчег.
Я в прогнозы-страшилки не верю
И люблю беспокойный наш век.
За окном надрывается ветер.
Снегопад засыпает дома.
Мы с тобою мечтаем о лете,
А пока за окошком зима.

2007 г.

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ ПРИЛЕТЕВШИХ ПТИЦ

Книгу жизни
выстрелами рвем,
Все живое подчиняя
смерти.
Разоряем
свой прекрасный дом,
Позабыв, что мы за все
в ответе.

Не стреляйте
прилетевших птиц,
Словно нарушителей
границы.
Строчками
из вырванных страниц
Падают
подстреленные птицы.

Как легко
обидеть и убить,
Расширяя брешь
в порядке строгом,
Попирая
чье-то право жить,
Каждому
дарованное Богом.

Я и сам
охотился порой,
Зоревал с друзьями
на болотах
И, счастливый,
приносил домой
Ворох птиц
с удачливой охоты.

Но с годами
я сумел понять,
Заглушая страсти
в укоризне,
Что совсем
не хочется стрелять,
Целиться
по беззащитной жизни.

И давно
молчит мое ружье.
Может, потому
и легче спится,
И зовут
с собой меня в полет
Мною не подстреленные
птицы.

Вспомните
цветной телеэкран,
Обесцвеченный
от серых бликов.
Так планета,
заходясь от ран,
Может стать
пустынной и безликой.

Кто-то в страхе
вынес приговор
И заслоны
птицам выставляет.
Только птицы
всем наперекор
На родную землю
прилетают.

Не тепло апреля
по утрам,
Не веселый
перезвон капели —
Это птицы,
возвратившись к нам,
После стуж
нам души отогрели.

2006 г.

* * *

Я красотой украшу жизнь
Из снов, что снились в колыбели,
Чтоб меньше было горьких тризн
И больше соловьиной трели.

Аккордами прекрасных слов
Я поле сорное засею.
Пусть вместо плача сонм стихов
Дождем прольется на Россию.

И оживут ее поля,
И на глазах заколосятся.
А те, кто красоту топтал,
Ее бессмертью удивятся.

2013 г.

ОТЧИЙ ДОМ

Давно я не был в отчем доме,
Пришел, а он уже ничей.
Стоит заброшенный на склоне,
За мостиком через ручей.

Уже совсем не безупречен
С годами выцветший карниз.
Углы, как старческие плечи,
беспомощно просели вниз.

С землей срослись сухие стены,
Застыли окна в немоте.
И трещин рвущиеся вены
Сплели узор, как на холсте.

Давно я не был в отчем доме,
Пришел, а он уже ничей...
Кто — далеко, кто — просто помер,
И я сегодня без ключей.

2002 г.

* * *

Умер старик,
прямо в лето ушел,
Чуни оставив на печке.
Бабка вздохнула:
«Ушел хорошо,
Сел и уснул на крылечке».

Рядом стою,
подбирая слова,
Что говорят в утешенье.
«Мне-то недолго
одной вековать:
Жду от родного знаменье», —

Тянется ниточкой
бабкина мысль.
Боль, пусть чужая, а ранит.
«Вышла убегом,
а прожили жизнь,
Лишь лихолетье без Вани».

«Много людей
загубила война», —
Выдавил я и запнулся.
Словно в ответ
прожурчала она:
«Мой обещал и вернулся...

Сам-то ты чей?
И каким ветерком
К нам в захолустье надуло?»
Я указал
на заброшенный дом,
Сжав занемевшие скулы.

«Да неужели?!
Настюхин сынок?
Тот, что в морях
с малолетства...
Знать, возвратился
в родной уголок
От холодов отогреться».

2016 г.

* * *

Ах чудо-осень! Ах пройдоха!
Околдовала ты меня,
Заставив снова ахать, охать
И загораться без огня.

Какой изысканный художник
Писал твой охристый портрет?
Осмелюсь даже предположить,
Что на Земле такого нет.

Хмельной разгул и буйство красок,
Испепеляющий закат.
И в карнавал без ярких масок
Все превращает листопад.

Ах осень, я тебе прощаю
И бабий грех, и колдовство
И с восхищением сгораю
В огне пожара твоего.

2011 г.

СОХАТЫЙ

Лесная быль

Глухим распадком брел медведь,
Мотая грузной головою.
За ним по следу кралась смерть,
И лес разбужен был стрельбою.

Поднятый лаем злобных псов,
Он бросил теплую берлогу
И, приглушая грозный рев,
Таранил мерзлые сугробы.

Качал ветвями старый кедр —
В лесу опять творится худо.
В который раз причиной бед
Становятся плохие люди.

Он помнил брошенный костер,
Что всю округу уничтожил...
Прошло немало зим с тех пор,
Пока распадок снова ожил.

Под кедром, прямо на снегу,
Уткнув в коренья лоб рогатый,
С кровавой раною в боку
Лежал подстреленный сохатый.

Красивый грозный великан —
Вожак лосиного семейства,
Он тихо умирал от ран,
Став жертвой грязного злодейства.

Он был силен и скор на бег,
Его боялась волчья стая,
Им восхищался человек,
В лесу дорогу уступая.

Был страшен грозный рев самца,
Зовущего на бой собрата.
И не было вокруг бойца,
Кого бы не побил сохатый.

Но, обрывая рев и трель,
В тайгу ворвались браконьеры,
Всю живность превращая в цель,
Забыв и страх, и чувство меры.

Осенний лес стоял пустой...
Лось исходил лога и гривы,
И не откликнулся никто
На громкий рев его призывный.

Не прибежала, как всегда,
На зов проворная подруга,
А он все вскидывал рога
И был впервые так испуган.

Свой теплый белоснежный плед
Метель февральская латала,
Лосиный одинокий след
С холодным плачем заметала.

У кедра лось закончил бег.
Вот-вот появится погоня.
Худой бездушный человек
Добьет его на этом склоне.

Подняться не хватило сил,
Когда он рядом шум услышал.
Лишь взгляд на ельники скосил,
Откуда бурый хищник вышел.

А тот, увидев рогача,
Вдруг замер, чем-то удивленный,
Потом негромко заворчал
И почесал живот паленый.

Но и тогда вожак не встал
Перед лохматым исполином,
Он терпеливо смерти ждал,
Броска тяжелого на спину.

И только взгляд его просил:
«Не торопись, медведь, с расправой.
Вот уроню рога без сил,
Тогда верши свой пир кровавый».

Медведь помял пустой живот
И зашагал походкой шаткой,
А браконьерский снегоход
Уже выруливал к распадку.

Услышав крики, хищник встал,
Тряхнул башкой своей лохматой
И дико-дико зарычал,
Внезапной паникой объятый.

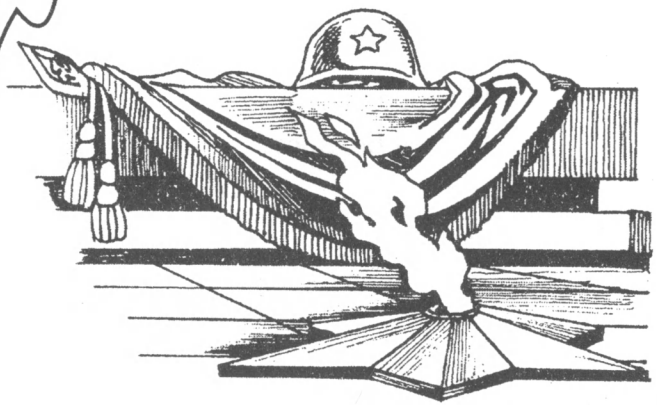
Когда же залп его настиг,
Огнем раскалывая вечер,
Медведь издал последний рык
И к людям ринулся навстречу.

Над растревоженной тайгой
Разбилось эхо на осколки.
И плакал кедр вековой,
Роняя в снег свои иголки.

Я знаю, что в суровый год
Наш разум рвется, как на минах.
Но говорил всегда народ:
«Не хлебом сыты мы единым».

И мысль в сознании стучит:
«Загубленная грозным веком,
Природа скоро отомстит
За безрассудство человеку».

2006 г.



И память вновь вскипает у виска

* * *

Я верю —
выстоим
и победим
И терроризм,
и бедность,
и насилье.
И станет
вновь великою
Россия!
Другого
нет пути —
на том стоим.

2004 г.

ПО ВЕЧНОМУ ЗОВУ

По вечному зову
спешат наши кони,
И топчут копыта
стерню и ковыль.
По вечному зову
мы в долгой погоне
За тем, что веками
затоптано в пыль.

Откуда пришли
и какого мы роду,
Куда нас бросали
дороги побед.
По вечному зову
кочуют народы,
С востока на запад
печатая след.

И катятся волны
одна за другою,
И скалы грызет
их могучий прибой.
И кажется, все
происходит со мною:
Несет меня в дали
мой конь вороной.

Текут в моих жилах
славянские крови.
Я — вождь на военном
совете племен.
Кто рвется вперед
и бросает становья,
А я остаюсь
на земле, где рожден.

Вросли в эту землю
славянские корни,
Я — русич, живущий
на русской земле.
И след мой запекся
в анналах историй,
Где пепел веков
остывает в золе.

И в жизни не знал я
прекраснее доли —
Отчизну свою
от врагов защищать
И в сечах, прославивших
русское поле,
За землю родную
сто раз умирать.

На грозные битвы
становятся рати.
И в каждой из них
я на пике судьбы.
Сверкают на солнце
тяжелые латы,
И конь подо мною
встает на дыбы.

Пылятся дороги,
и сгрудилось время.
На всем порубежье
пылают костры.
И рати мои
на пути у туменов,
И рыцарей топят,
и жгут их шатры.

Я Русь от незваных
врагов защищаю.
Несет меня конь
то к Неве, то за Дон.
И в ратном строю
я сто раз умираю,
Но снова живу
под защитой времен.

Дымится простор
Бородинского поля.
Один за другим
наступают полки.
И здесь я опять
не остался без роли
И храбро иду
на чужие штыки.

Ах, сколько их было,
нелегких сражений
В глубинах годин
и на стыках веков!
И я, как гонец
своего поколенья,
Щитом прикрывал
нашу Русь от врагов.

И это меня
провожает невеста,
И с пулей встречаюсь
я в первом бою,
Но кто-то в раю
застолбил мое место,
И я умираю,
и снова встаю.

А ты не поднялся,
в окопе согнулся,
А он подо Ржевом
засыпан землей.
Мой друг на бандитской
растяжке споткнулся,
Навечно сроднившись
с горластой бедой.

Вросли в нашу землю
славянские корни.
Давно расседлали
мы резвых коней.
Но тянется след
отшумевших историй
Из темных глубин
до сегодняшних дней.

И с завистью смотрят
на русские земли
Потомки тех орд,
что умчались в закат.
Их ноги привычно
заложены в стремя,
И крепкие кони
под ними храпят.

О русское поле!
И ширь твою мерил
Кто конским галопом,
кто пешим шажком.
И рушатся с треском
границы империй,
Но крепко стоит
в русском поле мой дом,

Построенный мной
по велению предков,
И я в нем живу,
и сынам моим жить,
Как наши отцы,
беззаветно и крепко,
Свой дом защищать
и Россию любить.

Я так благодарен
коню вороному
За то, что пронес
через толщу веков.
Не в том ли секрет,
что по вечному зову
Ведут нас по жизни
дороги отцов.

2012 г.

МАРШ ВЕТЕРАНОВ

Под громкие марши
проходят в строю ветераны,
Кто вырвал победу
и выжил в смертельном бою.
Солдаты Великой,
герои Чечни и Афгана,
По твердой походке,
по лицам я вас узнаю.

Все те же знамена,
впитавшие смерть и отвагу,
Которые роты
спасали в боях от огня,
С которыми вышли
дивизии наши к Рейхстагу,
А были еще
раскаленный Афган и Чечня.

Горят на груди
проходящих героев награды.
И Родина славит
защитников храбрых своих.
Живите, родные,
пусть помнят ваш подвиг
парады.
Живите за тех,
кого нет с вами рядом
в живых.

2004 г.

СОЛДАТСКИЙ ПУТЬ

Павшим на полях сражений
Великой Отечественной войны

Солдатский путь от Бреста до Москвы
И от Москвы до самого Рейхстага,
Овеянный солдатскою отвагой,
Друзей теряя, прошагали вы.

Солдатский путь длиною в чью-то жизнь
Хранит в себе немеркнущая память
И бережет, как полковое знамя,
От забытья после победных тризн.

Солдатский путь, он все еще дымит,
А мы твердим, что время раны лечит.
Своим теплом подпитывает вечность
Огонь, пылающий среди гранитных плит.

Россия-мать, кричат тебе сыны,
Их души с воплем рвутся из надгробий,
Но чью-то совесть больше не коробит
Боль тех солдат, что не пришли с войны.

Не дремлет враг, опять его рука
Прицелилась в российского солдата,
И боль вдруг возвращается обратно,
И память вновь вскипает у виска.

Попытки обесценить, оболгать
Солдатский путь, увенчанный парадом,
Рассыплются о доблесть Сталинграда,
И наши внуки будут правду знать.

Солдатский путь — история страны.
Он — гордость и величие державы.
Достойны Вечной Памяти и Славы
Все павшие в пожарище войны.

2004 г.

ПОЕЗДА

Поездов бесконечный поток
День и ночь мчит по рельсам куда-то,
То в Сибирь и на Дальний Восток,
То с востока на запад обратно.

Лишь колеса на стыках стучат,
Выбивая то марш, то молитву.
Увозили теплушки солдат
В сорок первом на страшную битву.

И гармонь заглушить не могла
Среди шума надсадных рыданий.
Может быть, это мама была
На перроне в минуты прощаний.

Только час простоял эшелон
И умчался на встречу с закатом.
Этот час и остывший перрон
Милых жен превратили в солдаток.

Увозили отцов поезда
На войну из родимой сторонки,
Словно птиц отлучив от гнезда,
А обратно везли похоронки.

А когда долгожданный салют
Подарил для страны сорок пятый,
На восток шел победный маршрут,
С ним домой возвратились солдаты.

2000 г.

О ВОЙНЕ

Когда говорят о войне,
Я слышу биенье сердец.
То вдруг представляется мне —
С войны не вернулся отец.

И мать бы осталась одна,
Храня пожелтевший конверт.
Сменяла бы зимы весна...
Лишь я б не родился на свет.

2007 г.

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Мать на войну благословила сына:
«Иди, сынок, и помни мой наказ,
А этот узелок с землей родимой
Побережет тебя в недобрый час.

Сыночек мой, сыночек мой любимый,
Не обещай ни славы, ни наград.
Лишь об одном прошу:
вернись, родимый,
Живым вернись после войны назад».

Тот узелок в кармане гимнастерки
Пронес солдат с собой через бои.
И смерть не раз
он сбрасывал с закорков,
Прося защиты у родной земли.

Ночной десант... Среди огня и дыма
Упал парнишка где-то за рекой.
И тут, как в детстве мать будила сына,
Земля коснулась до него рукой:

«Вставай, сынок, не поддавайся
смерти,
Гони ее, злодейку, от себя.
Нет никого сильней тебя на свете,
Ведь за тобою я — твоя земля».

И встал солдат опасности навстречу,
Лишь прохрипев: «За Родину —
вперед!»
И перед ним вдруг
распахнулась вечность,
И он шагнул на пулеметный дот.

«Прости...» — беззвучно прошептал
он маме.
Был так далек знакомый палисад.
Он обнял землю мертвыми руками
В ответ на стон:
«Прости меня, Солдат».

2004 г.

ПЕРЕПРАВА

Сквозь боль и горечь незаживших
ран
Один сюжет из той войны далекой
О том, как выжил он по воле рока,
Мне рассказал за чаркой ветеран:

«Я, как сегодня, помню этот бой,
Когда наш полк дошел до переправы,
Один лишь взвод, вцепившись
в берег правый,
Остался там, за быстрою рекой.

И только одного я не пойму:
Как чуть живой оставил поле боя
И оказался на плоту с тобою,
Кто дал мне право выжить одному?

Ты мне шептала: «Потерпи, браток».
И, хрупкая, меня собой прикрыла,
И плакала, и называла милым —
Я просто умереть тогда не мог.

Не я тебя, а ты меня спасла.
И память вновь и вновь терзает душу.
Меня ребята вынесли на сушу,
Но без тебя — ты выжить не смогла.

И каждый год, когда бушует май,
Тревожит совесть горькое сомненье,
И голос твой: «Родной, не умирай!» —
Меня на плот бросает на мгновенье.

Давным-давно, на той большой войне,
Какая-то безжалостная сила
Там, на плоту, нечестно поделила
Ту пайку, предназначенную мне».

2004 г.

* * *

Не пришли домой солдаты —
Нету в этом их вины.
Спят они в доспехах ратных
На полях родной страны.

Кто под Вязьмой был закопан,
Кто в приволжских ковылях.
И засыпанных в окопах
Приютила мать-земля.

Спят полки и батальоны,
Приняв свой последний бой.
А вчера мой сын в погонах,
Отслужив, пришел домой.

2012 г.

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

С войны в земле лежал солдат,
На дне заросшего окопа,
Сжимая ржавый автомат.
Он лишь сегодня был откопан.

К нему, лежащему во рву,
Склонилась плачущая верба.
Казалось, смотрят в синеву
Глаза, не видящие неба.

Давно закончилась война,
А он вершит свой подвиг ратный.
И не пришла к нему весна
Тогда, в далеком сорок пятом.

Не дождалась старушка-мать,
Как ни просила, ни молила.
Не суждено ей было знать,
В каком краю его могила.

И лишь солдатский медальон
Сегодня воскресил героя.
И всполошил родной район
Земляк, вернувшийся из боя.

2016 г.

ВЕТЕРАНАМ

Дорогие мои
земляки-ветераны!
Этой песни слова
посвящаются вам.
Пусть она успокоит
солдатские раны
И струной прикоснется
она к орденам.
Сколько лет уж прошло,
сколько зим пролетело,
Но друзей имена
ваша память хранит.
Только время травою
могилы одело,
Только мать у могилы
уже не стоит.
Ветераны мои,
косит смерть ваши роты.
Вы в последний бросок
в полный рост поднялись.
Будто снова закрыли
фашистские доты,
Завещая потомкам
счастливую жизнь.

1986 г.

ДОРОГИ

Дороги, нам указанные Богом,
На все четыре стороны ведут.
Куда шагнуть от отчего порога,
Как выбрать главный
жизненный маршрут?

Пойти налево — далеко от цели,
Направо — нет достойного пути.
Идем — кто на иглу,
кто на панели,
Кто на войну, чтоб от нужды
уйти.

Идем, глотнув из раскаленной
фляжки
Кто боль и стыд,
кто ярость закусив.
И падаем, взрываясь
на растяжке,
А кто-то просто падает без сил.

Такие вот нелегкие дороги
Сегодня по России пролегли.
И дай, Господь, и сильным,
и убогим
По тем дорогам до конца пройти.

2003 г.

ДЕТСТВО

По траве-мураве босиком,
Без крутых виражей
и кокетства
Пронеслось озорным ветерком
И мое голопузое детство.

Мальчиши той далекой поры,
Мы в войну только в играх
играли
И, свои защищая дворы,
Понарошку тогда умирали.

Все, кто выжил в той детской
войне
И рожден до отчаянья поздно,
Мы уже в настоящем огне
Погибали в Афгане и Грозном.

2003 г.

АФГАНЦАМ

Вы солдатской присяге
остались верны,
Победили и смерть,
и коварство пустыни.
Выпив горькую чашу
афганской войны,
Возвратившись домой,
до сих пор не остыли.

Вас терзают сегодня
тревожные сны.
В них пустым рукавом
ты сжимаешь гранату.
И встает пред тобой
не пришедший с войны
Твой товарищ,
закрывший собою комбата.

Утверждают сегодня,
что все это зря,
Что для Родины вы
тяжким бременем стали.
Вы не пасынки ей —
вы ее сыновья,
Ведь за подвиг она
вам вручала медали.

1989 г.

* * *

Большой войны
мы вспоминаем даты
И называем
павших имена.
А рядом снова
падают солдаты
На ту же землю,
где была война.
Была и есть —
какое совпаденье:
Все те же парни
на стальной броне...
Я вижу,
как другое поколенье
Идет в атаку
на другой войне.

1999 г.

* * *

Среди белоствольных берез
Однажды родился и рос.
Под радостный шум кедрача
Завидно раздался в плечах.

Пекла мне оладушки мать,
С отцом научился пахать.
И так, не спеша, между дел,
Я вырос, окреп и прозрел.

Я жизнь на себя примерял,
И правду, и кривду узнал,
Увидел, как радость молчит,
Как горе надрывно кричит,

Пожарищ клубящийся дым,
Ровесника в сорок седым,
Когда на отцовский погост
Он сына-«афганца» отнес.

И есть ли тут чья-то вина,
Когда где-то рядом — война,
Когда погибают сыны
От пуль непонятной войны.

1988 г.

* * *

Где затерялось поле чистое,
В какой растаяло дали?
Где те глаза твои лучистые,
Что вместе с полем тем цвели?

Где та березка белоликая,
Ее чарующий наряд
И стан, что вился повиликою
И зажигал мальчишкам взгляд?

Поля, от солнца загорелые,
В далекой маленькой Чечне
Мальчишки пашут бэтээрами
На необъявленной войне.

А ту девчонку белоликую
Вчера нашел военкомат.
И стан, что вился повиликою,
Украсил траурный наряд.

2004 г.

* * *

А на Кавказе — война опять,
И нет ей ни конца ни края.
Здесь не поймешь,
в кого стрелять,
Здесь весь Кавказ — передовая.

У этой непростой войны
Нечеловеческий характер.
Здесь перед смертью все равны,
Когда стреляет в спину снайпер.

Здесь нет открытого врага
И не услышишь канонаду.
Здесь можно обо всем солгать
И только умереть взаправду.

2000 г.

Я — АНДРЕЙ

Больничная кровать, палата,
Сознание, как серый дым.
И, словно ангелы в халатах,
Врачи склоняются над ним.

И слышит парень тихий голос:
«Не выживет, совсем плохой.
Ранение в брюшную полость
И безнадежно с головой...

А жаль — совсем еще
мальчишка.
Не знаем даже, как зовут.
Ему бы жить, любить,
как в книжках,
А он вот в госпитале тут».

И тот же голос: «Что, брат,
здравствуй!
Ты что пугаешь здесь людей?»
Глаза, распахнутые настежь,
Кричали: «Я — Андрей,
Андрей!»

2000 г.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Герою Советского Союза,
Герою Российской Федерации,
летчику полковнику
Николаю Майданову

Он шел на посадку
в Аргунском ущелье,
Закончен опасный полет.
Бандитским огнем
был внезапно обстрелян
Его боевой вертолет...
Шестнадцать пробоин,
как рваные раны,
Свинец даже сердце достал.
Успел доложить:
«Я — полковник Майданов,
Убит...» И упал на штурвал...
Россия, Россия,
с какой же любовью
Тебя защищают сыны.
Народная память
и слава — Герою
И лучшему асу страны.

2000 г.

* * *

И будет новый старт,
и будет новый финиш.
И кто-то сделает
последний в жизни спурт.
А кто-то и сейчас
взрывается на мине,
И роты, зубы сжав,
в последний бой идут.
Мы рвемся в облака,
чтоб приручить высоты,
И вот он под тобой —
твой покоренный пик.
А где-то над Чечней
на бреющем полете
Израненный пилот
ведет подбитый МиГ.
Кто не дошел вчера
до финиша с победой,
О них мы говорим:
«Они еще дойдут».
А парня, что погиб
под Гудермесом где-то,
Родные до сих пор
домой живого ждут.

1999 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не чувствуя лицом металла,
Мать обняла холодный гроб.
Последний раз она ласкала
Невидимый сыновий лоб.

Тяжелый взор застыл от боли,
На слезы не хватило сил.
Любимый сын на бранном поле
В Чечне головушку сложил.

Мать причитала через силу,
Как будто сын услышать мог:
«Уж лучше б я легла с могилу,
А ты живым пришел, сынок».

Глаза от горечи застыли,
Не слышит матери солдат.
Два сердца любящих навылет
Пробил тот снайперский заряд.

И жизнь парнишки-славянина
Застыла в строчке между дат.
Для матери — не стало сына,
Для Родины — погиб солдат.

2002 г.

* * *

На кладбище
друг от друга поодаль
Стоят две женщины —
молодая и старая.
Одна — у памятника
ветхого и ободранного,
Другая — у нового,
со звездочкой алою.

Те женщины —
солдатские вдовы.
У старой —
муж погиб на войне.
У молодой —
жених чернобровый
Ушел служить
и погиб в Чечне.

Одной дорогой
солдатской славы
Прошли достойно
и дед, и внук.
Их вдовы тоже
почти на равных
Идут по жизни
сквозь боль разлук.

2002 г.

* * *

Какими бы ни были
наши потери,
Никто не пытался
их даже измерить,
Назвать имена
и живущих, и павших,
И в скалах Чечни
и Афгана пропавших.

Все реже и реже
взрывается память,
Сердца не волнует
победное знамя.
Живем, как умеем,
под тяжестью буден.
За то, что не помним,
никто не подсуден.

Какими бы ни были
наши потери,
Не слышно ни слез,
ни всеобщих истерик.
Ну что там случилось —
расстреляна рота!
На то и война,
чтоб стреляли в кого-то.

А надо, так с пафосом
скажут по факту,
Что сын ваш геройски
погиб по контракту.
А те, кто вернулись
по воле Мессии,
В толпе затерялись,
Герои России.

И даже в калеке,
что хлещет стаканом,
Никто не узнает
героя Афгана.
Лишь мать в одиночестве
плачет о сыне,
Единственный сын
подорвался на мине…

Для целой страны —
небольшая потеря,
Но чем материнское горе
измерить?
Не слышит никто
материнские слезы.
Так плачут неслышно
от боли березы.

2008 г.

* * *

А память снова всколыхнула боль,
Сквозящую из всех горячих точек.
«Погиб в бою...» — читаем, как пароль,
А имена скрывают многоточья.

Зачем о них на всю страну кричать,
К своим героям мы давно остыли.
Лишь постаревшая от горя мать
Приходит к сыну, что лежит в могиле.

Погиб один, а где-то целый взвод,
Так назовите их, как перед строем.
Всех поименно должен знать народ,
Пусть дети знают имена героев.

Пускай кричит газетная строка
И боль людская нам сердца взрывает.
Пусть многоточья вычеркнет рука,
А имена на подвиг вдохновляют.

2012 г.

* * *

Пылает православный храм,
И в том огне душа сгорает,
Взывая с болью к небесам:
«Как допустил, что в храм стреляют?

Скажи, Господь, по чьей вине
В грехе растоптаны скрижали,
Распята вера на огне
И даже детство расстреляли?

Скажи, воздастся ль по делам
Участникам безумных шествий,
Кто, упиваясь чувством мести,
Сегодня осквернил наш храм?»

2014 г.

* * *

Я иногда хочу поспорить
С самим собой, когда не прав,
Когда штормит — с ревущим морем,
По локти тельник закатав.

А как бы я хотел поверить,
Что миром правит доброта,
Но велики ее потери,
Хоть и не пала высота.

Рецепт добра людьми утрачен,
К нему разрушены мосты,
Любовь среди развалин плачет,
И пепел — вместо красоты.

От тундры до селений горцев
В добро вцепились силы зла,
И за спиной у ратоборцев
Опять звонят колокола.

Набат от края и до края
Тревогу пробуждает в нас,
А рядом кровью истекает
Восставший против зла Донбасс.

Земля шахтерская пылает.
Опять Святая Русь в огне.
И миномет в детей стреляет,
А больно почему-то мне...

2014 г.

ТИШИНА

Я люблю тишину —
этот сон без постели.
В разнотравье упав,
слышу писк комара.
Даже ветер-лихач
затаился на елях,
И завис надо мной
синий купол шатра.

Заповедная тишь
пробуждает сомненья:
Уж не умер ли я
в этой вязкой глуши?
Даже мысль в голове
затекла без движенья
И, как будто во сне,
никуда не спешит.

Та июньская ночь
начиналась красиво.
Вдоль границы
такая ж была тишина,

А в четыре утра
эхо первого взрыва
Возвестило стране:
на пороге война.

Как хотелось войне
с тишиною покончить.
Сотни тысяч снарядов
кромсали ее.
Тишина возвращалась
упрямо и молча
И в солдатский окоп,
и в людское жилье.

У солдатских могил
рвется след биографий.
Мы, наверно, могли б
позабыть про войну.
Только смотрит на нас
с фронтовых фотографий
Строй бессмертных полков,
что спасли тишину.

2016 г.

ПУТЬ В БЕССМЕРТИЕ

В наследство мне
от старших поколений
Досталось чувство
пламенной любви
К родной стране,
что рядом с колыбели,
Там, где Господь
на жизнь благословил.

Из рук отца
я принял эстафету:
Россию в час суровый
защищать.
И, как пароль,
пронес с собой по свету
Готовность
жизнь за Родину отдать.

«Ну и наследство», —
улыбнется кто-то.
Не всем по сердцу
славные дела.
Но ведь была еще
шестая рота,
Что среди скал
бессмертье обрела.

Но ведь не бросил
свой штурвал Майданов
И умирая
продолжал полет.
А пуля в сердце —
разве это рана,
Когда в бессмертье
рвется вертолет.

И пусть остудит
недругов бессилье.
Пора б им душу
русскую узнать.
Отцы вручили
сыновьям Россию.
И нам ее сегодня
защищать.

2016 г.

* * *

Когда смолкают соловьи
И мир пугают злые лица,
Так хочется чуть-чуть любви,
К луне щекою прислониться.

Когда кругом лишь дым и чад
И мрак обхватывает клейко,
Так хочется в знакомый сад,
На уцелевшую скамейку.

Но сердце остужает страх,
Ползущий с холодом в подвалы,
А вместо сводок — на руках
Любовь, которой вдруг не стало.

2014 г.

* * *

Надсадный взрыв корежит стены,
И проседают этажи...
И делит грозное мгновенье
Людей на мертвых и живых.
Хоронит и святых, и грешных —
Всех под бетонною плитой,
А кто-то в горе безутешном
Застыл ни мертвый, ни живой.
И не по воле злого рока
Судьба людей предрешена —
Бал правит умысел жестокий
И непонятная война.

2000 г.

СЫНОВЬЯМ

Нам время диктует
другие и гимны, и марши.
Меняются нравы,
ветшают, как платья, слова.
Лишь мы не стареем,
мы просто становимся старше.
О наших делах
не забудет людская молва.

На шумных парадах
мы глотки восторженно рвали.
И ливень свинцовый
ряды наши часто косил.
Мы вас в передышках,
в любви зачиная, рожали,
А вывести в люди
порой не хватало нам сил.

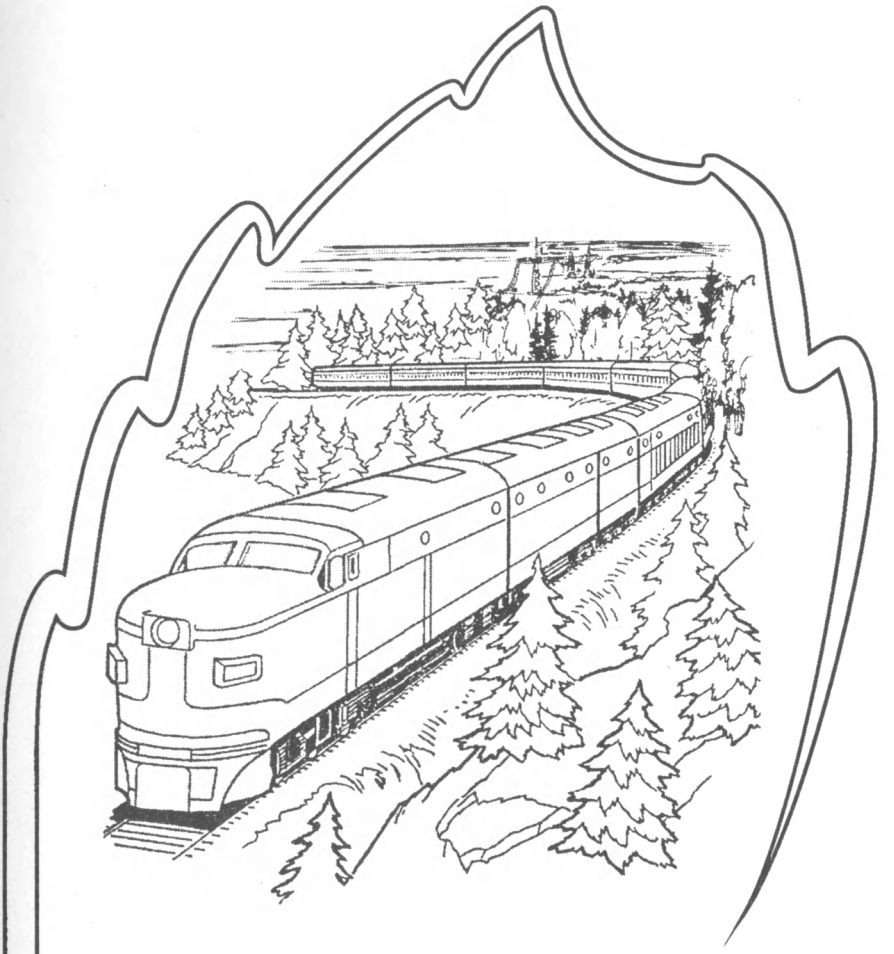
Мы завтра уходим,
и вы нас за это простите.
Непросто остаться
в огромной Вселенной одним.
Когда вам взгрустнется —
вы в небо ночное взгляните...
Нет, это не звезды,
а мы в ваши души глядим.

2001 г.

* * *

Молодым
я вверяю и сердце,
и разум.
Пусть они не забудут
ошибок отцов.
Пусть очистят они
родники от проказы
И любовью согреют
детишек и вдов.
Молодыми
хочу я сегодня
гордиться.
Пусть они поднимают
с коленей страну.
Молодым
я вверяю
покой на границах.
Да поможет
им Бог
сохранить тишину.

2007 г.



Тайга моя!
Тебе сто двадцать лет

НАЧАЛО...

Нелегкий путь
в сто двадцать лет
По Транссибирской магистрали,
Путь становлений и побед
с Тайгой тайгинцы
прошагали...

Ветвями елей
и берез
Леса откликнулись тревожно,
Когда пыхтящий паровоз
Пришел по рельсам
в край таежный.

Пугая стайки
детворы,
По рельсам поезда помчались.
И все мальчишки
с той поры
Стать машинистами
мечтали.

Так с магистралью
взяв разбег,
О том рассказано
немало,
Тайга вошла в двадцатый век,
Который стал
ее началом.

2006 г.

ТАЙГА МОЯ!

Тайга моя!
Тебе сто двадцать лет!
Ты как форпост
сибирской магистрали.
Твой паровоз
свершений и побед
Пронзил столетье,
покоряя дали.

Тайга моя!
В историю страны
Вписала ты
весомые страницы.
Своим трудом,
героикой войны
Прославили тебя
твои тайгинцы.

Тайга моя!
Тебе сто двадцать лет!
Но ты прекрасна
ликом и душою.
И я больших секретов
не открою,
Что с давних пор
в тебя влюблен поэт.

2016 г.

* * *

Зовут меня
поэтом из Тайги.
Для вас не много,
для меня — не мало.
В Тайге я делал
первые шаги,
В Тайгу вернулся
прямо от штурвала.

В Тайге мои
читатели-друзья.
Для них сегодня
я стихи слагаю.
И пусть зимой,
когда трещит земля,
Они тайгинцам
души согревают.

Я остаюсь
поэтом из Тайги.
Мне дела нет
до славы и признаний.
Пусть это все
достанется другим.
Любовь людей
дороже всяких званий.

2007 г.

МИЛАЯ ТАЙГА

Вьюга-завируха
рельсы заметает.
Нас с тобой пытают
холод и пурга.
Но весна вернется,
и снега растают,
И расправит плечи
милая Тайга.

На Земле есть много
городов чудесных.
Их дворцы и храмы
стерегут века.
Ну а мы рисуем
и слагаем песни
О тебе, мой город,
милая Тайга.

Славу на столетья
мы твою ковали,
По горячим шпалам
я с тобой шагал.
Светофор зеленый
провожал нас в дали,
Красным нас встречает
милая Тайга.

Много ль счастья надо
мне на белом свете!
Чтобы были рядом
наши берега,
Чтоб не затерялся
на большой планете
Город-невеличка,
милая Тайга.

2011 г.

БОГАТЫРИ

Три башни — три богатыря
В остроконечных древних шлемах,
У деповских цехов стоят
На страже целый век бессменно.

Доспехи из дощатых лат
От времени почти истлели,
Но камень, крепкий, как булат,
Еще послужит в ратном деле.

Следы от прошумевших дней,
Как строчки из далекой были,
Когда они своих коней
Водой студеною поили.

Несут дозор богатыри,
Встречая грудью снег и ветер.
Ночных созвездий фонари
Зовут их в новое столетье.

2003 г.

ТАЙГА

Город мой, годами опаленный,
С простеньким названием Тайга.
Летом весь нарядный и зеленый,
В январе укутанный в снега.

На пороге прошлого столетья
Вырос ты как маленький форпост.
По твоим путям ушел в бессмертье
Боевой трудяга-паровоз.

Высятся, как крепостные стены,
Корпуса Тайгинского депо.
И локомотивы после смены
На ремонт стекаются в него.

С детства я считал за чудо света
Белокрылый сказочный вокзал.
Мне в дорогу он вручил билеты,
После странствий радостно встречал.

Купола Андреевского храма
Загорелись вновь средь тополей.
Колокольный звон, как звук органа,
Льется тихо над Тайгой моей.

2002 г.

ПАРОВОЗ

Он стоит на своем пьедестале,
Только короток рельсовый путь.
Сердце рвется к стальной
магистрали,
Но нет силы колес провернуть.

Так и замер у главного хода,
Среди стайки зеленых берез.
Архаизм, что не тронула мода,
В переплавку не славший колес.

На последнем своем пьедестале,
Как пришелец из жизни другой,
Покоривший и время, и дали,
Он остался с рабочей Тайгой.

2002 г.

ВОЗРОЖДАЙСЯ, ТАЙГА

Я иду по Тайге,
вдаль бежит
неширокая улица.
И по крыши дома
утопают в зеленых тонах.
И веселое солнце
Андреевским храмом
любуется,
Вечный свет расплескав
В серебристых его куполах.
И гудит над Тайгой
перезвон возродившейся
звонницы,
И надежду вселяет
в заблудшие наши сердца.
Вместе с городом мы
отражаем удар неустроицы.
Возрождайся, Тайга!
Да хранит тебя
воля Творца.

2002 г.

ТАЙГИНСКАЯ ДОРОЖНАЯ ТЕХШКОЛА

В историю сибирской магистрали,
От первой до сегодняшней строки,
Вы золотом дела свои вписали,
Выпускники техшколы из Тайги.

А старт делам был дан на паровозе
В далекие тридцатые года.
И ветер памяти до нас доносит,
Как лунинцы водили поезда.

Потом война — и труд ваш, трижды
ратный.
Из стен техшколы шли вы прямо
в бой,
Чтоб в сорок пятом привести обратно
Победный поезд в город свой родной.

Давным-давно отбушевали грозы,
И тишину тревожат лишь гудки,
А по стальным путям электровозы
Тайгинские ведут выпускники.

Пусть новый век — экзаменатор
строгий,
Сквозь шум колес слышны его шаги.
Кует, как прежде, кадры для дороги
Дорожная техшкола из Тайги.

2009 г.

ПОЛИГОН

Вдали от настоящих перегонов,
Ограждены стеной со всех сторон,
Стоят локомотивы и вагоны
На станции Учебный полигон.

Для посторонних — это просто чудо
Среди зеленых городских аллей,
Все эти поезда из «ниоткуда»
Пришли сюда без рельсовых путей.

Здесь все взаправду: стрелки,
светофоры,
И в зареве прожекторных огней
Высокие контактные опоры
Стоят, как часовые, вдоль путей.

Здесь целый парк с его порядком
строгим.
И ничего, что коротки пути.
Весь подвижной состав зовут
дороги,
И есть кому те поезда вести.

2001 г.

АЛЕШКИНА ЗВЕЗДА

Маслову
Алексею Федоровичу

Среди полей и шелковых берез,
За сотни верст от рельсовой
дороги
Алешка Маслов по-мужски,
без слез,
Прощался с детством на родном
пороге.

Он не мечтал о небе, о морях,
Мог стать героем своего колхоза,
Не окажись в мальчишеских
руках
Обыкновенный снимок паровоза.

Ни летчик, ни моряк и ни танкист
Так не смогли б украсить
этот снимок.
В промасленной фуражке
машинист
Алешке улыбался из кабины.

Он знал, что покидает навсегда
Родимый край, веселые березы.
Куда-то вдаль вела его звезда,
Что вылита была на паровозе.

Шел по Тайге Алешка налегке
И с любопытством вглядывался
в лица.
Не думал он, что в этом городке,
Как паровоз по рельсам, жизнь
помчится.

Тайгинский техникум, как отчий
дом,
Открыл приветливо для парня
двери.
Большой талант заметил кто-то
в нем,
В его счастливую звезду поверив.

И сам он твердо веровал в успех,
Работал, рук своих не покладая.
Он самый главный машинист
для тех,
Кто рядом с ним по колее
шагает.

Ведут по всей России поезда,
Кто начинал свой путь
от полигона.
А главная Алешкина звезда —
Так и сияет на его погонах.

2002 г.

ТАЙГА

По-русски крепко на земле
Стоит Тайга — любимый город.
В свои сто десять полных лет
Он, как вчера, красив и молод.

В руках надежно держит стяг,
С характером прочнее стали,
Рабочий город-сибиряк
Остался верен магистрали.

И верность эта — навсегда.
Нет ничего ее превыше.
Идут по рельсам поезда,
И поступь эту город слышит.

А где-то в окнах вспыхнет свет
В ответ на чьи-то позывные.
Тайгинцы знают, в чем секрет, —
Спешат на смену поездные.

Купаясь в солнечных лучах,
И в будний день, и в день
рожденья
В желтушке яркой на плечах —
Мой город, словно парк осенний.

2005 г.

* * *

В лазурь и зелень разодета,
Тайга встречает свой рассвет.
Мечта художников, поэтов,
Сегодня ей сто десять лет.

Не мегаполис, не столица,
Один из тысяч городов,
Но сколько гордости на лицах
Моих суровых земляков!

И кто влюблен в нее сильнее,
Чье сердце у Тайги в плену:
Вагонник, машинист, путеец —
Не догадаться никому.

А может, это твой ребенок
Не по-мальчишески, всерьез,
Уже давно, почти с пеленок,
Влюблен в зеленый паровоз,

Что замер около перрона,
Не дотянувшись к проводам,
А прицепи к нему вагоны,
И он помчится к небесам.

Цвети и впредь, мой славный
город.
Пусть в детский смех
и шум гудков
Вливается родным мажором
Призывный звон колоколов.

2006 г.

«ТАЙГИНКА»

Родилась ты в далеком
двадцатом,
На изломе времен и границ.
И сливался с призывным
набатом
Голос правды с газетных
страниц.

Убедился наш город воочию,
Что с тобою сроднился
судьбой.
Ты всегда оставалась рабочей,
Ты сегодня с рабочей Тайгой.

Городская газета глубинки,
Ты людей прославляешь
за труд.
Ведь не зря же своею
«Тайгинкой»
Тебя нежно тайгинцы зовут.

Оставайся и дальше такою:
Не с красна, не с желта,
не с бела.
Не чурайся рабочей судьбою.
Красят жизнь не цвета, а дела.

2005 г.

ПЕСНЯ О ТАЙГЕ

Город детства — Тайга дорогая,
С непростою житейской судьбой.
Много лет магистраль рассекает
Твой неброский пейзаж городской.

Припев: И летят, словно птицы,
Над тобою года...
Породнили тайгинцев
Навсегда поезда.

Здесь, на этих таежных распадках,
Наши деды ходили в поход.
Уезжали тайгинцы-солдаты
В сорок первом на западный фронт.

Припев.

Без проспектов и новых высоток
Ты всегда мне была дорога.
Если Томск есть на север дорога,
Ключ от них — городок мой Тайга.

Припев.

Ты в свои тополиные скверы
Звоном детства меня позвала.
И как символ надежды и веры
Вижу крест на твоих куполах.

Припев.

2002 г.

ГДЕ НАЧИНАЮТСЯ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

Где начинаются
железные дороги?
Куда они ведут
через года?
От стен Москвы,
от главного порога
По всей России
мчатся поезда.
Грохочут многотонные
составы
Под ровный гул
бескрайних проводов.
Навстречу им —
то белые вокзалы,
То полустанки
в несколько домов.

То лес стеной,
то голые равнины,
То вдруг внизу
запенится река.
А впереди —
две пары ровных линий
Уходят вдаль,
врезаясь в облака.
С ближайших станций,
что мы с детства знали,
До самых дальних,
на краю земли,
Как и вчера,
по рельсам магистрали
Сегодня утром
поезда ушли.

2001 г.

ТАЙГИНСКИЕ ЗОРИ

Разлились, как песня,
над Тайгою зори,
В их разводьях замерли
купола.
И гудкам певучим,
словно эхо, вторят,
Пробуждая души,
колокола.

Припев:

Тайгинские зори,
Тайгинские зори,
Как чайки над морем,
парят.
Тайгинские зори,
Тайгинские зори
Над городом детства
горят.

Там, где вдоль откосов
ели к рельсам жмутся,
Нас с Тайгой сроднили
годы и дела.
Только над Тайгою
песни так поются.
Их напевам вторят
колокола.

Припев.

Новый день проснется
над таежным морем.
И на рельсах вспыхнет
лучик золотой.
Если кто не знает,
где красивей зори,
Мы тому подскажем —
в небе над Тайгой.

Припев.

2011 г.

ТАЙГИНСКИЕ НАПЕВЫ

Гармонь играет на завалинке
И на зеленом берегу.
Как любим мы свой город маленький,
Свою любимую Тайгу.
Играй, гармонь моя сибирская,
Не подведи, родная, нас.
И пусть мелодии тайгинские
Прославят наш родной Кузбасс.

Не испугаешь нас метелями,
Наш уголек течет рекой.
Поля сибирские засеяли,
Теперь и хлеб в Кузбассе свой.
Играй, гармошка голосистая,
Меха пошире раздувай.
И пусть мелодии тайгинские
Прославят наш сибирский край.

Сибирь, Сибирь — леса высокие,
Все это русская земля.
Здесь пели песни Заволокины
Ничуть не хуже соловья.
Играй, гармонь — басы речистые,
Подпой, гармошка, соловью.
И пусть мелодии тайгинские
Прославят Родину мою.

Гордимся мы своими недрами,
У нас характер боевой.
Шагают внуки рядом с дедами,
Кто опаленный был войной.
Играй, гармошка — планки звездные,
Для всех вернувшихся с войны,
Для тех, кто, выжив в годы грозные,
Добыл Победу для страны.

2010 г.

ВОКЗАЛЫ

Забитые окна застывших
вокзалов
Устало глядят нам вослед.
И кажется, в жизни чего-то
не стало,
И к счастью не купишь билет.

Весна их по-своему белит
и красит,
И мимо идут поезда.
Но время их жизнь разделило
на части,
И стрелки ведут в никуда.

С годами они превратятся
в руины,
И жизнь вокруг них отшумит.
И чья-то любовь на перроне
застынет
Среди зарастающих плит.

Вокзалы, вокзалы стальной
магистрали,
Гудки не тревожат их сон.
Они где-то там, в прежней
жизни остались,
В которую я так влюблен.

2004 г.

* * *

Памяти
Геннадия Кузнецова

Его не слушать было невозможно,
Он в песни душу русскую вложил.
И эти песни о земле таежной
Он землякам при жизни подарил.

Его баян забористо и звонко
На клубных сценах волновал людей.
С ним пели поселковые девчонки,
Им вторил наш сибирский соловей.

А может, в переборах баяниста
Угадывались трели соловья.
Я этим замечательным солистам
Не раз внимал, дыханье затая.

У смерти нет решений справедливых.
Врываясь к нам из царства вечной
тьмы,
Она уносит лучших и красивых,
Без чьих сердец вдруг сиротеем мы.

Нам не забыть его полет парящий
Над голубой сибирскою тайгой.
Ушел поэт из тех, из настоящих.
Тайга, скорби, ушел тайгинец твой.

2013 г.

ПОЕЗДА

Проносятся по рельсам поезда,
Без суеты спешат куда-то мимо.
Увозят нас порою в никуда,
А иногда крадут у нас любимых.

Мы пропадаем в омутах разлук.
И край перрона — словно мнимый
берег.
Последнее прикосновенье рук,
Последний взгляд в распахнутые
двери.

От стука убегающих колес
Сжимает сердце холод расставанья.
Еще лицо не высохло от слез,
А мы уж встречи ждем,
как подаянья.

Нам не любить бы надо поезда.
За их гудками кроются потери.
Но кто спасет нас от разлук тогда,
Приветливо распахивая двери?

2006 г.

О ТАЙГЕ

Когда пишу я о Тайге,
Я не ищу красивых слов.
В любой написанной строке —
Портреты наших земляков.

Пейзаж суровый и простой,
И блеск путей во все концы.
Тайгинцы любят город свой —
Его построили отцы.

Не дотянулся он до звезд,
Обняв стальную магистраль.
Тайгинский символ — паровоз,
Как и отцов, зовет нас вдаль.

Когда тебя нигде не ждут,
Бредешь один среди пурги,
Ищи и друга, и приют
В объятиях родной Тайги.

2008 г.

ТРАНССИБ

В начале столетья,
что в прошлое кануло,
Стальной параллелью
сквозь время и даль
От центра России
до Тихого океана
Прошла Транссибирская
магистраль.

Вершилась история
на ее перегонах...
От сердца России
до края земли
То белые сотни,
то красные эскадроны,
Сменяя друг друга,
по рельсам прошли.

Когда в сорок первом
к столице Отчизны
Пытался прорваться
неистовый враг,

Транссиб для Москвы
стал дорогою жизни,
Готовя фронты
для грядущих атак.

Поставлен был крест
на победе фашизма,
Когда по Транссибу
на помощь стране
Пошли эшелоны
сибирских дивизий
И «тридцатьчетверки»
в сибирской броне.

Давно отпыхтев
на последних маневрах,
На базе запаса
застыл паровоз.
Из века двадцатого
в век двадцать первый
Экспресс транссибирский
меня перенес.

2000 г.

СВЕТОФОРЫ

Светофоры
горят вдоль путей.
То зеленый,
то желтый,
то красный.
Путь свободен —
езжайте скорей...
Занят путь —
не спешите напрасно.
Поездов
нескончаем поток.
Их стоянки
и нужную скорость
Все по графику,
четко и в срок
Обеспечат
огни светофоров.
Жизнь моя,
словно поезд, летит
По каким-то
немыслимым трассам.
И нигде не стоит
мой транзит —
Нет у жизни
стоянок на красный.

2002 г.

ОХРАНА

С далеких пламенных двадцатых
Ведет охрана свой отсчет.
Гражданка... Брат идет на брата,
К вагонам рвется разный сброд.

Освобожденные Антантой
Жулье и воры при мастях,
Полуразогнанные банды,
зажатые в глухих лесах.

И в это время непростое,
Не сняв шинели фронтовой,
Закрыв республику собою,
Встал у вагонов часовой.

Со сменой ведомств и названий
Задача у стрелков одна:
Чтоб, покоряя расстоянья,
Беречь на рельсах поезда.

2005 г.

ОПЕРА́

Нас схватки в ночи не пугают.
И всем бы запомнить пора:
Пусть воры покоя не знают,
Когда на путях опера́.

Пусть рельсы трещат на морозе
И в парках гуляют ветра,
Навстречу внезапной угрозе
Бесстрашно идут опера́.

Им претят покой и парады.
Сегодня — опять, как вчера,
На совесть, а не за награды,
Охрану несут опера́.

2006 г.

НАМ ДЕВЯНОСТО ПЯТЬ

Нам девяносто пять
колеса отстучали,
А поезда уносят нас
вперед.
Но, сколько б ни прошло,
Все так же, как в начале,
Стрелками называет нас
народ.

Бегут во все концы
дороги по России.
Нам все их не объехать
никогда.
Из множества дорог
мы выбрали стальные —
На них мы охраняем
поезда.

Нас стужей и огнем
испытывали годы.
На рельсах нам случалось
умирать.
Мы так же, как отцы,
негнущейся породы,
Пусть нам сегодня
девяносто пять.

2006–2016 гг.

ГЕНЕРАЛ

Долгих
Николаю Федоровичу

Генерал — он всегда генерал.
Он за каждую роту в ответе,
Даже если невольно послал
Эту роту навстречу бессмертью.

Генералу я честь отдаю.
Мне его благодарность — награда.
И когда на посту я стою,
Он незримо присутствует рядом.

Пролегли через сердце его
Все фронты и тылы магистрали,
Что берет от Урала разгон,
Устремляясь в сибирские дали.

Не вершить на дорогах стальных
Беспредела разбойничьим кланам.
Здесь стрелки генерала Долгих
Взяли всю магистраль под охрану.

2004 г.

ЗАСАДА

Глухая ночь накрыла парк,
Где на путях стоят вагоны.
Лишь редкий лязг колесных пар
Рвет тишину, как крик вороны.

Все растворилось в темноте.
Лишь звезды словно на экране.
И в этой мнимой пустоте
В засаде залегла охрана.

Там у вагонов, где вчера
В такую ж ночь был груз украден,
Крутые парни-опера
Ждут расхитителей в засаде.

Осколки хрупкой тишины
По междупутьям ночь разносит.
И вдруг становятся слышны
Шаги чужие на откосе.

Идет проворное ворье
К своей добыче торопливо.
Вдруг ночь суровый окрик рвет,
А дальше все, как в детективе...

2002 г.

ДРУГ

На службе зимою и летом,
Везде, где нам беды грозят.
Стоят на охране объектов
Лохматые наши друзья.

Собака в дозоре, в засаде —
Надежный помощник стрелка.
Не жду я опасности сзади,
Когда на загривке рука.

Обиды свои забывает,
Когда угрожает чужак,
И сильную грудь подставляет
Под выстрел и выпад ножа.

Бежит вдоль состава за мною
Надежный охранник — мой пес,
А значит, на службе нас двое
И чист придорожный откос.

2005 г.

НЕЗНАКОМКА

Часовой на мосту,
на плече автомат.
Все как надо,
Согласно устава.
Словно замер,
и только внимательный
взгляд
Через мост провожает
составы.
Мне на миг показался
наигранно строг
Тот герой,
словно воин былинный.
Вдруг на брови скользнул
озорной завиток,
Понял я —
с автоматом дивчина.
Через годы
я вижу тот мост над рекой,
Мне порой
даже кажется странным:
Я хочу,
чтоб окликнул меня
часовой,
Незнакомка моя
из охраны.

2002 г.

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Как танк,
не вышедший из боя
Во имя завтрашнего дня,
Так на путях
пожарный поезд —
Всегда на линии огня.
Он с виду
празднично-беспечен,
Не суетлив,
как все кругом,
Всегда готов
к опасной встрече
С разбушевавшимся огнем.
И в этой схватке
с преисподней,
Сбивая пламени разбег,
На линию огня выходит
в пожарной робе человек.
Так день и ночь,
как перед боем,
Спокойствие людей храня,
Стоит на рельсах
красный поезд —
На самой линии огня.

2002 г.

МЫ ТУШИМ ПОЖАРЫ

Нас выбрало время,
мы тушим пожары с тобой.
И в пламя шагать —
это наша работа.
Такой вот горячей
нас жизнь наделила
судьбой,
Огонь усмирять и спасать
на пожаре кого-то.

Жаркие объятия огня
Обнимают, ох как обнимают.
Ты держись, братишка, за меня,
Ведь друзей в пожаре не бросают.

А после пожара
мы снова вернемся домой,
Обычные парни,
пропахшие гарью и дымом.
Шагавшие с ходу
в любой ураган огневой,
Несмело обнимут
шагнувших навстречу любимых.

Жаркие объятия огня
Обнимают, ох как обнимают.
Ты молись, родная, за меня,
Ведь любовь в пожаре не сгорает.

2002 г.

ПОЛУСТАНОК

Вот полустанок,
выцветший, как гриб.
Его давно приговорили
к сносу.
А он, бедовый,
накрепко прилип
Домишками
к дорожному откосу.

Он целый век
встречает поезда.
В космических масштабах —
это малость.
Ваш приговор жестокий,
господа.
Дорога — все,
что у него осталось.

Он скоро сам
в небытие уйдет.
И свой входной
в ночи погасит тоже.
Гудками поезд
тишину взорвет —
Он полустанок
позабыть не сможет.



Мой милый край – земля, где я родился

МОЙ МИЛЫЙ КРАЙ

Мой милый край —
земля, где я родился,
Где первые тропинки протоптал.
С тобою сердцем
с детства я сроднился,
Тебя я малой родиной назвал.

Где у крыльца
родительского дома
От всех штормов
надежный мой причал.
Из дальних странствий
песнею знакомой
Ты звал меня и радостно встречал.

Встает рассвет
над яшкинской землею,
И пусть вокруг леса, а не вода,
Как ты, мой край,
по жизни был со мною,
Так я с тобой останусь навсегда.

2004 г.

Я ИЗ КУЗБАССА РОДОМ

Я счастлив тем, что из Кузбасса родом
И звание кузбассовца ношу,
В делах и помыслах его народа,
Я воздухом родных лесов дышу.

От Арктики таежные просторы
Живым щитом оберегают нас.
На страже юга взгромоздились горы,
А в центре — наша Родина — Кузбасс.

Пусть кто-то скажет:
чем нашел гордиться,
Кузбасс — не самый райский уголок.
А я узнаю земляков по лицам:
На них свой след оставил уголек.

Для мальчиша Кузбассом был поселок,
А для подростка — Яшкинский район.
Сегодня это — города и села,
Кузнецкий край, в который я влюблен.

2012 г.

* * *

И боль, и думы, и мечты
О той земле, где я родился,
Где, опираясь на кресты,
Погост отцовский притулился.

Что мне заморский Парфенон
И вся чужая заграница!
Лишь ты, мой Яшкинский район,
Мой бастион, моя столица.

Поселок, близкий и родной,
Сегодня ты как будто замер.
И притушил завод большой
В печах бушующее пламя.

Но в чистых лицах земляков
Я вижу, теплится надежда,
И славу дедов и отцов
Подхватят сыновья, как прежде.

И вспыхнут, золотом горя,
Колосья под сибирским небом.
И мы поймем, любуясь хлебом,
Что все свершенное не зря.

2005 г.

ШАХТЕРЫ

Встают над красавицей Томью рассветы,
И в шахты спускаться пора.
Шахтеры Кузбасса, врубаясь в планету,
Дают уголек на-гора.

И север таежный, равнины и горы,
Тобой мы гордимся, Кузбасс.
Уходят бесстрашно под землю шахтеры,
Чтоб твой уголек не погас.

Давно не пугают нас черные лица,
Мы вас по делам узнаем.
Шахтеры, шахтеры, вам есть чем гордиться,
Вы славу добыли углем.

Шахтерская дружба осилит завалы,
Здесь боль и удача — на всех.
Шахтеры, шахтеры, поднимем бокалы
За тех, кто не вышел наверх.

Скучают шахтеры в забоях по свету.
Опасен и нужен их труд.
Живу на земле я, что греет планету,
Где черные реки текут...

2008 г.

КУЗЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ

Смотрю на пейзаж знакомый,
Словно на день вчерашний.
Все тот же веселый домик
Со ставнями нараспашку,

И пруд на краю поселка,
За лысиной огородов,
Куском голубого шелка
Привольно раскинул воды.

Исчезли лесные тропы
В вечерних мазках тумана.
Тальник, превратившись
в копны,
В пруду принимает ванны.

Насупился дальний берег.
И, словно обитель страха,
Мохнатый высокий ельник
Развесил зеленый бархат.

За прудом, за темным логом
Удавом ползет проселок,
И трактор с большущим стогом
Крадется, как зверь, в поселок.

Смотрю на пейзаж знакомый,
Словно на день вчерашний,
Ровесница-ель у дома
Мне ветвью из детства машет.

2002 г.

* * *

Двенадцать месяцев в году
Живу в поселке лесорубов,
Где ели смотрятся в пруду,
А их давно никто не рубит.

Где сосны, выстроившись в ряд,
Макушками врастают в небо
И сверху на весь мир глядят
На зависть карликовым вербам.

Где змейкою среди болот
Струится бойкая речушка,
Которую проходит вброд
Любая малая пичужка.

К ее тенистым омутам
Мальчишкой я ходил рыбачить,
Штаны сдирая по кустам,
Ловил желанный миг удачи.

Сегодня у лесной реки
Мне непривычно одиноко.
Ее забыли рыбаки,
И я один топчу осоку.

2004 г.

ВЕЧЕР

Вечер... Такая светлынь,
Кажется, все в самоцветах.
Это красавец-июнь
Дарит нам жаркое лето.

Вспыхнул и тут же потух
Свет над вечерней лампадой.
За день уставший пастух
Гонит пузатое стадо.

Тихо растаявший день,
Словно мелодии песен,
На деревенский плетень
Длинные тени повесил.

Долго стою у плетня.
В душу крадется усталость.
Мне от прошедшего дня
Только тревога досталась.

2003 г.

* * *

Кто повыше возвел терема,
Позабыв, что родился в селе,
У кого же — пустая сума,
Тот, как прежде, прижался
к земле.

А в избенке печурка трещит,
Лапкой кот намывает свой нос,
А на печке — и каша, и щи,
И не страшен нам лютый мороз.

Рядом берег замерзшей реки,
Рыбаки там колдуют с утра.
И, сменив городки на коньки,
Лед утюжит весь день детвора.

На земле я поставил свой дом,
Среди ласковых пихт и берез.
И уютно, и весело в нем,
Как в избе, где родился и рос.

2008 г.

КЕДР

Мой талисман — могучий кедр.
Корнями он в планету врос
И, силы черпая из недр,
Грозу встречает в полный рост.

Как наш сибирский великан,
И я прирос к родной земле.
И красота лесных полян,
И судьбы земляков-сельчан —
Все переплавилось во мне.

Вот так, соседствуя, стоим:
Большущий кедр — я рядом с ним.
Встречаем утренний рассвет:
Полвека я, он — триста лет.

2007 г.

* * *

Какой немыслимый простор!
Какое чудное приволье!
У горизонта замер бор,
Облапив спеющее поле.

С небес струится тишина,
Рождаясь на вселенской сини.
И винный аромат полыни
Меня опять лишает сна.

Хочу погладить тишину,
В ее флюидах раствориться.
Мне колокольчик подмигнул,
Даря возможность удивиться.

Давно сгорел в заре рассвет,
А я любуюсь и любуюсь...
Душа с Вселенной тет-а-тет,
Раскрыв себя для поцелуев.

2002 г.

* * *

Побудку прокричал петух.
Деревня нехотя проснулась,
Свой сольный номер
среди гула
В рожок сыграл вдали пастух.

Разноголосое мычанье
Заполнило ближайший луг.
И ароматом иван-чая
Пахнуло от знакомых рук.

1989 г.

* * *

Радуюсь солнцу и небу,
Звездам в космической мгле.
Радуюсь черному хлебу,
Если он есть на столе.

Радует жизнь, что от Бога,
Ветка, которой цвести.
В даль убегает дорога.
Рад я, что снова в пути.

2010 г.

ГРУСТЬ

Повяли травы на лугах,
В июльском солнце день
томится.
Непрошенная грусть в глазах
Вот-вот слезинкой заискрится.

Полуденным настоем трав
Пьяняще пахнут твои руки.
В себя тот аромат вобрав,
Молчу в предчувствии
разлуки.

Поверь, я так ее боюсь,
Разлук не скрасишь
пасторалью.
И кажется, накрыла грусть
Весь мир невидимой вуалью.

2002 г.

БОГАТЫРЬ

Порой грущу по сенокосу,
Когда отец, глотнув воды,
Брал в руки
недотрогу-косу
И травы складывал в ряды.
Коса отчаянно металась
В отцовских
жилистых руках,
Сердитым визгом
отзывалась
На каждый богатырский взмах.
Я любовался этим вволю,
А в звоне
пробуждалась ширь...
Я видел,
как вдали, по полю,
Шагал с косою богатырь.

1972 г.

* * *

Помню детство: я в постели
И кошачью спинку глажу.
Мать, склонившись над куделью,
Тянет нитку белой пряжи.

За столом отец колдует
Над какой-то безделушкой.
Вечер сны мои малюет
И кладет их под подушку.

Все, как в детстве, словно
память
Растревожила виденья:
Шумно печь пыхтит боками,
Превращая в жар поленья.

Громоздятся, как торосы,
Потускневшие сюжеты.
Я на детские вопросы
До сих пор ищу ответы.

Где кончаются дороги,
Что уходят прямо в небо?
Подводя свои итоги,
Я иду туда, где не был.

2006 г.

* * *

В летний полдень
над поляной
Настоялся воздух пьяный.
Аконит куда-то манит,
Тмин с душицею
дурманят...
Эти запахи у лета
Я краду
с цветов и веток.
Вместе с воздухом вдыхаю
И в зароды собираю,
Чтоб зимой,
как миг рассвета,
Воскресить кусочек лета.

2007 г.

ВОДОВОЗ

Помню, как в любой мороз
На лошадке невеселой
Бородатый водовоз
Воду нам возил в поселок.

Он ведерным черпаком
Осушить пытался прорубь.
Воду чистую, с парком,
Вез от речки прямо в гору.

Ребятня, кто посмелей,
Вслед бежали за санями.
Бич возницы, словно змей,
Их отпугивал хлопками.

От малейшего толчка
Бочка жалобно скрипела,
А душа у мужичка
От работы так и пела.

2011 г.

* * *

Я люблю небеса
в изумрудной оправе,
Их бездонную синь,
седину облаков.
Если ветер-скиталец
мне крылья расправит,
Я без страха взлечу
в царство гордых орлов.

И забывшись на миг,
что к земле я прикован,
Я ее с высоты
попытаюсь обнять.
Нет, не топот копыт
о большак неездовый,
Это сердце в груди
так стучит у меня.

Вот он, край мой родной
в ожерелье таежном,
Изначально суров —
пихтачи да кедрач.
И нельзя разлюбить,
и забыть невозможно
Грусть ворчливых осин
и березовый плач.

Вот поставим зарод
и в усталости пьяной
Мы с тобой упадем
под калиновый куст.
Будем пить небеса
вместе с воздухом пряным
И друг друга любить,
задыхаясь от чувств.

2014 г.

* * *

По шелкам немятых трав
Ветер запахи разносит.
И косарь, слегка устав,
Вместе с травами их косит.

За спиною скошен луг,
И косарь прилег на стане.
Травы, что легли вокруг,
Солнце весело румянит.

2006 г.

ПАМЯТЬ

Землякам-кузелянам

Беспокойная память опять
Мне из прошлого машет рукой.
И нельзя ни забыть, ни солгать.
Память — эхо от жизни былой.

Пустыри — это шрамы от ран,
Тишина — мой сказитель без слов.
Лишь в тоске разрыдался баян,
Растревожив сердца стариков.

Под шатры изумрудных полян,
За тенистый задумчивый пруд
Он мечтает собрать кузелян.
Может быть, отзовутся, придут.

Но молчит зачарованный лес —
Зря старался ростовский баян.
Разлетелись с насиженных мест,
Оперившись, птенцы кузелян.

Застоялась трава-мурава
На обочинах старых дорог.
И стихами ложатся слова,
Что собрать я от прошлого смог.

Я назвать поименно могу
Земляков, что сегодня со мной.
Я соцветия лиц берегу
Всех ушедших в закат огневой.

2008 г.

ПОГОСТ

Памяти односельчан

Стоит на взгорке
рукотворный бор.
В зеленых кронах
заблудился ветер,
Не прекращая
бесполезный спор
О вечной жизни
и о скорой смерти.

А в сосняке
крестами в землю врос,
Как отраженье
нашего поселка,
Полузаросший
старенький погост,
Собравший жизни
мелкие осколки.

Куда ни глянь:
кресты, кресты, кресты —
И словно списки
значимых по штату.
А может,
как незримые мосты,
Читаются
фамилии и даты.

Полсотни лет —
такой короткий срок!
Но беспощаден к людям
ветер стылый.
И все, кто время
оседлать не смог,
Дома в миру
сменили на могилы.

Кто умер просто,
завершив дела,
Пройдя тропу,
указанную Богом.
Кого старуха-смерть
подстерегла,
А кто-то жизнью
был наказан строго.

Ушли во тьму
и деды, и отцы.
Все, кто тайгу
осваивал когда-то.
Их внуки разбрелись
во все концы,
Не помышляя
о пути обратном.

И только ель,
как много лет назад,
Стоит на взгорке,
усмиряя ветер.
Под ней когда-то
не было оград,
Того погоста
не было на свете.

Нетерпеливый
молодой сосняк
Был невысок,
не затенял дорожки.
Веселым шумом
он встречал ребят
И наполнял грибами
их лукошки.

В поселке все
любили этот лес.
Пустым он не был
ни весной, ни летом.
И детский крик
вдруг оживлял окрест,
Перекликаясь
с шаловливым эхом.

На берегу
тенистого пруда
Устраивались
летние гулянья.
До самых звезд,
а то и до утра
Будили дали
песнями сельчане.

А соснячок
любил веселый вздор,
Любил людей,
лаская их при встрече.
Он словно знал,
наш золотистый бор,
Что век людской
так страшно скоротечен.

Кипела жизнь
в поселке и в лесу,
А в сосняке
готовилась интрига.
Влюбился
в ненаглядную красу —
В большую ель
наш старожил Галыга.

Нас, пацанов
тех отдаленных дней,
Не раз пугала
странная картина:
Под темной елью,
средь ее ветвей
Сидел старик
и плел свои корзины.

Живет в народе
старая молва
Как отголосок
поселковой были,
Что донесла до нас
его слова:
«Под этой елью
быть моей могиле».

Художником ли был
тот старичок,
Что на закате
так легко и просто
Облюбовал
красивый соснячок,
Где ель стоит,
для нашего погоста.

А годы так
скорехонько бегут.
Сам этот факт
по сути невеселый.
Мы за полвека
отнесли за пруд
Всех, кто когда-то
строил наш поселок.

В глубоком сне
стоит погост-двойник,
В своих объятьях
стиснув боль людскую.
Его когда-то
основал старик,
Влюбившись в ель —
красавицу лесную.

2006 г.

* * *

Я до сих пор влюблен в поселок,
Что зацепился за Транссиб,
Цивилизации осколок,
Каких немало на Руси.

Когда-то здесь в глуши таежной
Мой предок свой разжег очаг.
Здесь до сих пор услышать можно,
Где спрятал золото Колчак.

Не улыбайся, мой читатель,
И тропы не топчи в лесах.
Клад не найдет кладоискатель —
Ищи его в людских сердцах.

Поселок мой еще не умер,
Он затаился средь лесов,
Подрастеряв в таежном шуме
Аккорды прежних голосов.

Чуть свет петух, взлетев повыше,
Вовсю приветствует зарю,
А следом шар ползет на крышу,
Под стать большому янтарю.

Проснувшись, крохотный поселок
Спешит на встречу с новым днем.
У школы слышен крик веселый.
Выходит, все-таки живем!

2012 г.

* * *

Пал наш последний бастион.
Кому за все сказать спасибо?
Поселок, как утиль времен,
С вокзалом стерт с лица Транссиба.

Проходят мимо поезда
Без разрешающей отмашки,
А я вдруг вижу сквозь года
Дежурного в цветной фуражке.

Знал дядю Гришу стар и мал.
Он раньше всех встречал рассветы,
Любил наш старенький вокзал
И землякам вручал билеты.

К составам выйдя на перрон,
Он слышал вальс в колесном стуке.
Мне кажется, что помнил он
Все наши встречи и разлуки.

Проходят молча поезда,
Я их гудков давно не слышу.
И, с болью глядя сквозь года,
Я вспоминаю дядю Гришу.

2014 г.

* * *

Эх, взять бы в руки старую
гармошку,
Аккордом пыль смахнуть с ее
мехов,
Девчат собрать к знакомому
окошку
И песни петь до самых петухов.

Протяжные, задорно-удалые,
Они лились зазывно над селом.
А мы с дружком, от озорства
хмельные,
Мою соседку тискали вдвоем.

Гармонь вздыхала чуточку
ревниво,
То заливалась слаще соловья.
А девка лишь дурачилась игриво
И обнимала друга, не меня.

В любви такие случаи
не редкость.
К утру, победно помахав рукой,
Дружок ушел с игривою
соседкой,
А я с гармошкой зашагал домой.

2002 г.

* * *

Сидит на лавочке сосед.
Мой давний друг — теперь уж дед.
И, делая сердитый вид,
Беззлобно на меня ворчит:

«Ну ты, приятель, и шельмец!
Не я твой дед или отец.
Ты помнишь, как средь бела дня
Увел невесту у меня?

Я ведь читал твой глупый стих,
Как ты меня — на вороных...»
Все это было так давно!
Любовь, как терпкое вино.

Сосед, конечно, привирал,
Невест его никто не крал,
А та звезда его очей
Была любимою моей.

2004 г.

* * *

По старинке — нараспашку
Мы живем на белом свете.
Рвем последнюю рубашку
И не думаем о смерти.

Если любим — не на шутку,
Захотим — своротим горы.
Расстаемся на минутку,
Возвращаемся не скоро.

Сами жизнь свою калечим
И в костер шагаем гордо.
Мы чужие раны лечим,
Задыхаясь от восторга.

2004 г.

* * *

На субботней дискотеке
Веселится молодежь.
Все, как раньше,
в прошлом веке,
Даже танец чем-то схож.
Все, как раньше,
в доброй песне —
После пляски — мордобой.
Тумаков таких отвесят,
Хоть молчи, хоть волком вой.
Все, как раньше,
в прошлом веке,
Лишь шагаем все вразброд.
Говорим о человеке,
смотрим фильмы про господ.

2010 г.



И в стылую пору,
и в знойный июль
пишу я родные пейзажи

ПЕЙЗАЖИ

И в стылую пору, и в знойный июль
Пишу я родные пейзажи.
На чистое небо ложится лазурь,
И греется пашня под сажей.

Белила стекают по тонким стволам,
И охра окрасила кроны.
В речной глубине отражается храм,
Я слышу его перезвоны.

Дороги уходят в рассвет и в закат.
Девчонки — откуда ж им взяться?
Березки в юбчонках, как стайки девчат,
Вдоль пыльных обочин теснятся.

Плывет над землею разбуженный звон,
Мои оживляя пейзажи,
В краю, где березами с детства пленен
И кедрами взят был под стражу.

На берег реки поднимусь не спеша,
Войду в приоткрытые двери.
И к ликам святых устремится душа,
Напомнив о главной потере.

2012 г.

* * *

Прекрасный день, и я в лесу,
Раскованный до безразличья,
Корзину полную несу,
Напев затерянный мурлыча.

В какие дали я ходил
На поиски грибов и ягод.
И леший надо мной шутил,
Десяток раз дурача кряду.

Взлетали из-под ног дрозды,
Кукушка годы мне считала,
Гадая вслух на все лады,
А мне всегда казалось мало.

Ах, сколько тех пустых «ку-ку»
Взвалил на плечи я беспечно,
А та вещунья на суку
Сулила то конец, то вечность.

Кукуй, обманщица, кукуй,
Пока с ветвей тебя не сдуло.
Я знаю, на своем веку
Ты многих так же обманула.

2002 г.

ВЕТЕР

Небо прохудилось
От сплошного треска.
Ветер-проходимец
Не находит места.

Капельки-дождинки
Запустил в кого-то.
Распушил корзинки
Спелого осота.

Облетел полянки,
Всколыхнул посевы.
На крутой гулянке
Перелапал девок.

Сквознячок-пройдоха
Распахнул калитки,
Под окном проохал,
Как злодей на пытке.

Испугал детишек
Бородой косматой,
А потом неслышно
Улетел куда-то.

2002 г.

* * *

Август зарумянился в садах,
Не спешит дождями захлебнуться.
Облаков бескрайние стада
Над поселком день и ночь пасутся.

Нет на них мальчонки-пастушка,
Чтоб угнал к заброшенным становьям.
В пене задыхается река,
Ей еще так далеко до взморья.

Лето догорает на углях,
И костер мой еле-еле тлеет.
За спиной на бархатных ветвях
Синий вечер молча руки греет.

Мне б поярче запалить костер,
Чтоб светлее стало у палатки.
Из сырой низины, словно вор,
Выползла старуха-ночь украдкой.

Вечер перепуганный исчез.
Вслед за ним откочевало лето.
Шалый ветер, взбудоражив лес,
Бросил мне на плечи эполеты.

Осень прошептала: «Что, не ждал?
Извини за эполеты-листья.
Для тебя даю я этот бал»...
И пошла, звеня своим монисто.

2008 г.

* * *

Выйду за деревню, за пригорки,
За быстрянку-речку на луга,
Где среди березовых околков
Разгулялись пьяные стога.

Скошены последние покосы.
Свежий воздух голосист и чист.
Ветерок, опережая осень,
Рвет с березы ослабевший лист.

Там, где бор кудрявится сосновый,
На луга из ситцевой дали
Выплывают пестрые коровы,
Как из дальних странствий корабли.

Их ведет к домашнему причалу
Голосистый лоцман — пастушок.
Август на пейзаж кладет устало
Свой последний охристый мазок.

2003 г.

* * *

Заплутало лето
На медвежьих тропах.
Затаившись в ветках,
Страх готов вас слопать.

Как монах-отшельник,
Пень сгорбатил спину,
И небритый ельник
Обнажил щетину.

Не найду дорогу
К родниковой пади,
Словно, спутав ноги,
Кто-то держит сзади.

Я давно приметил,
Что в сырых низинах
Мутят воду черти.
Заплутал — и сгинул...

На полянах тихо
Присмирели тени.
Заблудилось лихо
В красоте осенней.

2008 г.

ЛИСТОПАД

Я в листопаде заплутал,
Шел на закат багряно-
мглистый,
А свежий ветер мысли рвал
И уносил их, словно листья.

Обыденность — и та ушла.
Не сожалею, я не жаден.
Вокруг ни пошлости, ни зла —
Все растворилось в листопаде.

Я в листопаде заплутал,
Шел на закат багряно-
мглистый
И вдруг попал на шумный бал,
Где танцы исполняли листья.

2011 г.

ГРИБНАЯ ПОРА

Грибной туман накрыл с утра
В лесу знакомую опушку.
Опята! Это их пора!
Я в лес бегу, закрыв избушку.

Вот и знакомые пеньки...
Ну что за прелесть! Что за чудо!
Сплошные пуговки-грибки
На пни сбежались отовсюду.

Я их срезаю не спеша...
Кладу в большущую корзину.
А надо мной, едва дыша,
В рубины рядится калина.

Зима сорвет с калины медь,
Но пощадит гирлянды-гроздья.
Холодным светом им гореть
Среди сугробов на морозе.

2002 г.

* * *

Пообносившись к сентябрю,
Лохмотья сбросил наземь лес.
Вцепившись ветками в зарю,
Он тянет сполохи с небес.

И золотистые лучи
Плетут тончайшую вуаль.
Закат таинственно молчит,
Рассветы пробуждают даль.

А все-таки он так хорош —
Пурпур последнего мазка.
Он на большой костер похож,
В котором тают облака.

2004 г.

* * *

Откричала кукушка за нашим
селом,
Из-за моря вернулись туманы.
И украсил сентябрь журавлиным
крылом
В желтой охре лесные поляны.

Голубиная высь помутнела
от слез,
И, сгорая в осеннем пожаре,
Зарумянились стайки пугливых
берез,
Как в хмельном закачались
угаре.

Будит осень застывшие
чувства мои
Терпким запахом выжженной
прели.
И безумные мысли мои —
журавли
Вслед за тающим клином
взлетели.

2003 г.

СКАЗКА

Порой ко мне приходит сказка
Не чудным сном в седой ночи,
Не карнавалом в ярких масках,
Не прибауткой у печи.

Она таинственно вздыхает,
Как женщина в расцвете лет,
И я один уж точно знаю,
Что лучше этой сказки нет.

Давным-давно тропой заветной
В ее владенья я зашел.
И сколько б ни бродил по свету,
Клубочек в эту сказку вел.

Усталый после долгих странствий,
Я здесь всегда найду приют.
В светлице в простеньком убранстве
Герои сказки оживут.

2014 г.

* * *

Как избежать осенних бурь,
Когда ветра снуют, как волки,
И рвут небесную лазурь
Стальные тучи на осколки.

Рисует осень гобелен,
А мы с тобой идем по полю.
Душа, захваченная в плен,
Не хочет вырваться на волю.

Огнем охвачены кусты,
Но тот огонь ее не греет.
И уцелевшие листы
Трепещут парусом на реях.

2008 г.

* * *

Скор на выдумки месяц-проказник,
Так октябрь называет народ.
Первый снег — для охотников
праздник,
Детворе так охота на лед.

Я в октябрьские козни не верю.
Он — шутник, страшен только
на вид.
Вот ноябрь — только крякнет
за дверью —
Ляжет снег и мороз затрещит.

Каждый месяц по-своему правит,
У любого — своя акварель.
Зимний — в шубу забраться
заставит,
Март с апрелем — подарят капель.

Сколько дел у хозяина летом:
Кто-то сани готовит всерьез,
Ждет косарь долгожданной
приметы,
Чтобы дождь не испортил покос.

Пусть весна мои силы удвоит,
Чтобы летом дела завершить.
Осень сытно накормит, напоит,
Чтоб зимой — только печку топить.

2010 г.

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь выплакал на крыши
Свои безудержные слезы,
А вслед за ним легко,
чуть слышно
Подкрались первые морозы.

Нет постоянства в октябре,
То вдруг прижмет,
то вновь отпустит.
Так и в душе мажорный «ре»
Растает вдруг в минорной
грусти.

2000 г.

* * *

День устало клонится к закату,
Отрешась от бесконечных дел.
Вслед за ним на жеребце
крылатом
Непоседа-ветер улетел.

Усыпив окольные дороги,
Тишина зависла над селом...
Выползает вечер из берлоги,
Поднимая тени на крыло.

Облака, разорванные в клочья,
Растворились в мутной синеве.
Горизонт грозится слиться
с ночью.
И шаги запутались в траве...

2005 г.

МЕРТВАЯ ОСЕНЬ

Мертвая осень — октябрьские зори,
Как заколдованный лес.
Серые тучи плывут из-за взгорья,
Снявшись с насиженных мест.

Темные заводи старого пруда
Высветил выпавший снег.
Лодка, уткнувшись в лесную запруду,
Тихо закончила бег.

В сонных объятьях слепого безмолвья
К берегу сгрудился лес.
Ворон-чернец, пролетев над становьем,
Крикнул и тут же исчез.

Мертвая осень — канун испытаний
Перед трескучей зимой:
Убрано сено, отлажены сани,
Закром наполнен мукой.

Мертвая осень. Во власти безумья
Мечется в пене река.
Мертвая осень — пора для раздумий,
Поисков сил для броска.

2012 г.

У КОСТРА

Облетев весь окрест,
Распугав чьи-то тени,
Ветер сел на насест
И затих на мгновенье.

Среди пихт и осин
Ни тропы, ни жилища.
Заплутаешь один —
И никто не отыщет.

Хоть кричи не кричи —
Никого, кроме эха...
Только филин в ночи
Задохнется от смеха.

Отзовется в кусту
Неизвестная птица,
Да ручей-бормотун
Без умолку резвится.

В закоулках души
Страх рисует причуды.
Ночь напиться спешит
Из бобровой запруды.

Заскучал разговор,
Пересказаны враки.
Полуночник-костер
Затерялся во мраке.

2003 г.

ПРИХОД ЗИМЫ

Осень девкой разодетой,
Подвязав платочек синий,
Вслед за прошумевшим летом
Бродит весями России.

Но недолог чудный праздник.
Распахнув с утра калитки,
Ветер, словно вор-проказник,
Обокрал ее до нитки.

Прихватив листвы охапку,
Ветер скрылся за увалом.
И зима, кряхтя, как бабка,
К нам в леса приковыляла.

Прошумели по дороге
Разъяренные метели...
В страхе ели-недотроги
На обочине присели.

На опушке кедр могучий,
Присоседившись к березе,
Шапку снега нахлобучив,
Лишь вздыхает на морозе.

Старый ворон на макушке
Задремал под всхлип метели.
В снег запрятались избушки
В ожидании капели.

2006 г.

ПРЕДЗИМЬЕ

Дотла сгорел березовый костер,
Обуглились и почернели ветки.
Над лесом холод лапы
распростер,
И ели раскрылились,
как наседки.

Таежный тракт, как сказочный
удав,
Вползает в чрево спящего
поселка,
И псы, оковы звездные порвав,
Умчались в ночь и лают
без умолку.

С утра мороз в погоне за рекой
Сковал ее в серебряные латы.
Но вырвалась река на перекате,
Разбив о камни панцирь
ледяной.

2003 г.

* * *

Рано утром по дороге
Шел мороз проверить веси.
На березки-недотроги
Серьги с бусами развесил.

Напугал рябину с вербой —
Им, продрогшим, лето снится.
Дым столбом уперся в небо
И на солнце серебрится.

В дом давно прокралось утро,
В легкой дымке вся деревня.
Словно кто посыпал пудрой
Все хрустальные деревья.

2003 г.

* * *

Кричат: поселок умирает,
Где каждый житель — лесоруб.
А я в мороз дымы считаю,
Что поднимаются из труб.

С работы поздно возвращаясь,
Я, словно солнечные дни,
В живой цветок собрать
пытаюсь
Его вечерние огни.

Чем больше их, тем больше
света,
Ведь рай не только в шалаше.
Цветы — хорошая примета,
Когда они цветут в душе.

А взгляд все мечется, все ищет,
Пытаясь оживить букет.
Я захожу в свое жилище
И зажигаю в окнах свет.

Придет весна в края лесные,
И звезды оживут в пруду.
А мы с тобой цветы живые,
Как прежде, вырастим в саду.

2006 г.

* * *

Какая красота кругом!..
Искрится снег алмазной
пылью,
Березки за моим окном,
Как сиротиночки, застыли.

Над горизонтом желтый шар
Завис, в лучах своих купаясь,
Излившись в небесах Канар,
Он нас согреет только в мае.

Ну а пока — мороз и снег,
И скрип шагов далеких
слышен.
Зима, как снежный человек,
Устало мне в затылок дышит.

2004 г.

* * *

Ночь подкралась
втихомолку
Под мое окошко,
По затихшему поселку
Пробежала кошкой.

Засветились светлячками
Ветхие избушки.
За притихшими часами
Чутко спит кукушка.

Мириады звезд-чудесниц
Вспыхнули над крышей.
И ночной разбойник —
месяц
На дорогу вышел.

2003 г.

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

За дверью ветерок крепчал,
Луна брела небесной стежкой.
Вдруг кто-то робко постучал
В мое притухшее окошко.

Что за чудак сбежал от снов
И ночью вышел на природу?
А может, путник ищет кров,
Чтоб обогреться в непогоду?

Прильнув к холодному окну,
Я разглядел средь серой стыни:
Сугроб, отшельницу-луну
И стебелек сухой полыни.

Так вот кто просится в мой дом,
Устав от поисков приюта!
Ночная гостья под окном…
Ее приход все мысли спутал.

2015 г.

ЗИМА

Лютует зима на сибирских широтах,
Бросает в атаку то холод, то снег.
Того и гляди заморозит кого-то,
Под песни пурги заколдует навек.

Барханы сугробов надули метели,
А ей все неймется, на то и зима.
Мне кажется, мысли — и те заржавели.
Не грех и влюбиться вот так, без ума.

Февраль не январь, он немножко добрее,
Он, даже грозя, лишь берет на испуг.
И солнечный луч, став заметно смелее,
На миг оживил все улыбки вокруг.

Ну что нам мороз и взбесившийся ветер,
Что зверем бросается прямо на грудь?
А я на карнизе сосульки приметил,
От этого стало теплее чуть-чуть.

Зима приустала, кряхтит, как старушка,
В лесу заплутали пурга и метель.
Стряхнула с ветвей одежонку пихтушка,
И скворчик восторженно славит апрель.

2010 г.

* * *

Еще в снега укутана земля.
Над ней метель кружится,
словно птица,
А в снежные владенья февраля
Уже весна настойчиво стучится.

Старуха-ночь, пройдя свой
марафон,
С дистанции сойти еще не хочет.
Но рыцарь дня — стремительный
фотон
Рассеял мрак — крылатый
призрак ночи.

На фоне расплескавшейся зари
Горит звезда — живой источник
света.
И гаснут золотые фонари...
Приходит час весеннего
рассвета.

2004 г.

* * *

Дремотой скован, лес стоит,
Морозной дымкою окутан.
И солнце тянется в зенит,
Срывая колдовские путы.

И пробуждение весны
Невольно зиму испугало.
Переселяясь в царство тьмы,
Она озлобленно ворчала.

Обмыв капелью сонный лик,
Весна по-детски улыбнулась.
Расцвел сиреневый кандык,
И чащи ожили от гула.

Весною ранена душа,
Но рана та не кровоточит.
Луна, разрисовав большак,
Мне встречу с женщиной
пророчит.

2004 г.

ВЕСНА

Куражится в бессилии зима,
Спустив с цепей последние метели,
А те, скатившись на ветрах с холма,
У моего порога присмирели.

Спешу скорее пожалеть зверье,
Погладить их заснеженные спины
И замираю, распахнув жилье, —
С холмов весна спускается в долины.

Как девка, заневестилась она,
Раскрыв свои объятья для влюбленных.
И знаю я, кому-то не до сна
От шаловливых глаз ее зеленых.

2008 г.

ВЕРБА

Это вовсе не сказки,
Лишь похоже на небыль.
За неделю до Пасхи
Распускаются вербы.

По весне, на рассвете,
Солнце с неба скатилось
И на вербовой ветке
На кусочки разбилось.

Лишь полян круговинки,
Сбросив снег, потемнеют,
Золотые пушинки
Нам сердца уже греют.

Это вовсе не сказки,
Лишь похоже на небыль...
За неделю до Пасхи
Солнце вспыхнет на вербе.

2004 г.

РЕЧКА

Стайки листвы
золотистой
Запорошили поляны.
Речка,
сверкая монисто,
Ночью укрылась
в туманы.
Спрятала омут
бездонный
За тальники и осоки.
Как серебра
перезвоны,
Льются
речные потоки.

2001 г.

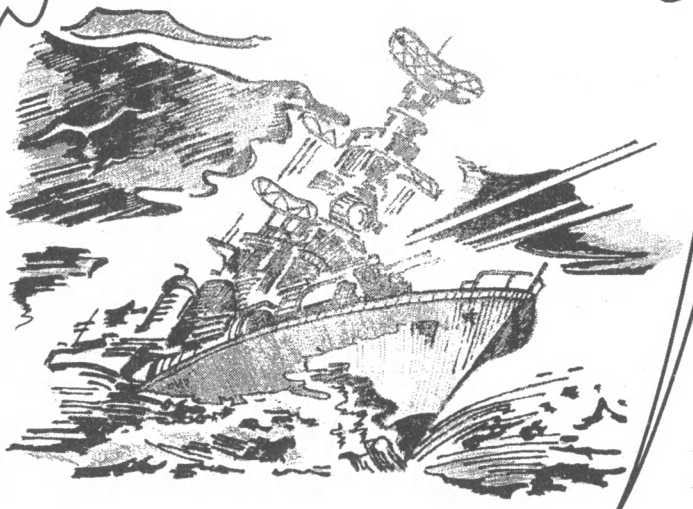
ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Огненными перьями жар-птицы
Высветил полнеба зимний вечер.
Деревенька в сумерках дымится —
В избах на ночь затопили печи.

Птица-ночь, как одинокий ворон,
Распластала над землею крылья,
Миллионы звезд на купол черный,
Высыпав из рога изобилья.

Поясом, расшитым жемчугами,
Млечный путь, мерцая, серебрится.
Из ковша, повисшего над нами,
Так и хочется воды напиться.

2000 г.



Тормовая симфония

* * *

Я жизнь свою, как море,
покорял,
В единоборстве с ветром
и волной.
И режет мой корабль
«девятый вал»,
Опасность оставляя
за кормой.

Несут меня тугие паруса
Куда-то в неизведанную
даль.
Вся жизнь моя — сплошные
чудеса,
Где все смешалось: радость
и печаль.

2004 г.

ШТОРМОВАЯ СИМФОНИЯ

Я секретов больших не открою.
В море я, как мальчишка, влюблен.
Выбор мой между ним и тобою
Небесами давно предрешен.

Вечный спор между твердью и морем,
Только встречи влюбленных спасут.
Победителей нет в этом споре,
Две любви в моем сердце живут.

Все смешалось: и чувства, и волны,
Что из рук вырывали штурвал.
Мне симфонию ветер исполнил,
Я ее Штормовою назвал.

Если жизнь разложить на аккорды,
Море — это могучий мажор.
Остальное — минорные годы,
Что любовь берегут до сих пор.

2012 г.

БАЛЛАДА О ПОДЛОДКЕ

Памяти экипажа
атомохода «Курск»

Подводная лодка ложится
на норд,
Волна ее рубку накрыла.
Никто не предвидел, что этот
поход
Закончится братской могилой.

Припев:
А наверху море шумит
И катятся волны к родному
причалу.
Душа моряка за ними летит
И бьется о голые скалы.

Два взрыва замедлили
времени бег,
Кромсая людей и металлы.
— Эй, кто там живые?
В машинный отсек!
Нам время для подвига мало!..

Припев.

— Простимся, братишки, —
каплей говорит,
Последних ребят обнимая. —
Центральный, нас слышишь?
Реактор стоит.
В отсеках вода... Умираем...

Припев.

Их сто восемнадцать
отличных ребят
В тельняшках и черных
пилотках.
Последнюю вахту сегодня
стоят
В отсеках невсплывшей
подлодки.

2000 г.

* * *

Все простишь:
и разлуку, и горечь обид,
Лишь корабль из похода
вернется к причалу.
Только голос сорвется
и вновь задрожит,
Как в тот день,
когда в море
меня провожала.
И опять ничего
ты не видишь вокруг,
Только слышишь,
как сердце
под кофточкой бьется.
Подбежишь
и руками меня обовьешь,
И прохожий чему-то
слегка улыбнется.

1971 г.

* * *

Я вращаю штурвал,
взгляд прикован к картушке
компаса,
А волна так и ждет,
чтобы вдруг навалиться
на борт.
Незнакомый художник
полнеба багрянцем раскрасил,
И в ушах отзывается
болью ревущий аккорд.
А волна, как назло,
то поднимет корабль,
то опустит,
С диким ревом промчится
по палубе с бака на ют.
Так зачем же сейчас
вспоминаю с любовью
и грустью
Этот северный край,
что у нас Заполярьем зовут.

2000 г.

ЯМАЛ

Заполярье…
В объятьях сибирских морей,
Обдуваемый
крепким норд-остом,
В самом центре
забытых торговых путей
Бросил якорь
большой полуостров…
— На Ямале!
Как слышите?
Что там у вас?
Где обещанный запуск десятой?
Что мне ваша погода?!
Стране нужен газ,
А не эти пустые дебаты!
На Ямале!
Как поняли?
— Понял, — в ответ. —
Завтра бурим последние метры.
Может, выждать погоду?
Загубим объект!
Подождать бы погоды без ветра.
…И от споров порою
эфир закипал
И сияньем в волнах отражался.
Так, тесня буровыми
безлюдный Ямал,
Нефтегазовый комплекс
рождался.

1993 г.

ЯР-САЛЕ

Ямсальский бар — сплошное
мелководье,
Под килем фут порой
не наскрести.
Фарватер здесь, как облаков
разводья,
Похожим курсом дважды
не пройти.

Тоскливый берег проплывает мимо,
На траверзе поселок Яр-Сале.
Расплывчатая даль необозрима,
И мы скользим в ее голубизне.

Смотрю в бинокль на далекий
берег,
Где острый чум курится над рекой.
Я почему-то в этот миг уверен,
Что северянка мне махнет рукой.

Ямсальский бар — сплошное
мелководье,
Под килем фут порой не наскрести.
Я вдруг решаюсь именно сегодня
Знакомый чум хантыйский
навестить.

2002 г.

ХАРАСАВЭЙ

Харасавэй — суровый дикий
край
На южном побережье океана.
Но ватник здесь ты летом
не снимай
И не ищи кокосы и бананы.
Харасавэй — поселок северян,
Нашли удел здесь смелые
мужчины.
Здесь дышит Ледовитый океан,
Гоняя по волнам большие
льдины.
Харасавэй — здесь женщины
на счет,
Здесь вышки буровые взвились
в небо,
И лучший транспорт —
это вездеход.
Кто не был здесь,
тот в Заполярье не был.

В Харасавэе — более нигде
Такой картины не увидеть глазу:
Чтобы по морю, по капот в воде,
Тащили трубы великаны-МАЗы.
С большой земли приходят
корабли,
Встают на рейде, якоря бросая.
В бинокли тундра видится вдали,
Ямал встречает нас собачьим
лаем.
Полгода мы не видимся с семьей,
Мы в море отмечаем годовщины.
Но возвратятся осенью домой
Ветрами просоленные мужчины.
И будут вечерами вспоминать
Харасавэй — поселок на Ямале.
И рюкзаки тихонько собирать,
Чтоб жены раньше времени
не знали.

1978 г.

* * *

Кто хоть однажды увидел Север,
К нему вернется когда-нибудь.
Кто перед штормом в друзей
поверил,
Того непросто ветрам согнуть.

Кто видел тундры простор
бескрайний,
По ней захочет опять пройти.
И теплохода гудок прощальный
Мне вдруг напомнил,
что я в пути.

1990 г.

ЗИМОВКА

Стылая осень, ямальские ветры
Быстро сковали губу.
В маленькой бухте, с воды
неприметной,
Люди корили судьбу...

Снова задержку дают телеграммы,
И не придет ледокол.
Катер геологов, скованный льдами,
Встанет на зимний прикол.

Здесь, среди снежной ямальской
пустыни,
Жить им до самой весны.
Только морзянка их свяжет
с родными,
Воспоминанья да сны...

Будет метелица рыскать по тундре,
Холод захватит их в плен.
В долгую зиму сольются секунды —
И никаких перемен.

Мысли стреножены крепкими
путами,
Слышать друг друга невмочь...
Радиограммы, в созвездьях
запутавшись,
Будят полярную ночь.

2003 г.

* * *

Прости за долгие разлуки,
За одиночество в ночи,
Когда объятий просят руки
И сердце от тоски кричит.

Прости за горечь
расставаний,
За слезы на твоих глазах.
Я видел в них
на расстоянье
Любовь, надежду, боль
и страх.

И вновь тебе я обещаю
Разумным и послушным
стать.
Весной сама, я это знаю,
Поможешь мне рюкзак
собрать.

1978 г.

ШТОРМ

Который день штормяга злой
Не отпускал корабль домой.
Был страшен этот долгий плен:
То дифферент, то жуткий крен.

И рев, и гул со всех сторон,
Кипение гривастых волн,
Как пасти тысячи акул,
И скрежет занемевших скул.

Летит в разбуженный эфир:
«Дрейфую норд, порвал буксир»...
А баржу следом за кормой
Несет огромною волной.

Нам в эту штормовую ночь
Никто не смог тогда помочь.
И, вспоминая грозный вал,
Я пью за моряков бокал.

2003 г.

ТРЕХБУГОРНЫЙ

Где два потока сходятся на пир,
Вздымая волны в яростном боренье,
Высоким мысом врезался Таймыр
В обской простор, как символ
примиренья.

Прекрасен в гневе Трехбугорный
мыс,
Увенчанный сверкающим прибоем,
Он над холодной синевой завис,
Как адмирал перед парадным строем.

А где-то рядом дышит океан,
Вскипая то приливом, то отливом.
Встречает волны грудью великан,
И те стихают перед ним учтиво.

Мне помнится, как на краю земли,
Взрывая мрак пугающий и черный,
Спасал от бури наши корабли
Огонь в ночи на мысе Трехбугорный.

Я до сих пор на тот маяк иду.
Вы не сочтите эти мысли вздором.
В глухой ночи, в горячечном бреду
Спасение мне дарит Трехбугорный.

2007 г.

ПРОЛИВ МАЛЫГИНА

Пролив Малыгина закрыл туман.
Исчезли в нем Ямал
и остров Белый.
Но смело курс проложил капитан,
Средь банок маневрируя умело.

И ванты рвут седую пелену,
Локатор даль буравит непрерывно.
И режет штевень встречную волну,
Незримый берег оставляя мимо.

Обской губы синеющий простор
Прорезался чертой из-за тумана.
«Мы дома всем чертям
наперекор!» —
Раздался в рубке голос капитана.

И, как бурун, кипящий за кормой,
Остались в прошлом
пройденные мили.
Да, были дни, когда, мой друг,
с тобой
Мы в ледяную Арктику ходили.

2002 г.

ЭКИПАЖ

Снится в походе дом нам,
А дома зовет нас море,
Где можно с волной огромной,
Схватившись, на равных спорить.

И пусть ледяные брызги
Лицо забивают солью,
И ветры глаза нам выжгли,
Но мы не кричим от боли.

Вернемся домой, и жены
Наряды свои достанут,
И запах духов знакомых
Нас сразу же одурманит.

И станут совсем ручными
Крутые морские волки,
Лишь женщины платья снимут
И губы коснутся шелка.

1978 г.

* * *

У ветра выведаю я,
Как ты жила, кого любила,
Пока я бороздил моря,
С кем одиночество делила.

Сказал мне ветер штормовой:
«Когда волна тебя качала,
Крылатой чайкой за тобой
Любовь летела от причала».

Сказал мне бриз береговой:
«Тебя обрадовать мне нечем.
Я видел, как ласкал прибой
Твою любимую за плечи».

2003 г.

* * *

Люби, скучай, грусти,
зови и верь.
И я приду
живой и невредимый.
Нажму звонок,
и ты откроешь дверь,
И снова будет миг
неповторимый.
В твои колени
я уткнусь лицом,
И ты к себе
меня прижмешь руками.
И стены вдруг
заходят ходуном,
И жар я твой
буду ловить губами.

1977 г.

МОРСКАЯ ДУША

«Береженого Бог бережет, —
Говорила когда-то мне мать. —
Брось, сынок, ты и море, и флот,
И домой возвращайся опять.

У тебя и семьи еще нет.
Посмотри, сколько девок вокруг.
Неужели на старости лет
Нас с отцом не порадует внук?»

Слушал я материнский упрек,
Собирая рюкзак не спеша,
Говорил: «Подожди, выйдет срок —
Станет пешей морская душа».

Много раз за родимый порог
Звал меня мой далекий маяк.
И ослушаться мать я не мог,
И без моря — какой я моряк?

2000 г.

ТЕРРА ИНКОГНИТА

К берегам неведомой земли
Курс ищу для своего фрегата.
Верю, что найду ее вдали,
Даже если не вернусь обратно.

Как мираж, среди лазурных волн
Этот остров сказочный блуждает.
Я всю жизнь к нему упорно шел,
Подойду — а он возьмет растает.

Обветшал красавец мой фрегат.
Изорвался парус белокрылый.
Для того чтоб повернуть назад,
Нет уже ни времени, ни силы.

2003 г.

ГАВАНЬ ЗАБВЕНИЙ

Давно я бросил якоря
В спокойной гавани Забвений.
Хотел забыть корабль, моря,
Предавшись сытости и лени.

Хотел забыть своих друзей,
С которыми делился солью.
И парусник любви своей
Держал у стенки на приколе.

Спокойно жил среди лесов,
Вдали от шумного прибоя,
Лишь в радужной палитре снов
Я отдавался власти моря.

На шхуне ставил паруса,
Их рвал нетерпеливый ветер.
Но исчезали чудеса
С моими снами на рассвете.

2002 г.

БУХТА ДЕТСТВА

Наконец-то
из туманной дали
В бухту детства
мы вернуться смогли.
Через годы
по бескрайним морям
Вел корабль
я к ее берегам.

Бухта детства —
свежий ветер норд-вест,
По соседству
мыс забытых надежд.
И сквозь дымку
улетающих лет
Я ищу на песке
свой след...

Море смыло
и песок, и следы.
Вижу с милой
я себя у воды.
Я кричу им:
— Бросить якорь иль нет?
Вторит эхом
бухта детства в ответ.

2001 г.

* * *

Такие вот бывают чудеса:
В остывшем сердце вспыхивают
страсти,
Спасение вдруг дарят небеса,
Когда твой мир расколется на части.

Мы в постоянном поиске харизм,
Рождаемся и умираем в споре.
Любовь и та, как мощный
катаклизм,
Не совладать с ней, словно лодке
с морем.

Я сам не раз испытывал судьбу,
Пытался сердце остудить в туманах.
И, оставляя за кормой Стамбул,
Я семь чудес искал в заморских
странах.

Но ты, мой друг, за мною не спеши.
Прекрасней всех садов Семирамиды
Родной причал, затерянный в глуши,
И женщина, простившая обиды.

2010 г.

* * *

Подул норд-вест
от северных морей
И захлестнул дождями
всю округу.
А может, он торопит
журавлей,
Чтобы они скорей
летели к югу?

Я не лечу, я остаюсь
с тобой,
Ведь кто-то должен
охранять гнездовья.
Вдали грохочет
яростный прибой,
Спасая нас от белого
безмолвья.

Мне тот норд-вест
принес издалека
И грохот волн,
и перебранку чаек.
И даже стихотворная
строка
Вслед за волной куда-то
уплывает.

2011 г.

МНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ

Мне не хочется верить,
что разом закончилось лето
И над морем закат
для меня навсегда отгорел.
Самый лучший куплет
в моей песне остался не спетым,
А на плечи уж кто-то
мне саван холодный надел.

Еще слышу, как море
в тревоге беснуется рядом
И прощальный гудок
тишину над причалами рвет.
Знаю я, что мужчине,
как женщине, плакать не надо,
Только что-то сегодня,
как прежде, мне петь не дает.

Я не верю, что где-то
среди леденящего мрака
Вдруг увижу и море,
и этот багряный закат.
Лишь однажды придя,
мы однажды уходим обратно,
За собой унося
беспокойного сердца набат.

Мне не хочется верить,
что разом закончилось лето
И над морем закат
для меня навсегда отгорел.
Сквозь туманы и шторм
я веду свой корабль к рассвету,
И огонь маяка
мне истлевшую душу согрел.

1991 г.

К МОРЮ

Когда закончу все дела,
Как выступленье в многоборье,
Сожгу все лишнее дотла
И налегке отправлюсь к морю,

Где друг за другом чередой
Резвятся волны в девять
баллов,
И на дыбы встает прибой,
Круша истерзанные скалы.

И ветер, свежестью пьяня,
Вдруг паруса мои наполнит.
И, оседлав крутые волны,
Как раньше, в море выйду я.

2002 г.



Когда рука
писать устанет,
Стихи морзянкой отстучу

* * *

Поэты долго не живут,
Они сгорают молодыми.
Во времена великих смут
Нам хочется идти за ними.

Не прекращая «вечный бой»,
Людскую боль взвалив
на плечи,
Они ведут нас за собой,
Стихами согревая вечность.

2005 г.

ПОЭЗИЯ

А зал вдруг ахнул и затих,
Глаза сверкали, как созвездья.
И голос звонкий, словно стих:
«Ее Величество Поэзия!»

Сердца стучали в унисон…
И все, кто был в том светлом зале,
Царицу вознеся на трон,
Стихи восторженно читали.

И надо ль покорять Парнас,
О чем в мечтах своих я грезил?
Она всегда в сердцах у нас,
Ее Величество Поэзия.

2014 г.

* * *

Друзья мои,
Господь нам дал
Великий дар —
воспеть словами
Весь мир,
который он создал,
Согретый
нашими руками.
В палитре дня,
в сиянье звезд
Творец нам дарит
озаренье.
В лучах восторга,
в каплях слез
Рождаем мы
свои творенья.

2000 г.

* * *

По-разному толкует жизнь молва:
И жертве быть, а значит
быть постригу.
Натянута зловеще тетива —
Ее стрела лишь завершит интригу.

Спасет ли нас всесильная рука,
Не та, что может подарить
полцарства,
А та, что взмахом кисти и смычка
Обезоружит злобное коварство.

И чье-то слово воскресит рассвет,
Разрушив чары замкнутого круга.
«Но знай, читатель, — говорит
поэт, —
Сегодня нам не выжить друг
без друга».

Дарю тебе прекрасные стихи.
Ты пригуби их, затаив дыханье.
Излечит пусть и зрячих, и глухих
Поэзия — как чудо мирозданья.

2010 г.

* * *

Никуда, никуда
от стихов мне не деться.
И я жгу
на костре вдохновенья
слова.
Мне друзья говорят:
«Береги свое сердце!
Что ты рвешь его так,
словно в бурю штурвал».
Не понять ни друзьям,
ни хулителям слова,
Что для сердца
режима щадящего нет.
Даже если оно
разорваться готово,
Будет петь до конца
свои песни поэт.

2000 г.

* * *

Лови мгновения —
живи!
Пока горит огонь
желаний.
Когда затухнет он —
помри
Без суеты
и содроганий.

Как лебедь
радостно поет,
Прощаясь перед смертью
с нами,
Так я хотел бы
свой уход
Украсить
лучшими стихами.

2005 г.

* * *

Великолепно — спору нет,
Тот занят важным делом,
Кто превращает черный цвет
Волшебной кистью в белый.

И день, и ночь рисует он
Прекрасные полотна.
Он, словно в женщину, влюблен
В нелегкую работу.

Он в безнадежные дела
Вдохнет полет удачи,
А козни зависти и зла
В добро переиначит.

Не замечаем мы порой,
Что тот художник рядом,
Преображаясь вдруг душой
От слова или взгляда.

Когда же мастер не один,
А с ним умельцев много,
Они теплом своих картин
Согреть всю землю могут.

2006 г.

* * *

Созвучья выстраданных слов
Хочу оставить на страницах,
Запечатлеть людские лица,
Дела и подвиги отцов.

На переплавку не спешу,
Схватившись с подлостью на равных.
Порой без умысла грешу,
Стараясь не забыть о главном.

И пусть порой мне говорят,
Что надо жить совсем иначе,
Ведь грех людской давно оплачен,
За это был Господь распят,

Не признаю я грязных дел
И вакханалии поступков,
За каждой крохотной уступкой —
Колчан невыпущенных стрел.

Нет искушенья их травить
Ни черной завистью, ни ядом.
Сердца открыты для любви —
Другого счастья им не надо.

2007 г.

* * *

Красивых слов на свете много
В чужих мудреных языках.
Но я беру лишь те в дорогу,
Что у народа на устах.

Те, что, запомнив с колыбели,
По жизни с трепетом несу,
Что на родных полях пестрели,
Росинками блестят в лесу.

Слова, понятные любому,
Что слышал на своем веку,
Я терпеливо и с любовью
Вплетаю в каждую строку.

2004 г.

* * *

Поэзия — мой вечный крест,
Мои ошибки и удачи.
То вдруг возвысит до небес,
То в глубине души заплачет.

Потом возьмет и замолчит,
И никакого просветленья...
Вдруг засмеется: «Что, пиит,
Скучаешь без стихосложенья?

Давай пиши — я вновь с тобой.
Бери бумагу и чернила.
Да знай: не я тебе служила,
А ты навечно пленник мой».

2001 г.

* * *

Не надо мне
ни праздной суеты,
Ни радости
от призрачных надежд.
Не надо слов
красивых, но пустых,
Бахвальства
от завистливых невежд.

И пусть смеется
надо мной толпа,
Что на стихи
я годы положил.
Да, это так —
я кладов не копал.
Я лишь России
преданно служил.

Я лишь ее
с любовью воспевал,
Насколько мне хватало
слов и сил.
С ее полей
я незабудки рвал
И от души
любимой их дарил.

2005 г.

* * *

Я в лес хожу нередко,
Где, как бутоны роз,
Стихи сидят на ветках
И летом, и в мороз.

В лесу я отдыхаю,
Среди стихов я свой.
И кажется, порхают
Они над головой.

Прижмусь к еловой лапе,
Как вкопанный стою.
И рифмы, словно капли,
Текут в ладонь мою.

2013 г.

СОЛОВЕЙ

Хожу я слушать соловья
К реке-быстрянке на рассвете.
С ним говорит душа моя
И просится к нему на ветви.

Среди прибрежных тальников
Я наслаждаюсь дивным
пеньем.
Здесь вам и свежесть
для стихов,
И красота, и вдохновенье.

Зачем искать других чудес
И спорить с милою привычкой?
Чуть свет иду в знакомый лес
На встречу с птичкой-
невеличкой.

2013 г.

* * *

Я никогда не изменю стихам.
Пишу их для души,
не для изданий.
В них боль моя,
они же мой бальзам,
Отметины, нажитые с годами.

Я не писал куплетов на заказ,
Не изнурял себя
их сочиненьем.
Они порой,
как чувственный экстаз,
Рождались быстро,
за одно мгновенье.

В них юности наивные мечты,
И отрочества пыл,
и даже дерзость.
В них к зрелости
хрустальные мосты,
Душевных кладов
доброта и щедрость.

1999 г.

* * *

Мои стихи —
они со мной повсюду.
Они во мне
гуляют по крови,
Когда я сплю —
они меня разбудят,
Когда люблю —
они как соловьи.
В больших снегах
они меня согреют,
Случись,
помогут выйти из огня.
А если дописать
их не успею,
Другой поэт
допишет за меня.

2002 г.

* * *

Помешанный на чудесах,
Среди растерзанного мира
Стою, как воин на часах,
И яростно терзаю лиру.

Пытаясь тщетно пробудить
В сердцах застывших
сострадание,
Чтобы однажды превратить
Дуэль в обычное свиданье.

Остановить и удержать
От необдуманного шага,
Чтобы смогла весь мир
объять
Рука, дарующая благо.

Хочу навскидку пригвоздить
И злой язык, и злое слово,
Пусть завтра не порвется
нить
От прошлой жизни
к жизни новой.

2004 г.

КРАСОТА

Льется с листьев тяжелая медь
На сентябрьский терновый
венец.
Мне бы только успеть
подсмотреть,
Как работает кистью Творец.

Как по серому полю холста,
Оживляя забытый клавир,
Зарождается вдруг красота,
Что спасет одурманенный мир.

И заблудшие души людей
Озарит ее радужный свет...
Мне б закат дописать поскорей,
А душа рвется в новый рассвет.

2002 г.

* * *

Пережитое вчера,
Радость от успеха
Отзывается с утра
Голосистым эхом.

Сердце весело стучит,
Оживает лира,
Словно я нашел ключи
От другого мира.

Мне бы плакать —
я смеюсь,
Промолчать —
да где там!
Люди знают:
боль и грусть —
Пища для поэта.

Нищий ты или король,
Истина не нова:
Приглушает в сердце
боль
Сказанное слово.

Все болезни — за грехи
Посланы от Бога.
Исцеляют нас стихи
И зовут в дорогу.

2006 г.

* * *

Вплетает золотую нить
В пейзаж старуха-осень.
К нему подрамник смастерить
Меня колдунья просит.

Свои волшебные цвета
Она расцветит в рамке,
Чтоб засияла красота
В рифмованной огранке.

Пока подрамник я вязал,
Оттачивая строчки,
Отчаянный сентябрьский шквал
Сорвал с берез листочки.

2004 г.

* * *

Сердце, готовое плавить металл,
Как наковальня, стучит.
Всех, кто сегодня от жизни устал,
Будит мой голос в ночи.

Вы не смотрите, что я не кузнец,
Молотом редко стучу.
Я аритмию заблудших сердец
Пламенным словом лечу.

2008 г.

* * *

Нам кажется со стороны,
Что все дозволено поэтам.
И даже отзвука вины
В стихах порою не заметно.

Он и провидец, и судья,
И адвокат у волчьей стаи.
Все б ничего, но ведь и я
По жизни с лирою шагаю.

Правдивым должен быть поэт,
Непререкаем в каждом слове.
Когда перу запрета нет,
То лучший цензор —
это совесть.

2005 г.

* * *

Порою кажется, что мы
Поем перед глухими песни.
В объятьях беспросветной тьмы
Поэт сегодня неизвестен.

Кому-то вроде не к лицу
Читать творения поэтов,
Зато раскуплены билеты
На грязный юмор и попсу.

А у попсы поэтов нет.
И засоряют нам экраны
Бездушный грохот фонограммы
И легкомысленный куплет.

2005 г.

* * *

Бойся лжи — она смертельна,
Жалит, как смертельный яд,
Бьет по сердцу скорострельно,
Как заправский автомат.

От нее не затеряться
Ни в толпе, ни вдалеке.
Невозможно с ней сражаться
На ее же языке.

Только правда ложь осилит,
Пусть она порой горька.
Ведь не зря ее носили
В бой на кончике штыка.

Помнишь, как она сгорала,
Содрогаясь на листе,
Как ее толпа распяла
На судилищном кресте.

Правда красит наши лица,
Как ни страшен эшафот.
Образ правды — в белой птице,
Ложь гадюкою ползет.

2005 г.

* * *

Где вы, наши поэты?
Где вы, рыцари слова?
Или ваши куплеты
Заржавели в оковах?

Может, вас не пускают
На большие трибуны?
И зажаты вы с краю,
И молчат ваши струны?

Но зато так речисто
Под раскаты оваций
Циркачи-юмористы
Над Россией глумятся.

Вместо острых куплетов
Анекдоты — не в новость.
И червонной монетой
Покупается совесть.

Как на собственной порке,
Этот смех над собою.
Непристойный и горький,
Окропленный слезою.

Только верю: вернется
К нам поэзия снова,
И над миром зажжется
Наше русское слово.

2004 г.

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Его давно съедали стены
И европейский потолок.
Он был поэтом для богемы,
Хотя стихи писать не мог.

Он без особого уменья
Куплеты стряпал для попсы,
Писал для женщин поздравленья
И слал труды во все концы.

И на тусовках без запинки
Читал неважные стихи,
Закончив, отправлял в корзинку,
Похоронив среди трухи.

Порой, не брезгуя интрижкой,
Творил обычный плагиат,
Из чьей-нибудь забытой книжки
Он дергал мысли, словно клад.

По вечерам читал поэтов,
Чьи имена узнал Парнас:
Кольцова, Лермонтова, Фета.
Он им завидовал подчас.

Хотел писать, как Блок и Белый,
В стихе скрестить хорей и ямб,
Творить по-маяковски смело,
Чтоб обойти избитый штамп.

Роняя слезы умиленья,
Он незнакомку полюбил.
Порой буянил, как Есенин,
И в кабаках стаканы бил.

Просил таланта он у Бога,
Но не откликнулся Господь.
Он стал искать к чертям дорогу,
Себя не в силах побороть.

Однажды после шумной встречи,
Когда гудела голова,
Явился черт к нему под вечер,
Спросил про жизнь и про дела:

— Ну что же ты, лихой писака,
Не дотянул еще до звезд?
А хочешь — станешь вурдалаком,
Чтоб веселить стихом погост?

— Нет-нет, не надо мне затменья, —
Трусливо закричал герой. —
Хочу писать, как сам Есенин,
Его, есенинской, строфой.

И молвил черт в одно мгновенье:
— Встречай, поэт, свой новый день.
Отныне ты Сергей Есенин,
Его, есенинская, тень.

Узнаешь сам и боль, и славу,
Стихами воспевая Русь.
Иди, твори свою забаву.
Я здесь тебя, дружок, дождусь.

Пока ты занят рокировкой
И покорением сердец,
Я для тебя сплету веревку,
Чтоб подготовить твой конец.

Ну что же ты? Сживайся с тенью!
Вон твой знакомый кабачок.
Иди, гуляй, Сергей Есенин,
Да не запейся, дурачок.

Что загрустил, рязанский лапоть?
Ты только тень, а весь дрожишь.
Не вздумай здесь еще заплакать.
Представь, что ты уже висишь.

Да не забудь оставить миру
Свои предсмертные слова.
Боишься? Так отдай мне лиру.
Эх ты, пустая голова!

Сказал так черт и удалился
Творить нечистые дела.
Поэту просто он приснился,
Его с утра попса ждала.

Неутоленные желанья
Зовут поэта на Парнас.
Его пустые излиянья
И дальше забавляют нас.

Не стал бы я писать об этом.
Все ясно здесь, как божий день.
Уж если нет в тебе поэта,
То не поможет чья-то тень.

2005 г.

КНИГА

Прочитанную книгу
Хочу опять прочесть.
В ней добрая интрига,
И мысль, и юмор есть.

Зачитана до корки,
Неброский внешний вид.
Давно на книжной полке
В забвении стоит.

На тлеющих страницах,
Попробуй-ка затронь,
Воскреснут чьи-то лица
И полыхнет огонь.

И запылит дорога
Под всадником лихим.
И ты уж за порогом,
И скачешь вслед за ним.

Герои старых книжек
Живут среди людей.
Нам с книгой легче
выжить
И стать чуть-чуть добрей.

2004 г.

* * *

Не оскверняйте дел своих
Одним порочащим поступком.
Надуманный и грязный стих
Лишит поэзию рассудка.

Лишит поэзию цветка,
Ее божественного света.
Когда дрожит твоя рука,
Не говори в стихах об этом.

Пускай читатель задрожит,
Охваченный твоим волненьем.
Тебе ж захочется творить
В плену чужого вдохновенья.

2005 г.

* * *

Кому-то нравится Делон,
Кому — эстрадная певица.
И лишь поэт один влюблен
В обычные людские лица.

Божественную красоту
И безобразие уродин,
Огонь души и пустоту —
Все в этих лицах он находит.

За каждой личностью —
судьба,
А за толпой — гудит эпоха.
Воспетая в стихах
по крохам,
Она сливается в набат.

2006 г.

* * *

Октябрь листает календарь
Промозглого ненастья.
В душе — безрадостная хмарь,
И ни минуты счастья.

Не то ослеп, не то оглох,
Скитаясь по безмолвью.
Писать бы мне, да, видит Бог,
Хороших слов не вспомню.

2002 г.

* * *

Закрыта крепко
в будущее дверь,
И ключ потерян
где-то в темноте.
Сломались стрелы,
пущенные в цель,
И умер стих
на скомканном листе.

2004 г.

* * *

Перебираю и крою
В мозгу теснящиеся мысли.
Потом огранке придаю,
От пустословья
их очистив.
Чтоб в лабиринтах бытия
Не заплутать без Ариадны,
Ото всего,
что гнет меня,
Я избавляюсь беспощадно.
Сродни мне свежий ветерок,
Но не попутный,
лучше встречный,
Чтоб слепо не толкал
в поток,
А помогал расправить плечи.

2000 г.

* * *

Уже давно минула осень.
Нахохлился мой старый дом,
А ветер все еще доносит
Шуршанье листьев за окном.

Короткий день вот-вот
растает,
И солнце спрячется в урман.
Соседский пес лениво лает
И чистит шубу на буран.

Ужель зима в обличье
грозном
С утра снегами завихрит?
Зимою я сажусь за прозу,
Отложив в сторону стихи.

2003 г.

* * *

Ума не приложу, как быть.
Махнуть рукой на все проблемы
И, отрешившись от Вселенной,
Тебя, земную, полюбить?

Нет, не могу, ведь я — поэт
И мне негоже сторониться,
Чужие примеряя лица,
Крутой волны и чьих-то бед.

«Пошли, Господь, мне благодать, —
С мольбою я взываю в небо, —
Возможность поделиться хлебом
И дар — себя не потерять».

2006 г.

ВЕСНА

Еще темнеет на снегу лыжня
И по утрам мороз теребит уши.
Но только радостней палитра дня,
И солнце с неба катится на крыши.

Проснувшиеся запахи весны
С ума не сводят, но уже дурманят.
И снятся нам бессовестные сны,
И обостряется сильнее память.

Не потому ли твой зовущий взгляд
Меня преследует и днем, и ночью.
И я, хмелея, сыплю наугад
После стихов сплошные многоточья.

2001 г.

* * *

Пока лучами день расшит,
А на дворе весна хлопочет,
Очищу душу от обид,
Стихи — от лишних многоточий,

Пусть разбросает их весна
Веснушками на женских лицах.
И кто-то вдруг, лишившись сна,
В чужое сердце постучится.

2007 г.

* * *

Ивану Березняку —
поэту и брату

Ты на себе
сумел мне показать,
Что свет исходит
из души поэта,
Или, вернее,
при рожденьи мать
Дает ему в дорогу
лучик света.
А дальше
все зависит от него:
Закроет ли
к своей душе
он дверцу
Или, как в песне,
не жалея сердца,
Отдаст он людям
чистый свет его.

1969 г.

* * *

Ивану Березняку —
поэту и брату

Ум и хватка, как есть, мужика.
Все дела он доводит до точки.
А рука! Ох уж эта рука!
Филигранью написаны строчки.

Восхищаясь изящным стихом,
Не раскрою большого секрета:
Филигрань ту выводит пером
Беспокойное сердце поэта.

2007 г.

ПОЭТ

Ивану Березняку —
поэту и брату

Забытый Богом и людьми,
Не веря в прожитые дни,
Один среди мирских сует
Бредет израненный поэт.

С пустой котомкой на плечах,
То тут, то там зажжет очаг,
В избушке — печь, в лесу —
костер,
А в кузнице — горячий горн.

Где, как кузнец, на склоне дней
Кует он рифмы на огне.
В окне увидев поздний свет,
Я рад тому, что жив поэт.

2003 г.

* * *

Я редкий гость
в своей большой квартире.
Не потому, что претит мне уют.
В нашем большом
и неуютном мире
Мне жить спокойно годы не дают.

Невмоготу
из каменной высотки,
Как соловью из клетки расписной,
Смотреть
через оконные решетки
На город, оживающий весной.

В родном селе
сливаюсь я с природой.
То я — ручей с растаявших полян,
Бегу к реке,
несущей свои воды
Через тайгу в далекий океан.

То, словно застоявшиеся кони,
Лечу по буеракам и лугам.
Вся жизнь моя —
то скачки, то погони,
То новые скитанья по морям.

2002 г.

ПОЭТУ...

Ушел обласканный кумир,
Казалось, жизнь остановилась.
На век, затасканный до дыр,
Слеза вселенская скатилась.

Зачем пришел на белый свет?
Чтоб жизнь испепелить на строфы?
В толпе — был признанный поэт,
А в жизни — мученик Голгофы.

И кто-то всхлипнет невзначай,
Стыдясь непрошенного чувства.
И резко обнажился край
Вселенной, за которым пусто.

2015 г.

* * *

Осиротевший дом притих:
Хозяин умер на рассвете,
Оставив недопетый стих
И боль, сквозящую в куплете.

Жизнь уходила не спеша,
Ее удерживали стены,
Еще металась в них душа,
Как узник, рвущийся из плена.

Она склонялась над столом,
Касалась бережно листочков.
И видел присмиревший дом,
Как на листах рождались строчки.

2015 г.

* * *

Моим друзьям —
поэтам творческой студии
«Светлица»

Здравствуй, милая «Светлица»,
Твой поэт опять с тобой,
Чтоб, как в храме, причаститься
Освященною строкой.

Чтоб от холода согреться
У родного огонька,
А тебе дарю я сердце,
Что в груди у чудака.

2010 г.

* * *

Когда меня не будет
вместе с вами,
Не источайте на знакомых
грусть.
Я, словно дождь,
пролитый облаками,
В своих стихах
однажды повторюсь.

2014 г.

* * *

Петру Варкентину

В жестоких битвах с ветряками
Прославив ратное копье,
В «Заветном часе» ты стихами
Представил творчество свое.

А за спиною жизнь, как песня.
В руках — талант, что свыше дан.
Воспел ты яшкинские веси
И весь Центральный Казахстан.

Нам вслед кивают: донкихоты,
Не время драться за добро.
Когда смолкают пулеметы,
Со злом сражается перо.

Когда сердца людей остынут
И оскудеют без добра,
Пусть наши внуки с полок снимут
Творенья мысли и пера…

2012 г.

* * *

Петру Варкентину,
товарищу и собрату
по перу

Мы вместе на Парнас шагали,
Где свой костер зажгли в ночи.
Мы в спорах истину искали,
Ломая копья и мечи.

Ты сотоварищ наш достойный,
А на стремнине — рулевой.
Мы чувствуем себя спокойно,
Когда стоишь ты за спиной.

Ужель настал момент разлуки
И смерклось вдруг средь
бела дня.
Друзья мои, где ваши руки?
Огня в костер, скорей огня!

2013 г.

* * *

Чужая боль порою, как своя,
Полосонет по сердцу
без разбора,
Как рикошетом пущенный заряд,
Меня сразит совсем чужое горе.

А надо ль чьи-то слезы осушать
И повторять сценарии Голгофы?
Невыносимо больно созерцать
В страданиях застывший божий
профиль.

Ведь чье-то сердце безмятежно
спит,
Не отзываясь на людские муки.
Быть может, у слепца в груди
гранит,
Не видит он гвоздей, забитых
в руки.

И я спросил слепого неспроста:
— Ты был, старик, чужою болью
ранен?
Не видя мук распятого Христа,
Не можешь ты познать чужих
страданий.

— Ты прав, поэт, не видит слез
слепой,
Но он прекрасно слышит
среди ночи
И громкий крик, и тихий стон
людской,
Молчание стоящих вдоль
обочин.

2004 г.

* * *

Пишу словами не играя.
Мне от стихов немножко грустно.
В них сердце медленно сгорает
Частицей плазменного сгустка.

Душа лишь от того светлеет,
Что в ледяных объятьях стужи
Мои стихи тебя согреют.
А что еще от жизни нужно?

2003 г.

* * *

Врастаю в землю, словно камень
На склоне древнего холма.
Тот день уже не за горами,
Когда меня проглотит тьма.

И счет пойдет не на мгновенья.
Тысячелетья и века
Многообразным наслоеньем
На плечи лягут, а пока...

Нет-нет блеснут на солнце грани,
Какими видеть их хочу.
Когда рука писать устанет,
Стихи морзянкой отстучу.

2003 г.

Любимой жене
Ольге Ивановне



Весна в цвету,
и я опять люблю

* * *

Жене Ольге

Утверждает людская молва,
Что любовь наша
с летом ушла.
И осенняя серость дождей
Смыла след,
что тянулся за ней.
Перед холодом будущих зим
Мы остались один на один.
А потом
тебе скажут друзья,
Что пропал в неизвестности я,
Где-то там,
в бесконечных снегах,
Я не смог устоять на ногах.
И с разлукой
не сладить любви,
Сколь ее не проси, не зови.
Вот тогда
в твоем сонном бреду
И замерзший
к тебе я приду,
Еле слышно в окно постучу.
Спросишь: «Кто там?»
А я промолчу...

2000 г.

ВСЕЛЕННАЯ

Столкнулись однажды
в едином порыве
Два сердца —
твое и мое.
Вселенную, что родилась
в этом взрыве,
Назвали мы
нашей семьей.

Но радужный мир,
что сердцами был создан,
Порой беззащитен
от бед.
И только любовь
зажигает сверхзвезды
С орбитами
новых планет.

2004 г.

* * *

Чуть слышный вскрик,
и радостный испуг,
И шелест слов,
что ничего не значат.
И жаркие прикосновенья губ,
и трепет глаз,
вспугни их — и заплачут.

Прекрасен сад,
что нас с тобой укрыл,
И сладостны его благоуханья,
Как вкус вина,
которого не пил,
Как таинство
любовного свиданья.

2007 г.

* * *

Сердца влюбленные созвучны,
Нет аритмии страха в них,
Что мы друг другу вдруг
наскучим,
Поделим счастье на двоих.

Я лишь подумаю о чем-то —
Ты понимаешь все без слов.
Во власти каждого экспромта
Мы начинаем все с азов.

Хотел слепить тебя такою,
Чтоб получить свой идеал,
И сам, теперь уже не скрою,
Совсем другим с тобою стал.

В едином праздничном порыве
Сердца по жизни нас ведут.
А кто из нас двоих счастливей,
В народе так и не поймут.

2004 г.

ЛЮБИМ-ТРАВА

Я слышал старую молву
О непонятном чуде:
Кто отыскал любим-траву,
Вовек влюбленным будет.

Любовь, хоть и бесценный дар,
Один сберечь не в силах.
И мы спешим разжечь пожар
В сердцах своих любимых.

Но иногда без колдовства
Напрасны наши муки.
И лишь заветная трава
Спасает от разлуки.

Любим-трава растет в лесу,
На недоступных склонах.
Ее любимой принесу
В ладонях раскаленных.

2004 г.

* * *

Любовью молодость горит,
Смятение волнует зрелость.
Среди растрескавшихся плит
Цветок на свет пробился смело.

Каким же чудом он рожден:
Любовь ли выплеснула пламя,
А может, нашими сердцами
Вдруг отогретый, вспыхнул он?

Застыла в воздухе рука,
И мы в смятении молчали,
А люди шли, не замечая
Ни нас, ни нашего цветка…

2005 г.

ТАНГО ЛЮБВИ

Любовь, испитая до дна,
По свету в саване ходила,
Оставшись вдруг совсем одна,
О милосердии молила.

Кто одинокой даст приют,
Кто обогреет ночью лунной,
Под чьими пальцами вздохнут
Едва не порванные струны?

Я не позволю никому
Приговорить любовь к расстрелу.
Я саван с плеч ее сниму
И платье белое надену.

Воскреснув из небытия,
Любовь закружится по залу.
За ней, как в омут, брошусь я,
Чтобы испить ее сначала.

Любовь, как вечная весна,
Не запереть ее в темнице.
А если вдруг умрет она,
То лишь затем, чтоб возродиться.

2010 г.

ХУТОРЯНКА

(Тропой забытого преданья)

В таежном краю, по медвежьим углам,
Беглянка-речушка струится,
И жмется тропинка к ее берегам —
В глуши затеряться боится.

За дымкой седой схоронила тайга
Родник, веселивший распадок,
Волшебную сказку того родника
О тайне забытого клада.

Молва, подогретая дымом костров,
И кот, стерегущий заимку,
Родник, забавлявший сельчан-стариков,
Манили меня на тропинку.

...А вот и заимка, и сказочный лес,
И тот родничок меж камнями.
Водицы испил — и как будто воскрес,
И сладко уснул под кустами.

И надо ж такому присниться во сне:
По тропке идет молодица.
Спешит ли она на свиданье ко мне,
Водицы ли хочет напиться?

Старинная сказка прокралась в мой сон,
Давным-предавно это было:
Прекрасная дева из прошлых времен
К другому сюда приходила.

Молва доносила: красивой была
Хозяйка таежной заимки,
Умелой и ловкой смотрелась в делах
И с мужем жила по-старинке.

Ловила в быстрине рыбешку к столу,
Бесстрашно зорила берлогу,
Крестясь перед сном на икону в углу,
Просила прощенья у Бога.

И так бы ей жить в окруженье лесов,
В работе сгорая до срока,
Когда б не пришла к ней однажды любовь
Тропинкой, заросшей осокой.

...Рассвет над тайгой улыбнуться спешит,
Купаясь в лазури холодной.
Тропинка то прямо по гарям бежит,
То вьется змеей подколодной.

По ней, озираясь, как загнанный зверь,
Шагал человек — не от Бога.
Бедовый варнак, объегоривший смерть,
А может, беглец из острога.

Истлевший зипун, что он лыком связал,
От гнуса не спас его тела,
Лишь длинные космы скрывали глаза,
Где тайная думушка тлела.

Вдали за грядой он приметил реку,
Дымком потянуло с низины.
И так захотелось ему к огоньку
И влаги речной из быстрины.

...Случилось, на хутор, откуда невесть,
Забрел одинокий скиталец.
Усталость и голод, лихая болезнь
По следу за путником крались.

Украдкой прошел он на берег реки,
Страшась даже собственной тени,
Без силы упал на сырые мостки,
Рукой загребая теченье.

Насытившись влаги, уснул на мостках,
В бреду забываясь устало.
Не слышал чужак, как его на руках
Хозяйка несла к сеновалу.

Вот так и пришла на заимку беда,
А может быть, счастье пригрело.
Молву разнесла по округе вода,
Хранить она тайн не умела.

Сюда, к роднику, что звенел у реки,
С любимым она приходила.
Им ложем любовным служили мостки,
Здесь дева пришельца любила.

...Красивая сказка привиделась мне,
Давным-предавно это было.
И мне даже жаль, что ко мне лишь во сне
Хозяйка тайги приходила.

«Ну здравствуй, дружок! Не ко мне ли
пришел?
Давненько ведь топчешь тропинку.
А может, и клад мой под елью нашел?
Преданье тебе не в новинку».

Так явны уже и касанье плеча,
И шепот приснившейся дивы.
«Аль я для тебя не совсем горяча,
Не так молода и красива?»

«Не спорю, хозяйка, ты впрямь хороша
И душу мою присушила».
Хохочет она: «Ну при чем тут душа?
Водицей тебя приманила.

Ты прав, что влюбиться в меня не спешишь.
Хладны и бескровны ланиты.
На ложе моем ты в объятьях души,
А тело с любимым зарыто.

Я вижу: не дожил до веку мой кот,
А люди подсказку забыли.
И клад мой таежный никто не найдет,
Лежать ему в нашей могиле...»

...Уже не пойму, то ли явь, то ли сон
Смутили мое подсознанье.
А может, и впрямь я в хозяйку влюблен
И в лес к ней пришел на свиданье.

А ведь угадала: и клад я искал,
Поверив молве про заимку,
И даже под елью разлапистой спал
С таежною девой в обнимку.

В народе молвы отголосок живет,
Как эхо трагической были,
Что в полночь хранитель сокровища кот
Приходит к хозяйской могиле.

Кому-то судьбой наречен этот путь
Пройти от могилы до клада.
Об этом пыталась и мне намекнуть
Хозяйка за память в награду.

...Историю эту мне дед рассказал,
Когда у костра мы сидели.
Мне снится порой, лишь закрою глаза,
Заимка с могилкой под елью.

Могучие кедры хранят до сих пор
Забытый таежный сценарий,
Любовь, разбудившую дикий простор
Живым исполнением арий.

Звенит родничок — в нем воды через
край.
Давным-предавно это было.
На гарях сто раз отдымил иван-чай,
Река отражения смыла.

В забытую сказку утеряна нить
С клубком, укатившимся в дымку.
Лишь я, как ни странно, не в силах
забыть
Хозяйку таежной заимки...

2015 г.

* * *

Красив и строг обряд венчальный,
Когда вся жизнь — еще в начале…
Он целый мир взвалил на плечи,
Когда в любви поклялся вечной.

И с нею все вдруг стало ясно,
Господь ведь слышал, что согласна
И на разлуки, и на встречи,
И на любовь, что длится вечно…

Любовь стояла под венцом,
Он был совсем еще юнцом.

2012 г.

* * *

В душе моей хрусталь звенит,
Нам травы кланяются в пояс.
И лишь всесильный аконит
Приветствует влюбленных стоя.

Застыли в тишине слова,
Шагов и тех давно не слышно.
Хрусталь звенит, как тетива,
В своих объятиях нас стиснув.

2010 г.

* * *

Храни любовь, от бед оберегай.
Не выжить ей одной на белом свете.
Подай ей руку, если близок край,
Освободи — когда она в запрете.

Мир без любви, наверно, был бы пуст.
Вместо нее — на теле только шрамы.
Моя любовь — букет прекрасных
чувств,
А не холодный призрак голограммы.

Без ветра бесполезны паруса
И кораблю не одолеть теченья.
Любовь тогда легка на чудеса,
Когда душа поет от вдохновенья.

2015 г.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Первая любовь, как ветерок,
Налетевший утром из-за леса.
Да и я еще не тот повеса,
Чтобы сразу одурманить мог.

К таинству невысказанных слов
Нас ведет язык прикосновений.
Сколько раз я целовал колени,
А тогда коснуться их не мог.

Первая любовь, как ручеек,
Что бежит по камешкам игриво.
Я б сейчас ей подарил Мальдивы,
А тогда сказать «Люблю!» не смог.

2009 г.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Вздохнула осень у причала,
И как-то ночью, скрыв свой лик,
Зима в окошко постучала,
Припорошив густой тальник.

И все застыло в ожиданье,
Чуть-чуть напугано зимой.
Лишь ты на первое свиданье
Бежишь и светишься весной.

1968 г.

ШАЛАШ

Помнишь костер, догоревший
у речки,
Страшные крики ушастой совы,
Ели, взлетевшие в небо,
как свечки,
Нашу постель в шалаше
из травы?

Я обнимал тебя тихо, украдкой,
И в темноте твои губы искал.
Вкус поцелуев твоих
горько-сладкий
Долго потом в тот шалаш
меня звал.

А в изголовье шушукался
кто-то,
Явно смелея впотьмах без огня.
Ты бормотала: «Не балуйся —
смотрят», —
И обнимала сильнее меня.

1987 г.

* * *

Окрасила осень
долины лесные,
Разбрызгав по веткам
цветастые слезы.
Я в детство вернулся,
и ветер доносит
До боли знакомую
сказку про осень.
Встают перед взором
былые картины
И профиль знакомый
в березовой роще.
Как хочется мне,
чтоб вернулось все снова:
Та осень и девушка
в платьице новом.

1967 г.

ПАМЯТЬ

Осенний день безмолвно тонет
В тоскливом шелесте дождя.
Без сожаленья, без агоний —
Спасти его уже нельзя.

Он будет жить в воспоминаньях,
Быть может, годы напролет,
Пока расплывчатые грани
Людская память не сотрет.

Осенних дней — их было много,
А я запомнил лишь один,
Когда с девчонкой-недотрогой
Тушили сполохи рябин.

Глаза ее как роспись гжели,
Забыть с годами не сумел.
Я в той рябиновой метели
Не то застыл, не то сгорел.

2007 г.

ПРОСТОТА

Как василек в платочке синем,
Шла по дороге простота.
А поступь выдала богиню,
Сошедшую ко мне с холста.

«Скажи, прелестное созданье,
С каких полей твои цветы?
Кто воплотил свои желанья
В твои небесные черты?

Чья кисть прошлась по дивной коже,
Подметив таинство в глазах?
Такую красоту, возможно,
Создал Господь на небесах».

«Не бойся, милый, я земная,
С родных полей мои цветы».
И только тут я понимаю:
Ко мне с небес спустилась ты.

2007 г.

* * *

Гляжу во тьму
распахнутых зрачков,
Как в бездну
неразгаданной Вселенной.
Я пленник
твоих призрачных миров,
Которых не фиксируют
антенны.
Орбиты неизученных
планет
Меня зовут
твоим холодным взглядом.
В нем нет любви,
и я шепчу в ответ,
Что мне на Землю
возвращаться надо.
И, силы тяготенья разорвав,
Наперекор
законам постоянства,
Не усмирив
твой неприступный нрав,
Я затеряюсь
в кривизне пространства.

2001 г.

ВИРТУАЛЬНОСТЬ

Когда в глубинах
подсознанья
Соединятся явь и сон,
Я и тогда без колебанья
Скажу, что лишь в тебя
влюблен.

Ведь та, которая мне
снится
И манит в сказочный
полет,
Не виртуальная девица,
А отражение твое.

И с облегченьем
просыпаясь,
Тебя касаюсь я рукой...
Нет, настоящая, живая,
Во сне и наяву со мной.

2002 г.

ПРОКАЗНИК

Ты улыбаешься спросонок,
Рукою локон теребя.
Пушистый лучик,
как котенок,
Ласкаясь, трется о тебя.

Вот надоеда, вот проказник!
Хочу я неслуха словить.
А он из будней сделал
праздник,
Который вздумалось
продлить.

Мелькнули белые коленки,
Что луч бесстыдно оголил.
И я его за все проделки
В тот миг по-дружески
простил.

2008 г.

МЕЛОДИИ СНА

Незабываемым
был этот вечер.
Все, что хотел,
я увидел в глазах.
Руки-лианы
упали на плечи
И закачали меня
на волнах.
Пленники вальса
и шумного зала,
Юность и зрелость,
зима и весна...
Стрелки часов
отбивают устало
Очередные
мелодии сна.

2001 г.

* * *

В жаркий день ты — вода.
Ты — вечерняя прелесть заката.
Ты — ночная звезда,
Утром — голубь крылатый.

Ты — как летние сны,
Ты — похмелье осеннего сада.
Ты — костер средь зимы,
А весной ты — исчадие ада.

2000 г.

НЕ ЗАБЫВАЙ

Не забывай меня вдали,
не забывай.
Пусть уплывают корабли
куда-то в даль.
И сладкий зной
любовных мук,
Очарование разлук
Не забывай, тебя прошу,
не забывай.

Не называй меня чужим,
не называй.
И пусть нас горечью осин
встречает май.
Но цвет черемух и рябин
На много лет
и долгих зим
В своей душе мы сохраним,
мы сохраним.

Не уходи, тебя прошу,
не уходи.
Дым недоверия растаял
позади.
Но сладкий зной
любовных мук,
Очарование разлук —
Все впереди у нас,
поверь,
Все впереди.

2005 г.

* * *

А виновата лишь луна,
Что мы с тобой в ночи
пропали
И от любви глупее стали,
Как от крепленого вина.

Не в силах чувства
превозмочь,
Я целовал твои колени.
И были необыкновенны
И ты, и наша сводня — ночь.

Расставшись с юностью
давно,
Мы растеряли все с годами.
Ночами лишь луна в окно
Следит украдкою за нами.

2005 г.

* * *

Любовь не спросит —
быть или не быть.
Она красноречивее Эзопа.
Любовь во льдах
не даст сердцам застыть.
Ее ковчег спасет нас
от потопа.

Любить друг друга
завещал нам Бог,
Не оскверняя
чувства и морали.
Но жизнь порой
дает нам свой урок,
Срывая старомодные вуали.

Нам не страшны
ни трудности, ни смерть.
Мы рвемся в бой
с какой-то темной силой.
Нам хватит мига,
чтобы умереть,
А на любовь
нам жизни не хватило.

2006 г.

ЭХО

Тишину —
хоть на клочья рви,
Не разбудишь
царства веха,
Где, иссохнув от любви,
Отвечает только эхо.

Ничего...
Лишь дальний звук,
Эхо чувств
неразделенных.
Может, это
чьи-то стоны
Нам достались от разлук?

2007 г.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Оттаяла небесная лазурь,
А вместе с ней и чувства
отогрелись,
И круговерть весенней
карусели
Спасла сердца
от леденящих бурь.

Весною даже праведник спешит
Испить капели чашу
очищенья.
И в этом есть весны
предназначенье:
Будить любовь,
когда природа спит.

2007 г.

* * *

Весна в цвету,
и я опять люблю.
Бегу встречать
малиновый рассвет.
И чувства светлые
опять ловлю,
Которых в лютый холод
с нами нет.

Они оттают
только по весне,
Их растревожат
первые ручьи.
То ль по моей,
то ль по твоей вине
В сердца любовь
настойчиво стучит.

2004 г.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Сегодня первое апреля,
В панбархат нарядились ели,
Едва очнувшись ото сна.
Но, помня бабкины поверья,
Я в этот день весне не верю:
Капризна ранняя весна.

Сегодня первое апреля,
Все женщины — фотомодели,
Стреляют глазками в меня.
Но знаю, бабкины наказы
Меня и здесь спасут от сглазу,
И благодарен бабке я.

И надо ж, в первый день апреля
Твои глаза вдруг потемнели
И голос ласковый такой.
Ведь помню бабкины уроки,
Но с головой тону в пороке —
Черт с ней, с обманщицей-весной.

2001 г.

* * *

Ты даже в собственных слезах
Испытываешь наслажденье,
И блеск алмазов на щеках
Милей любого украшенья.

Ты плачешь просто ради слез,
Чтоб вызвать в чьем-то сердце
жалость.
Ни сожаленья, ни угроз
В твоих стенаньях не осталось.

В бесплодных поисках вины
Напрасно напрягаю память.
Не за твоими ли слезами
Сокрыт невинный плач весны?

2005 г.

ПЕЧАЛЬ

Немая речь страдания —
печаль.
Она порой едва-едва
заметна.
Она — дорога,
что уходит в даль,
А в сентябре —
как отголосок лета.

О чем она —
ты не расскажешь мне.
И я теряюсь, как всегда,
в догадках.
Быть может,
это таинство извне
Сильней меня
на несколько порядков.

Где скрыт источник
этих дивных слез,
Доподлинно
тебе одной известно.
Я молчаливо
комкаю вопрос,
Печаль твоя
сегодня так прелестна.

Когда-нибудь с годами
я пойму
Великий смысл
несказанного слова.
И так же молча
просто обниму,
Чтоб никогда
не воскрешать былого.

2006 г.

* * *

И медальон, и ожерелье
Прекрасны лишь
на женском теле.
И бриллиант потухнет вдруг,
Лишившись милых женских рук.
Не потрясающий наряд —
алмазы зажигает взгляд.

2012 г.

Я КОСТЕР РАЗВЕДУ

Романс

Я костер разведу,
у огня твои руки согрею.
И в вечернюю тьму
отпущу присмиревших коней.
С небосклона звезду
золотую достать я сумею
И вплету ее в россыпь
распущенных черных кудрей.

Не кончается пусть
никогда эта быль или небыль.
И слова о любви в тишине
пусть звучат, как ручей.
Я на плечи накину
огромное звездное небо,
И пусть нам до утра
свои песни поет соловей.

А когда горизонт
озарится лучами рассвета
И звезда отсверкает
на бархате черных кудрей,
Когда песню свою
допоет соловей нам на ветке,
Мы с тобой позовем
отдохнувших на воле коней.

1998 г.

* * *

Отшалила зимушка-старушка,
Отыграла весело в снежки.
На лесных полянах,
как веснушки,
Высыпали алые жарки.

Потемнели бархатные ели
И шутя облапили сосну.
Я в твоих глазах,
словно в купели,
Спозаранок подглядел весну.

Кажется, не ковш воды
прохладной —
Колдовское зелье выпил я.
И не запах рук твоих, а ладан
Одурманил грешного меня.

1988 г.

КОСТРЫ ДУШИ

Любовь и ревность —
две сестры
Зажгли в душе свои костры.
Горит костер любви моей,
И трель выводит соловей,
А сердце вторит соловью:
«Я вас люблю! Я вас люблю!».

В другом костре чадит молва
И тлеют подлые слова.
От этих слов лишь дым и чад,
И душу разъедает яд.
Чтоб чад нам души не травил,
Подбросим чувств
в костер любви.

2012 г.

* * *

Мысль лишь одна:
не прекословь.
Слова бессильны
здесь помочь.
В подушку плакала любовь,
А вместе с ней
рыдала ночь…
А я молчал
и комкал боль,
Ведь плакала моя любовь.
И ты, мой друг,
не поленись
И ночью вдруг
хоть раз проснись,
Окинь семейный свой альков.
Не плачет ли
твоя любовь?

2012 г.

* * *

Хочешь,
я печаль твою развею,
Осушу глаза
своим дыханьем.
Брызну в них,
чтоб были веселее,
Чуточку полярного сиянья.
Пусть они от счастья
посветлеют,
К радости потянутся,
как руки,
И никто
уж больше не посмеет
Утопить их
в омуте разлуки.

1969 г.

* * *

Мы исцелим свою любовь,
Слова истрепанные выжжем
И ревность — старую свекровь
Без страха вычеркнем из жизни.

Построим вместе новый дом,
Довольно общежитий блеклых.
И заживут богато в нем
Два очень близких человека.

2004 г.

ИЗГНАНИЕ

О, как в душе
черемуха цвела!
И все вокруг
до боли было милым.
У нас с тобой
ни дома, ни угла,
Но как прекрасно
мы тогда любили!

Мы эти чувства
берегли всю жизнь,
Но, к моему неловкому
признанью,
Мой юный внук
добавил: «Архаизм,
Приговоренный
к вечному изгнанью».

Казалось,
даже ахнула луна,
Весенний вечер
потерял дар речи.
А в вечный спор
вмешалась вдруг она,
По-девичьи
задорно вздернув плечи.

2012 г.

КРАСОТА

Завял цветок,
сорвавшийся с куста.
Рожденный солнцем,
он расцвел для милой.
А вместе с ним
угасла красота,
Ее в тот миг
кому-то не хватило.

Но виноваты ль в этом
я и ты?
Зарывшись в будни
серого экстрима,
Мы забываем
подарить цветы,
Придя домой,
заждавшимся любимым.

И угасает
в сердце красота
Еще быстрее,
чем стареет кожа.
Посмотришь —
и любовь уже не та,
На прежнюю
нисколько не похожа.

Влюбленные
в романтику, в мечту
С годами
не становятся черствее.
Они несут
в ладонях красоту,
Которая
нас делает добрее.

2007 г.

* * *

Окунуться хочу в тишину,
В разнотравье упав наугад.
Кто-то тронет легонько
струну,
И польется сюита цикад.

Ты меня в этот час не зови,
Пусть купается небо
в глазах.
Мне исполнит сюиту любви
Чья-то скрипка в умелых
руках.

2003 г.

* * *

В твои объятия ворвусь
И в поцелуях затеряюсь.
Тебя я знаю наизусть,
А может быть, совсем не знаю.

Очарование любви,
Как дымка, парус похищает.
И хоть зови, хоть не зови,
Не переспорить крика чаек.

Лишь утром сердце замолчит,
И парус мой наполнит ветер,
А быстрая любовь в ночи
Сгорит в ликующем рассвете.

2011 г.

ЛЮБОВЬ

Усталые лица
и волос заснеженный...
Не опоздала ли
с чувствами нежными?
Не насмешу ли
кого-нибудь вздохами
И запоздалыми ахами, охами?

А рядом послышались
нежные речи.
Луна обнажила
открытые плечи...
Ну как не узнать
эти милые вздохи,
Безумные ахи
и страстные охи.

2012 г.

УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ

Скучает уличный фонарь,
Задрав колпак железный в небо:
«Вот если бы вернуться встарь,
Когда я одиноким не был...

Я был художником теней
И украшением свиданий.
Я ночью помогал луне
Своим искусственным сияньем.

Сегодня мне работы нет.
Стою один над грязной лужей,
И мой качающийся свет,
Похоже, никому не нужен».

А в это время к фонарю
Подкрались тени двух прохожих.
Он ей сказал: «Я вас люблю!»
Она ответила: «Я тоже!»

С самим собой наедине
Стоит фонарь под желтым кленом.
Он посылает свет луне
И заблудившимся влюбленным.

2007 г.

* * *

Когда в осенний листопад
Вам станет очень одиноко,
Не бойтесь под дождем
промокнуть
И выходите в старый сад.

Вас непременно удивит
И очарует вечер дивный.
И вы поймете, что любимы,
И вам захочется любить.

2000 г.

ЛЮБОВЬ

Сказала со вздохом:
— Уйду,
Устав от толпы
иждивенцев.
И вдруг
на скамейке в саду
Нашла
одинокое сердце.

2007 г.

* * *

А надо ли отчаянно спешить,
Шагая, спотыкаться,
даже падать,
И длинный день, как быстрый
миг, прожить,
Лишь бы в душе не затухала
радость?

А надо ли тебя одну любить,
Когда твоя любовь давно
остыла,
И в штыковую на врага ходить,
Когда спиной не ощущаешь
тыла?

А надо ли надеяться и ждать,
Врачуя кровоточащие раны?
Жизнь и любовь —
господня благодать.
Жизнь без любви —
скитания в тумане.

2003 г.

БЕГЛЯНКА

Она влюблялась часто-часто,
А он молил не разлучаться.
Любовь кричала: «Берегись!
Шипами роз не уколись!»
Не обернулась, промолчала,
Одной любви ей было мало.
А праздник чувств так скоротечен!
Недоглядел — и вот он, вечер.
Нет ни тропинки, ни дорог,
И ни того, кто б вывесть мог.
Беглянка улыбнулась мило,
Сообразив, что заблудилась.
Лишь сердце билось, как набат:
«Вернись назад! Вернись назад!»

2012 г.

* * *

За окном осеннее ненастье.
Серым пеплом даль заволокло.
И вот-вот расколется на части
Хрупкого спокойствия стекло.

Мы друг другу все уже сказали
И молчим, пугаясь тишины.
Мы с тобой пока еще в начале
Так и необъявленной войны.

Кажется, сломались раньше
срока
В нашем доме старые часы.
Взгляд твой безразличный
и далекий,
Словно сполох будущей грозы.

2004 г.

ОДИНОЧЕСТВО

В одиночку не одолеть
Безразличья
тупую похоть.
Одному о любви не петь,
Одинокий —
в безмолвье глохнет.
В одиночку не разбудить
В своем сердце
шальные страсти.
Одному неохота жить,
Для него ясный день —
ненастье.
В одиночку не сладить дом
На безжизненном
пепелище.
Одному одиноко в нем.
Одинокий с деньгами —
нищий.

2002 г.

* * *

Теперь я знаю,
как мужчины плачут.
Совсем беззвучно,
не роняя слез.
И лишь глаза
невольно обозначат
Мгновенье,
когда сердце взорвалось.
Мужчина не заплачет
непременно
От сильной боли
или от угроз.
Мужчина зарыдает
от измены,
На землю уронив
остатки роз.
И если вдруг
подобную картину
Когда-нибудь
вам видеть довелось,
Не осуждайте
в слабости мужчину.
Не дай господь
вам зарыдать без слез.

1999 г.

СУД

Если уйдешь —
уходи не под вечер,
а утром.
Без расставаний,
рукой помахав, как всегда.
Пусть запоздалым
окажется вечером суд мой
И приговор твой
останется в зале суда.
Будет он строг —
я единственный твой
обвинитель,
Но не предвзятым,
хотя потерпевший — судья.
Перед судом
присягну я в надежной
защите.
И снисхожденья
к любимой просить буду я.

2001 г.

САД

Все пройдет
с осенним листопадом.
Отгорит рябиновый закат.
Милый мой,
не торопись, не надо
Вырубать под корень
старый сад.
Он не раз спасал нас
от печали,
Был приютом
в холод и жару.
Мы к нему,
как корабли к причалу,
Возвращались часто поутру.
Сад встречал,
протягивая ветки,
К нам, уставшим
от тяжелых нош.
В этой нашей жизни
беспросветной
Старый сад на доктора похож.

1998 г.

* * *

Ты ничего не говори,
Не будем нарушать согласья.
Ледок осеннего ненастья
Растает в отблесках зари.

Запутавшись в самом себе,
Я с головой тону в неверье.
Со страхом жду: вот хлопнешь
дверью,
Не вняв очередной мольбе.

Хочу прочесть в твоих глазах
Ответ, подсказанный
в вопросе,
Но вместо страсти
вижу осень,
Целуя горечь на губах.

2001 г.

* * *

Твоя душа — потемки,
Не высветить ее.
Февральская поземка
Засыпала жилье...

Иду к тебе наощупь
Во мраке без огня.
И кажется, что в клочья
Вот-вот порвешь меня.

2004 г.

* * *

Мы словно в разных
измереньях
Живем, соседствуя с тобой.
Как путник неразлучен
с тенью,
Так неразлучен я с тобой.

Бреду по жизни, как в тумане,
Тебя не грея на ветру.
Но если вдруг тебя
не станет —
Я затоскую и помру.

2002 г.

* * *

Забыв недавние проклятья,
Не отвергая, не виня,
Бросаюсь я в твои объятья,
Подстерегавшие меня.

Я в них сгораю без остатка
Не как забытый костерок.
Сгораю медленно и сладко,
Как проигравшийся игрок.

Я в них тону, не задыхаясь
От ощущенья глубины.
И, словно грешник, снова
каюсь,
Устав от длительной войны.

2006 г.

* * *

Твоей любви хватило
лишь на миг,
Остались письма
и воспоминанья,
Да я, заброшенный
в глухой тупик
Сухим «прощай»,
что вычеркнул
свиданья.

Отныне все пойдет
наперекос
И в жизни не наступит
равновесья.
Тебя вчера букетом
алых роз
Мне бросила судьба
из поднебесья.

Так что же вдруг
разъединило нас,
Какое чудо возместит
потерю?
Не верил я десяткам
женских глаз,
А вот твоим
я почему-то верю.

1977 г.

МИГ ЛЮБВИ

Лишь миг любви,
как отголосок счастья,
Ты мне сегодня даришь
невзначай.
И словно распогодилось
ненастье,
И на душе не март,
а теплый май.
Лишь миг любви,
а сколько новой страсти!
Тебя люблю,
как двадцать лет назад.
Вместо «прощай»
шепчу я нежно: «Здравствуй»,
Тебя целуя с головы до пят.
Лишь миг любви,
и снова все завьюжит,
Куда ни кинусь —
пустота кругом...
И одиночество,
как злая стужа,
К утру остудит опустевший дом.

2000 г.

ШАБАШ

Еще над трактом пыль
клубится,
Заигрывая с ветерком,
И ночь косматой дьяволицей
Зависла над пустым селом.

Видением застыл на взгорке
Поросший мхом высокий пень.
Слетелись ведьмы на вечерки
Со всех окрестных деревень.

Воскресли старые преданья
Из воспаленной глубины...
Меня на шабаш этот тайный
Привел волшебный свет луны.

Там нечисть выла и плясала,
Себя за космы теребя.
Мне на мгновенье показалось,
Что вижу в оргиях тебя.

Вот-вот скрестятся наши
взгляды
И души выжгут без огня.
Вдруг я очнулся — нет, не надо,
Пусть не увидишь ты меня.

2003 г.

* * *

Чернота осенней ночи
Опускается на плечи.
Вырываюсь что есть мочи —
Пять минут до нашей встречи.

Полусвязанный бунтую,
Разрываю кольца-змеи,
Но лишь крепче поцелуи
И объятья все сильнее.

Оглушенный забываю,
Что свидание проходит.
Ночку темную ласкаю,
Вот и силы на исходе.

А наутро очень странно
Улыбнулась ты при встрече,
Словно не было обмана
И в измене не замечен.

И невольно мысль закралась,
Зацепилась между строчек:
Может, это ты скрывалась
Под покровом темной ночи?

2006 г.

ОТОГРЕЮ РУКИ У КАМИНА

Романс

Отогрею руки у камина
И уйду, не оглянувшись, прочь.
Позади — остался вечер
длинный,
Впереди — испорченная ночь.

В ворохе проснувшихся
желаний
Буду рыться снова до утра.
Но метель сомнений забуранит
След вчерашний с твоего двора.

И лишь где-то в закутке
сознанья
Будет мысль несбыточная
тлеть:
Может, завтра новое свиданье
Нам сердца сумеет отогреть?

2003 г.

* * *

Ты паранджой прикрыла
чувства
И безразличные глаза.
Где билось сердце —
стало пусто,
Ушла, ни слова не сказав.

В безликой серости обмана
Я оправдания ищу.
Когда от поисков устану,
Возьму и просто так
прощу.

Сорву однажды покрывало
С твоих большущих
серых глаз,
Чтоб ты опять собою стала,
И страсть, и тело напоказ.

2005 г.

ПРОДЛИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!

Все как во сне: любовь, игра,
Затем приходит осмысленье.
И пережитое вчера
Разверзлось бездною сомнений.

Непостижимое постичь
Хочу в слепых объятьях страсти.
Бросаюсь на призывный клич,
А завтра — душу рву на части.

И, в глубине притухших глаз
Пытаясь разглядеть притворство,
Осознаю в который раз,
Что проиграл единоборство.

Все как во сне: любовь, игра
И запоздалое сомнение...
Мне б от тебя уйти пора,
А я молю: «Продлись, мгновенье!»

2003 г.

* * *

Отгремели призывные трубы,
И любовь задремала, устав.
Я целую в ночи твои губы
Второпях, словно что-то украв.

Не спеши запахнуть свою шубку,
Дай в объятьях тебя я сожму.
«Дурачок!» — добавляешь ты
в шутку,
По-кошачьи ныряя во тьму.

«Нет так нет», — бормочу я,
поежась,
Не сдержав равнодушья озноб.
На меня ты хоть в этом похожа:
Сразу все, а потом — хоть потоп.

2004 г.

БЛУДЛИВАЯ ЖЕНА

Блудливой сосед называет жену,
Ругает ее беспощадно,
А если на женщину кто-то взглянул,
Слова так и сыплются градом.

Прямая, красивая, словно плывет,
По дому с утра вся в работе.
Он, глядя ей вслед, чертыхаясь,
плюет:
«Вот стерва, опять ты в охоте!»

Не знает покоя ревнивец-сосед,
Позорит жену всенародно,
А та хоть бы слово сказала в ответ
И крест свой несет год за годом.

Я выход предложил соседке простой:
Порвать Гименеевы путы.
Шепнула смеясь: «Мне не нужен
другой,
Люблю я его, шалапута».

2002 г.

* * *

Нас вечер в танце
закружил
На той субботней
дискотеке,
Где я с тобою нежным был
И обещал любить вовеки.
И ты, припавшая к плечу,
Свою любовь дарила
взглядом.
И я был удивлен чуть-чуть,
Когда тебя не стало
рядом.

2002 г.

* * *

Хочу еще хоть раз успеть
Сквозь зубы, стиснутые болью,
Во время тихого застолья
Свой гимн любви тебе пропеть.

Пылит остаток наших дней
По бездорожью серых буден.
И встречный ветер чувства
будит,
И с каждым днем они сильней.

2004 г.

* * *

Я тебя околдую
неведомой силой,
Я тебя обману,
не используя лжи,
Чтоб уйдя от меня,
ты ко мне приходила,
Сбросив где-то в ночи
одеянье ханжи.
Я тебя опою
не вином и не ядом,
Я рассею без слов
все сомненья твои.
Чтобы губы шептали:
«Опомнись, не надо...»,
А горячие руки
просили любви.

1992 г.

* * *

Не вписался я в пространство,
И закинуло меня
На орбиту вечных странствий,
Как скитальца-журавля.

Время лечит и калечит,
Но всему приходит срок.
Я беру тебя за плечи,
За собой веду в поток.

Полонез рождают звуки,
Он уносит, как волна.
После длительной разлуки
Обвенчала нас луна.

На орбите вечных странствий
Не скитаюсь я давно...
Как луну в чужом пространстве,
Вижу я твое окно.

2008 г.

ЖЕНЩИНАМ...

О женщина, тобой я восхищаюсь!
Ты — мать моя, любимая, сестра.
Пред матерью я голову склоняю,
Мои стихи ей пропоют ветра.

С сестренками нас нежность повязала.
По-братски нам всегда их защищать.
Когда с годами матери не стало,
Сестра моя, ты заменила мать.

Любимая, тебя я обожаю.
Об этом все стихи мои трубят.
Я в них тебе немножко изменяю,
Лишь для того, чтоб утвердить себя.

О женщина, тобой я восхищаюсь!
Ты чья-то мать, любимая, сестра.
Беда ли в том, что я любовью маюсь,
Когда виски блестят от серебра.

2005 г.

Я ЛЮБЛЮ

Я люблю — без любви
Даже солнце не мило.
Не поют соловьи,
Если сердце остыло.

Не наступит рассвет
После длительной ночи,
Не родится куплет,
Если сердце не хочет.

Я люблю, без любви
Не засветится слово
И Господне: «Живи»
Превратится в оковы.

Если выстынет дом
От штормов и напастей,
Сердце станет костром
Из бушующей страсти.

2014 г.

СИНЕГЛАЗКА

Выйду в поле,
стрелу пущу,
Пусть укажет
она дорогу
К той, которую
я ищу,
К чародейке
и недотроге.
Может, где-то
среди болот,
Там, где в мох
нарядились ели,
Синеглазка моя
живет,
Околдована
с колыбели.
Пусть отыщет
ее стрела,
Прилетит прямо
к ней в светлицу.
И седая, как лунь,
молва
Правду сделает
небылицей.

Не поверят,
что проскакал
Сотни верст
на коне горячем.
Скажут просто:
«Во сне плутал,
А девчонка —
с соседней дачи.
И нашла ее
не стрела,
Сам случайно
в саду приметил,
Сам позвал,
и она пошла,
И венчал вас
не поп, а ветер».
Пусть давно
у меня семья,
Я по-прежнему
в сказку верю.
И встречает,
смеясь, меня
Синеглазка
из колыбели.

1975 г.

* * *

Я ходил к тебе
через темный лес,
Где в свой бубен бил
вечерами бес.
Там, где леший выл
в своем логове,
Я к тебе спешил,
синеокая...
И не раз тебе
дьявол-ветер пел,
Что погиб в пути
я от вражьих стрел,
Что в лесной глуши
сон сморил меня —
Недвижим лежу
у гнилого пня...

А вокруг толпа —
нечисть бесится,
Предо мной Яга —
смерти вестница.
Предлагает мне
дочь-красавицу.
Та вблизи стоит,
улыбается...
Но не верь ему,
не роняй кудрей.
Мне не надо той,
лишь к тебе скорей.
И пускай трубит
леший в логове.
Вновь спешу к тебе,
синеокая...

1968 г.

ПИЛИГРИМЫ

Жизнь по страницам
пока не итожа,
Воздух свободы
вдыхаю взахлеб.
Зрелость на юность
совсем не похожа,
Больше в обход,
чем вслепую, да в лоб.

Юность врубается
в тайны природы,
Рвется на поиск
космических трасс...
Мы же свое вдохновенье
находим
В звездных глубинах
задумчивых глаз.

Чтоб мы любили
и были любимы,
Чтобы душа
не остыла во мгле,
Взявшись за руки,
идут пилигримы,
Чары любви
разнося по Земле.

2002 г.

* * *

Порой мне даже недосуг
В сумятице шального дня
В твои глаза
на миг взглянуть,
Сказать, что я люблю тебя.
Волнуясь, снова попросить,
Как в первый раз,
твоей руки,
Слезинку грусти осушить
С твоей заплаканной щеки.

2000 г.

* * *

Скажи хоть слово, не молчи.
Мне не знаком язык молчанья.
Морзянкой сердца отстучи
Слова нелегкого признанья.

Приняв твой робкий позывной,
Я тут же на него отвечу.
И пусть любовь, как сад
весной,
От равнодушья нас излечит.

2005 г.

* * *

К сердцам стихами прикоснусь,
Пусть встрепенутся, пусть заплачут.
От чувств своих не отрекусь —
Я их до капельки растрачу.

С сердцами рифмой говорю,
Для них писались эти строки.
Я вам любовь свою дарю,
Чтоб меньше было одиноких.

Костры любви еще горят,
То притухая, то пылая.
Сердца друг с другом говорят,
За все безумства нас прощая.

Пусть трель выводят соловьи,
Пусть иволга по-вдовьи плачет.
Пока горят костры любви,
Все будет так, а не иначе.

2011 г.

* * *

Любовь гуляет по планете
С ромашкой в девичьих руках.
И кто ее в пути не встретит —
Заблудится один впотьмах.

Она сердца волнует в мае,
Рождаясь из туманных грез,
И в лютый холод согревает
Соцветьями далеких звезд.

О чувствах к женщине, к Отчизне
Душа поет, как в первый раз.
С любовью я прошел по жизни
И только с ней уйду от вас.

2006 г.

* * *

Я люблю!
Я люблю!
Об одном лишь жалею:
Вдруг кого обделю —
Долюбить не успею.

НЕ ГРУСТИ, ДОРОГАЯ

Романс

Не грусти, дорогая,
вчерашние беды прошли.
Как следы на песке,
унесло их волною.
Если ветер судьбы
нам готовит опасность вдали,
Ты не бойся, тебя
я собою прикрою.

Если вдруг разразится
над нами шальная гроза
И тревожная ночь
к нам в сердца постучится,
Я тебя обниму,
поцелуем закрою глаза
И скажу: «Дорогая,
тебе это снится».

Если выйдешь однажды
меня на дорогу встречать,
Ну а я не приду,
не подумай, что это измена.
Твое сердце тогда
непременно должно подсказать,
Где, в какой стороне,
Обессилев, упал я на землю.

1990 г.

СНОВА СЛЫШАТСЯ МНЕ

Романс

Снова слышатся мне
бубенцы на проезжей дороге,
И как будто во сне,
я к губам твоим юным приник.
И усатый ямщик,
разгоняя веселые дроги,
Озорно напевая,
усмешку ронял в воротник.

Рассекая туман
белой грудью, гривастые кони
Нас с тобою несли
на рысях в неизвестную даль.
И шальная любовь,
и за этой любовью в погоне
Мы познали и радость,
и разлуки познали печаль.

Где, влюбленные, мы
ароматные травы вдыхали,
И на бусы тебе
я полночные звезды дарил.
Снова будто во сне,
бубенцы нас в дорогу позвали,
И усатый ямщик
перед нами коней осадил.

1988 г.

НЕСПЕТЫЙ РОМАНС

Где гроздья рябин зажигают
закаты
И падает небо в озерную синь,
А осень рыдает над скорой
утратой,
И эта утрата горька, как полынь.

Листочек осины напомнит
разлуки,
Березка о прошлом всплакнет
под окном.
Рябиновый лист, что упал
в наши руки,
Любовью согреет наш дом.

На наших глазах отрумянилось
лето,
И запахи трав застоялись в стогах,
А годы, вспорхнув с загоревшихся
веток,
В осеннем тумане рассыпались
в прах.

Неспетый романс, растревожив
мне струны,
Меня провожает в закат...
Уходят мужчины дорогами гуннов,
Не зная, вернутся ль назад.



Еще зовут меня дороги

* * *

Комсомольское племя,
я с тобой до конца!
Пусть побудку играют
походные трубы.
Я в буденовке деда,
в штормовке отца,
Я в ревущем потоке
сегодняшних буден.
Мне знакомо горенье
стучащих сердец,
Потому что мое
до сих пор не остыло,
Ведь зажег его, с фронта
вернувшись, отец
Тем огнем, что пылает
на братских могилах.
Если так уж случится —
померкнут глаза
И чего-то не выскажут
сжатые губы,
Пусть прощальным оркестром
мне будет гроза,
А салютом пусть будут
походные трубы.

1978 г.

* * *

Обнявшись с жизнью мертвой хваткой,
Вдыхаю тающий рассвет.
Присесть бы где-нибудь с устатку,
Да времени на отдых нет.

Еще зовут меня дороги
И вечерами не до сна.
Хранит меня мой ангел строгий,
И будоражит кровь весна.

Еще не выплаканы слезы
И заражает чей-то смех.
В холодном пламени мимозы
Ждет часа мой последний грех.

Мне говорят: «Очнись — притопал.
Доспехи сдай — и на покой.
Дай зарасти таежным тропам,
Сошел со сцены твой герой».

В ответ я только усмехаюсь.
Жить по указке не хочу.
В январской проруби купаюсь
И что-то все строчу, строчу...

2008 г.

СТРАННИК

По пустырю,
совсем промокнув,
Где лишь полынь-трава
цветет,
В отрепье
тополь одинокий,
Как странник
с посохом, бредет.
И ветер рвет остервенело
С ветвей
последние листы.
Я вдруг представил,
как несмело
За странником шагаешь ты...

2002 г.

* * *

Пробили полночь древние часы,
Еще один закончен переход.
И след мой, не обсохший от росы,
Неторопливо озарил восход.

И я по-новому взглянул на мир,
Отбросив мысль, что близится
конец.
Спешу на SOS, что, разорвав эфир,
Никак не достучится до сердец.

Мне так понятен этот позывной!
Я знаю, что беда идет за ним,
Пусть это крик с пустынной
мостовой,
Чуть слышный стон из городских
руин.

Я верю, что кому-то помогу,
И мое сердце уже где-то там,
Готовое остановить беду,
От боли разорвавшись пополам.

1998 г.

* * *

Меня с детства влечет
Опьяняющий запах полыни.
Ее горький настой
Утоляет мне жажду в пути.
Закрываю глаза,
Чтоб не звал горизонт
Темно-синий...
Но вдыхаю полынь
И встаю, чтобы дальше идти.

1998 г.

* * *

Жизнь еще не прошла,
лишь вчера отзвенели ручьи,
Всколыхнули сознание
первые майские грозы.
И горячее сердце
по-прежнему громко стучит,
И мятежную память
тревожат ветра и морозы.
Жизнь еще не прошла,
только тверже становится шаг,
Только в силы свои
после яростной схватки поверил.
Лишь под натиском дум
всколыхнется порою душа,
И глаза потемнеют
от невосполнимой потери.

2003 г.

НЕПОСЕДА

Я знаю, в уголках души
Во мне живет еще мальчишка,
Тот, деревенский, из глуши,
Что бегал по селу вприпрыжку.

Я опытен, уже в годах,
Бывает, оступлюсь и ахну.
Ему еще неведом страх,
Жизнь для него лишь медом
пахнет.

Я не спешу, а он бежит.
Он на реке — я в теплой ванне.
Пою я песни для души,
А он до ночи их горланит.

Ночами я спокойно сплю,
Он до рассвета где-то бродит.
Я женщину одну люблю,
А он с девчонок глаз не сводит.

Мне грустно в глубине души,
Об этом думать я не смею,
Вдруг он однажды побежит,
А я угнаться не успею?

2000 г.

* * *

Я не хочу рубить с плеча
И подменять собою судей.
Пусть примирит страну ничья,
Пусть всех история рассудит.

Сменялась власть, менялись мы,
Ломали и ваяли снова.
Который раз бредем из тьмы
Через завалы к жизни новой.

Нет справедливости в толпе,
Права у злых и толстокожих,
А кто разжиться не успел,
Бредут с котомкой бездорожьем.

Как души нам свои спасти,
Чтоб дров не наломать сегодня?
Ведь где-то там, в конце пути,
Всех ждет суровый суд господний.

Вот заалел вдали восток,
И мы друг другу улыбнулись.
Слова любви сказал поэт
В ответ на свист летящей пули.

2008 г.

* * *

Уходящему тысячелетию
Я сегодня в любви признаюсь.
Та эпоха, что грянет с рассветом,
Позавидует прошлому пусть.

Позавидует огненным годам,
Что промчались над миром
стремглав,
В биографии многих народов
Судьбоносные главы вписав.

Пусть осмыслит его и оценит,
Ничего не черня, без прикрас,
И по нашим делам и свершеньям
Пусть рассудит сегодняшних нас.

1999 г.

* * *

Когда от смеха все вокруг
искрится,
И я смеюсь с толпой
на все лады,
И плачу,
видя плачущие лица, —
Нас единит
присутствие беды.

Спокойна речь, когда душа
спокойна,
И тишину заслушавшись,
молчим.
Мы риторы,
когда нам очень больно,
Когда в огне
неправедном горим.

2003 г.

* * *

Мне все равно, что скажут
про меня,
Я жизнь переиначивать не буду.
И в памяти все лучшее храня,
Я все плохое тоже не забуду.

Сижу у догоревшего огня,
Перо слова и рифмы заостряет.
И старый друг, не предавший
меня,
Со мною молча вечер коротает.

Он дров подбросил в гаснущий
костер
И ватник свой набросил мне
на плечи.
Я продолжаю с жизнью вечный
спор,
Но по ее счетам платить мне
нечем.

И вот уже без друга, без огня,
В кромешной мгле бреду почти
вслепую.
Передо мной большая полынья,
А я четверостишия рифмую.

2003 г.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Реальность или Зазеркалье,
Земная жизнь и мир иной,
Действительность
и виртуальность —
Всегда довлеют надо мной.

Живу в трехмерном измеренье,
Сжигая древо бытия,
А рядом бродят чьи-то тени,
И по ночам летаю я.

Где грань между двумя мирами
С ее контрольной полосой
И, может, с тайными ходами
Из Зазеркалья в мир земной?

А виртуальный мир экрана
Меня опять к себе зовет.
И я, не чувствуя обмана,
Сам проникаю в тайный ход.

И воспаленное сознанье
Диктует мне в который раз,
Что мы — пылинка
мирозданья,
Но опустеет мир без нас.

2003 г.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Ветер выморозил души,
Холодом давя с норд-оста.
И закладывает уши
Липкой похотью погоста.

Вяжет сон слова и мысли
Неизбежностью кончины,
Над сознанием зависли
Грозных матриц паутины.

Стоит привести в движенье
Временные стрелки-плицы,
Как прожорливою тенью
В горло вцепятся убийцы.

Ждать спасенья бесполезно
От поруганного мира,
И над краем черной бездны
Стонет раненая лира.

Посреди пустой дороги
Замер я в оцепененье,
И крадутся тихо ноги
Вслед за собственною тенью.

Память — словно после пьянки,
Никакого в ней просвета.
Отбивают время склянки
С затонувшего корвета.

2001 г.

* * *

Едва чадит мой камелек,
Спокойно догорая,
И я, поскольку вышел срок,
В дорогу собираюсь.

Возьму затертый рюкзачок,
Сложу в него припасы,
Легко закину за плечо
И поспешу на трассу.

В потоке мчащихся машин
Я затеряюсь вскоре.
А может, это юный сын
Спешит на встречу с морем.

2004 г.

ЧУДАК

Ты называешь ребячеством
Весь мой житейский уклад.
Знаешь, подобное качество
Всем чудакам в аккурат.

Не научившись серьезности,
Волны сгребаю веслом...
Мне бы чуть-чуть
осторожности
Перед последним броском.

Мне бы холодную голову,
Чтоб рассудительней быть.
Сердце, горячее смолоду,
Не суждено остудить.

2004 г.

РОЗА

Всего каких-то несколько минут
Год старый и год новый разделяют,
Но и они под стук сердец пройдут
И вместе со снежинками растают.

Пройдет еще один нелегкий год,
Его в мгновение спрессует время.
И завтра кто-то снова разожжет
В моем камине свежие поленья.

С утра начнутся новые дела,
Их жизнь опишет на своих
страницах.
А на окошке роза расцвела,
И сразу посветлели наши лица.

Быть может, этой вечной красоты
Сегодня всем как раз и не хватало.
Нам выжгли души яркие цветы,
А роза незамеченной стояла.

2003 г.

* * *

Пока живу —
надеюсь на удачу!
Пусть новый день
чудес мне не сулит,
Не отступлю,
от боли не заплачу,
Пока в душе
живой огонь горит.

Когда-нибудь,
уставший от погони,
Я вдруг пойму,
что фильм давно отснят.
Экспресс уйдет,
и на пустом перроне
Увидишь ты
забытого меня...

В глухой ночи,
запутанный метелью,
Ты незнакомца
встретишь у огня.
Не бойся,
подходи к нему смелее —
Нежданной встрече
буду счастлив я.

2005 г.

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Неизвестность томит и тревожит,
И душа ожиданья полна.
Неизвестность, как редкий
прохожий,
Это долгие ночи без сна.

Быть беде, а какой она будет
И какую мне боль принесет?
Может, новые чувства разбудит
Журавлей долгожданный полет.

Неизвестная встреча волнует,
Непонятная радость легка.
Неизвестность в любви очарует,
Как невинная прелесть цветка.

2005 г.

* * *

О, как прекрасно просто жить,
Вдыхая грудью воздух пьяный,
И на закате приходить
К крыльцу, заросшему бурьяном.

К знакомым с детства образам,
Что украшают красный угол,
И обратиться к небесам
За избавленьем от недугов.

Найти оборванную нить,
Изгнав ненужное сомненье,
Обиды старые простить,
Чтоб для себя найти прощенье.

2004 г.

* * *

Годы идут,
похищая одно за другим.
Смотришь, а жизнь
от тяжелых потерь
обнищала.
Память и ту
обесцветило ветром
седым,
Хоть возвращайся,
чтоб в муках
родиться сначала.

Что за печаль,
что за глупые мысли
в бреду?
Вспять повернуть
нашу жизнь никому
невозможно.

Поезд идет,
а ты прыгаешь вдруг
на ходу
Вниз головой
в каменистый откос
придорожный.

Нет, не хочу
я бессмысленно топать
назад.
Вон новый день
зародился полоской
рассвета.
Не потому ль
я сегодня особенно рад,
Что в суматохе
не сдал проездного
билета.

2006 г.

ПЕРЕКРЕСТОК

В пылу страстей
я проскочил дорогу.
Был кем-то сбит во тьме
дорожный знак.
Не потому ли
вместо тропки к Богу
Всю жизнь топтал
заезженный большак.

Но что-то там,
в душе моей, свербило.
Я понимал,
что где-то согрешил.
Душа к добру,
как и у всех, остыла,
А идол мой
не настоящим был.

Витиеват
рисунок на ладони.
Его прочесть
не каждому дано.
То мы бежим,
спасаясь от погони,
То заливаем
жар души вином.

Как отыскать
заветный перекресток?
Где лодку взять,
чтоб переплыть реку?
Прости, Господь,
ведь в жизни так непросто
Коней судьбы
оставить на ходу.

А может быть,
невелика потеря,
Если в ночи
бесследно пропаду?
Вдруг чей-то голос
за тяжелой дверью:
«Ты звал меня —
и я к тебе иду...»

2008 г.

* * *

Перегорел
и, может быть, остыл,
Как угли
полуночного костра.
А за спиной
до самого утра
Осенний ветер,
надрываясь, выл...

А за спиною — тьма,
хоть глаз коли,
Хоть закричись,
а помощь не придет.
Но вот рассвет
тропинку озарил
От ног моих
на самый небосвод.

Оставив у костра
ненужный груз,
Шагаю вверх,
шатаясь, как в бреду,
Без страха,
что однажды оступлюсь,
Ведь все равно
на землю упаду.

2004 г.

* * *

Что мне завтра постичь
предстоит?
Устою ль, не упав на колени?
На лицо и на плечи мои
Тихо падает снег очищенья.

Словно чей-то недремлющий
взгляд
Осветил мои грешные мысли.
А снежинки кружат и кружат
Надо мной из заоблачной выси.

Незнакомые женщины мне,
Проходя, подарили улыбки.
Упаси, очищающий снег,
От греха и от новой ошибки.

2006 г.

ВРЕМЯ

Время — странник седовласый,
Посланный на землю Богом,
Впереди шагая властно,
Отмеряет мне дорогу.

Шли по морю — мерил мили,
По проселкам — километры.
Вместе с ним мы исходили
Половину всей планеты.

То к рассвету, то к закату
Вслед за странником бездомным
Ухожу я безвозвратно
По дорогам незнакомым.

Задержаться б у палатки,
Встретить путников получше,
Но шагает без оглядки
Мой непрошеный попутчик.

Догоню, схвачу за плечи,
Постараюсь ноги спутать,
Чтоб не тратил так беспечно
На ходьбу мои минуты.

Но, храня порядок строго,
Вопреки моим хотеньям,
Отмеряет мне дорогу
Несговорчивое время.

2006 г.

СНЫ

Давно не сплю спокойно
по ночам,
Зарывшись головой
под одеяло,
Я в полудреме странствую
по снам,
Как будто жизнь мне путы
развязала.

Плетут сюжеты радужные
сны,
И я по ним, как на коне,
гарцую.
То растворюсь в объятиях
жены,
То незнакомку за углом целую.

Перипетии непрерывных снов
Меня бросают то в огонь,
то в воду.
Лишь новый день, круша
замки оков,
Мне дарит ощущение свободы.

2003 г.

ЗВЕЗДА

Затуманилась даль,
задымилась,
Словно где-то
пожары прошли.
Гонит ветер
тугие ветрила
К берегам
неизвестной земли.

Как страницы
зачитанной книги,
Я нелепую жизнь
пролистал.
И под занавес
чьей-то интриги
Вдруг забрел
на сверкающий бал.

И кружило меня,
и вертело,
Обжигало
касание рук.
А душа —
то стонала, то пела
От любви,
от потерь и разлук.

Я стихами
излечивал раны,
Не боясь
отторженья и зла.
А звезда,
прожигая туманы,
Все куда-то
звала и звала.

Обещая то ветер,
то встречи,
То ныряя
в крутую волну,
Зажигала
зеленые свечи
И манила туда,
в глубину.

И, как легкая тень
откровенья,
Сорвала мои мысли
с петель,
И умчалась
в упряжке оленьей,
Унося их
в шальную метель.

Вот и берег,
спасительный берег,
Где волна
лишь для виду ворчит.
А вокруг —
не объять, не измерить —
Бесконечная тундра
лежит...

Как огнем
полыхнуло из фляжки,
Словно ветер
обжег штормовой.
И опять
безо всякой отмашки
Разминулся
я с грозной судьбой.

2005 г.

* * *

Годы, сжавшись до точки,
Нас отметить успели,
Превращенные в строчки
И мазки акварели.

Кораблями уплыли
В неизвестные дали
И как тени застыли
У причалов печали...

И друзья улетели
Из гнездовий, как птицы,
Кто на юг, кто на север,
Кто вообще за границу.

Время давит на плечи
И сердца наши студит.
И обещанной встречи,
Вероятно, не будет...

2005 г.

* * *

Не сотвори себе кумира
Среди людей, среди богов.
Кумир — подобие вампира
Из прикладбищенских лесов.

Он как вожак собачьей стаи,
И ты служить ему готов.
Душа от счастья замирает
От ощущения оков.

Пленен и разум твой, и воля,
Ослеплены твои глаза.
И лишь в костер шагнув
без боли,
Вдруг осознаешь: так нельзя!

2004 г.

* * *

Живу, не глядя на часы,
Минут бегущих не считаю.
Холодной вечности гонцы,
Они неотвратимо тают...

Мириться с мыслью не хочу,
Пространство высветив
пытливо,
Что вслед за звездами лечу
Во тьму от эпицентра взрыва.

Страшит не сам такой полет
На сверхбольшие расстоянья,
Пугает мысль, что все умрет,
Застыв в глубинах мирозданья.

По сердцу мне другой расклад:
Вселенная — не разлетится...
Вернув галактики назад,
Она умрет, чтоб повториться.

2006 г.

* * *

Я стареть не хочу,
Не люблю ни усов, ни бородки.
Чем с болячками бегать
к врачу,
Мне бы женщину в юбке
короткой.

Я еще молодой,
Через край нерастраченной
силы.
Не с руки мне идти на покой,
Что-то есть в нем от мрачной
могилы.

Мне сейчас только жить.
Руки многое знают и могут,
И в ногах — молодецкая прыть,
Так и рвутся, как прежде,
в дорогу.

Я стареть не могу.
Пусть завидуют мне одногодки,
Я иду, нет, скорее бегу
На свидание к юной красотке.

2000 г.

* * *

Не хочу
я от жизни покоя,
Тишины
задохнувшихся комнат.
Новый день
пусть мне силы удвоит,
Свежим ветром
мой парус наполнит.

И сорвав
с якорей мои мысли,
Он закружит
их в бешеной пляске,
Вознеся
в поднебесные выси,
Перекрасит
их в новые краски.

2002 г.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАБЕГ

Владимиру Высоцкому

Я снова на старте —
мне выпал последний забег.
И, как тетива,
натянулись и время, и нервы.
Дистанцию эту
могу я пройти лучше всех,
Беда лишь в одном —
не хочу я сегодня
быть первым.

А там, вдалеке,
с горизонтом слились облака.
И что-то зловещее
видится в этом союзе.
Мне время диктует,
но я не готов для рывка,
И этот победный рывок
мне сегодня не нужен.

Ведь только вчера
я безудержно рвался вперед,
Срывая победы,
а с ними любовь и награды.
Последний рывок,
а на финише ждет эшафот,
И траурный марш
вместо шумных аккордов
эстрады.

2001 г.

СЧИТАЙТЕ ЗА СКАЗКУ

Брату Василию

Считайте за сказку,
что жил я на свете,
Что воздухом с вами
дышал я одним.
Родившись однажды
в июньском рассвете,
В сентябрьском закате
растаял, как дым.

Года пролетят,
словно быстрые кони,
Ровняя тропинки,
что я проторил.
И в нашей деревне
никто уж не вспомнит,
Что с вами когда-то
я тоже здесь жил.

Скажите мне, звезды,
поведай мне, ветер,
Ты, быстрая речка,
мне честно скажи:
Быть может, и правда,
не жил я на свете,
А жизнь мою кто-то,
как сказку, сложил?

1997 г.

* * *

Брату Виталию

Мой средний брат,
с тобой мы снова рядом.
Не верь словам,
что белый свет коптим.
Мы будем жить,
пока горячим взглядом
На женщину красивую глядим.

Нам не страшны
любые перегрузки.
И по душе нам
ветер штормовой.
Если деремся,
то всегда по-русски,
Ныряем в воду
только головой.

Одна нас мать
под сердцем согревала,
Одни нам песни
пела перед сном.
И вот теперь,
когда ее не стало,
Мы эти песни
с внуками поем.

О чем грустить —
свое мы отшагали,
И ничего,
что, чуточку устав,
Мы правду жизни
вовремя узнали,
С чужою болью
боль свою связав.

1999 г.

ГРААЛЬ

Ищут люди священный Грааль,
Чтоб в бессмертье познать
свое счастье.
Покоряя высоты и даль,
Дни сжигают на пламени
страсти.

Мне не надо побед над судьбой —
Всем победам предшествует
драка,
А Грааль пусть осушит слепой
И прозреет от вечного мрака.

2004 г.

* * *

Я с детства не люблю закаты,
Так холодна их красота.
И странная печаль утраты
Сквозит с вечернего холста.

Уходит день, прожитый нами,
И с ним в закат уходит год.
Года растопчутся веками,
Даря тысячелетьям ход.

Открыто радуясь рассветам,
Их краски людям я дарю.
Родившись утром звонким летом,
В закате вечером сгорю.

2002 г.

МГНОВЕНЬЯ

Соткан день
из множества мгновений:
Черно-белых,
радужно-цветных,
Сверенных
с моим сердцебиеньем
И спрессованных
в короткий стих.
Светлые мгновенья,
как улыбки,
Память
будет бережно хранить.
Горькие —
и беды, и ошибки —
Как бы ни хотелось,
не забыть.
Не хочу разгадывать
проблему,
Как мгновенья
в годы собрались,
Превратив стихи мои
в поэму,
Соль которой —
прожитая жизнь.

2001 г.

* * *

Когда в полнеба полыхнет закат,
Спасая от последнего туше,
Вдруг, оглянувшись с нежностью
назад,
Мы вспоминаем о своей душе.

А за спиной победы и грехи,
И гордый смех, и горький плач
навзрыд,
И проза жизни, сжатая в стихи,
И сердце, что о пройденном
скорбит.

Из заточенья вырвалась душа
И, словно птица, взмыла
к облакам.
И с высоты, в парении кружа,
Спустилась к золоченым куполам.

Пытаюсь я наперекор ветрам
Сегодня жить в согласии с душой.
И пусть она взлетает к куполам,
Не расставаясь никогда со мной.

2009 г.

СТРАНИЦЫ РАЗДУМИЙ

Близкая осень
сжигает полотна мои,
Все, что я сделал
за годы нелегких скитаний.
Руку мне дай,
из далекой весны позови,
Я отзовусь,
на страницах рассыплюсь
стихами.

Пальцы мои пробегут
по соцветиям нот,
Глухо, со стоном вздохнут
потускневшие струны.
И встрепенется душа,
и по-новому вдруг запоет,
Словно ожив
на страницах последних
раздумий.

Слышишь, родная,
тебя я, как прежде, люблю.
В реку забвения
канули прошлые лета.
Я отголоски
счастливых мгновений ловлю,
Что среди волн
разлетелись по белому свету.

Близкая осень
сжигает полотна мои,
Росными каплями падают
в вечность минуты.
Воспоминанья,
как парусные корабли,
Тихо плывут по бескрайнему
морю рассудка.

2001 г.

* * *

Вереницею тянут в закат,
Словно стаи, прошедшие дни…
Я кричу им: «Вернитесь назад!»
Но закат только ярче вдали.

«Как же так? Под весенний набат
К нам опять прилетели грачи.
Ты верни мои годы, закат!»
Но закат безнадежно молчит.

Видно, так испокон повелось:
Все приходит на круги своя.
Лишь упрямо мотает на ось
Год за годом планета Земля.

2004 г.

* * *

Не может в нашей жизни
каждый,
Переломив свою судьбу,
Вновь обрести себя однажды,
Чтоб заново вступить в борьбу.

Один под тяжестью не ропщет,
Идет, пока хватает сил.
Упавшего толпа затопчет
И скажет: «Он свое отжил».

Другой же — неприметен глазу,
А без оглядки рвется в бой,
Одерживая раз за разом
Победы над самим собой.

И если поздно или рано
Ему не миновать беды,
Он, словно зверь, зализет
раны
И возродится для борьбы.

2005 г.

* * *

Мы судим о своих делах
Кто с восхищеньем,
кто с надеждой,
А кто-то, усмиряя страх,
Пытается сменить одежды.

Хотим увидеть свой портрет,
Руками созданный при жизни.
Давно известно: веры нет
Словам друзей на шумной
тризне.

Они торжественно прочтут
Усопшему свои куплеты...
И, если бы не звон монеты,
Не знали б мы, что умер плут.

2007 г.

* * *

Все чаще нас уводит память
Кого в тайгу, кого в моря.
И ты опять шагаешь в пламя,
Уверенный, что все не зря.

Твою уверенность ковали
Отцы, ушедшие во тьму.
Она прочнее всякой стали
И служит сердцу одному.

Желтея, старятся страницы.
С годами их читать трудней.
Они как призрачные птицы,
Как клин далеких журавлей.

Они как северные зори,
Что зажигал в ночи рассвет.
Они — прибой большого моря,
Которого, по сути, нет.

Грохочет он в воспоминаньях,
Дробясь о риф береговой.
И каждый миг, что прожит мной,
Есть капля моего сознанья.

2004 г.

ПУСТОТА

Мы так боимся пустоты,
Подвластной лишь дневному
свету.
Она, в тиски зажав планету,
В глаза нам смотрит с высоты.

Мы ощущаем пустоту,
Когда в душе стихают бури,
И чувства лучшие уснули,
И мысль замерзла на лету.

Нас окружает пустота,
Когда друзей вокруг не станет,
Когда обида сердце ранит
И соловей вспорхнет с куста.

Как вечность тонет в пустоте,
Так, задыхаясь от удушья,
И жизнь, что бьется на листе,
Сгорает в нашем равнодушье.

2005 г.

* * *

Глаза у страха велики.
В сердцах рождается отвага.
Пугают слабого штыки,
Уверенность вселяет шпага.

Страх только с подлостью
на «ты»,
Ему не одолеть отвагу.
Трус прячет голову в кусты,
Девиз других: «Назад ни шагу».

В тайгу, в моря, за облака
Лишь смелый выберет дорогу.
Его надежная рука
Окажет слабому подмогу.

Совсем не прост к бесстрашью
путь,
Мощеный самомненьем ложным.
Поверь: в бессмертие шагнуть
Со страха просто невозможно.

2005 г.

* * *

А может быть, я жизнь свою
придумал,
Нарисовав картинки на песке,
А сам пронесся мимолетным
шумом
На быстрокрылом легком
ветерке.

А был ли я вообще на белом
свете,
Я завтра сам ответа вам не дам.
Все относительно: и жизнь,
и бремя смерти,
Огонь души и холод голограмм.

То покоряя высоту и дали,
То зарываясь в глубину Земли,
Мы достоверно так и не узнали,
Откуда сами в этот мир пришли.

2012 г.

МУДРОСТЬ

Мудростью прожитых лет
Наделены от природы.
Оберегая от бед,
Мудрость ведет нас
сквозь годы.

Кружится над головой
Мудрая черная птица.
Словно водой ключевой
Кладезь народный искрится.

Из мракобесья и тьмы
Путь пробивая к рассвету,
В поисках мудрости мы
Взгляд обращаем к Тибету.

Если мы будем любить,
Сделаем мир наш добрее,
Будем в согласии жить —
Значит, мы стали мудрее.

2004 г.

* * *

Вселенский разум
и другая жизнь
На миг мне показались
не реальны.
Тревожно билась
загнанная мысль
В галактиках,
не видных визуально.

На трассах
межпланетных кораблей,
Там не летавших никогда,
похоже,
Найти подобную себе
не может,
И к нам на Землю
не вернуться ей.

Пока из дальних
сумрачных глубин
Она примчит к системе,
где родилась,
То не найдет
ни голубой Земли,
Ни мозга,
где она когда-то билась.

1978 г.

ЧАСЫ

Я уронил нечаянно часы,
И время для меня
остановилось...
Беззлобно выли
где-то в небе псы,
И ветер
чьи-то раздувал ветрила.

Казалось, жизнь я бросил
на весы.
Нет ни стекла,
ни утонченных стрелок.
Но, к удивленью,
тикали часы,
Не прекращая
начатого дела.

Очнись, дружище,
что же ты не рад,
На циферблат
уставился устало?
Смотри,
ведь даже сердце невпопад
В твоей груди
внезапно застучало.

Своей судьбе
мы доверяем нить
До самого последнего
мгновенья.
Ну а часы —
всего лишь механизм
Для сверки
своего сердцебиенья.

2008 г.

* * *

Как через поле минное
Шагаю напрямик.
Горю в кострах рябиновых,
Не сдерживая крик.

Нет страха от опасности,
Когда иду ко дну,
Лишь ощущенье сладости
От мысли, что тону.

Искать пути спасения
Сегодня не готов.
Отбросив все сомнения,
Спешу на чей-то зов.

2010 г.

* * *

Как прекрасно бродить по лугам,
Раздвигая руками траву,
Прикасаться глазами к цветам,
Говорить им: «Я вас не сорву».

Как заманчиво взмыть над землей
И с восторгом обнять синеву,
А потом закричать: «Я не твой!» —
И в беспамятстве рухнуть в траву.

Убежать бы в далекий рассвет,
Обуздав временные пути...
Только сердце бунтует в ответ:
От судьбы никуда не уйти.

Никогда от врагов не беги,
Помоги, если трудно, друзьям.
Рвут пехотные мины шаги,
разметая кирзу по камням.

Чье лицо опалило огнем?
Кто подкошенный в пепел упал?
Это друг — мы шагали вдвоем,
Только я на полшага отстал.

2007 г.

* * *

По перламутру облаков
Скользит спасительный ковчег.
В нем ангел из далеких снов
С крылами белыми, как снег.

И я не знаю, как мне быть,
Принять ли в дар спасение,
Судить себя или простить
За дни без вдохновения.

За дни, прожитые никак,
Без окрыляющей строки,
За чувства, сжатые в кулак
Так и не поднятой руки.

А в душу просится печаль.
По облакам ковчег скользит.
Он быстро уплывает вдаль,
Лишь белый снег кружит,
кружит.

2015 г.

КОВЧЕГ

Остывшая земля еще жива
В объятьях
ослепительного снега.
А лепестки,
что ветер не сорвал,
Подняли парус
Ноева ковчега.

Он заскользил
по снежной белизне
Куда-то вдаль,
к подножью Арарата.
И лишь сегодня
стало ясно мне:
Ковчег спасенья
не вернуть обратно.

2003 г.

* * *

Еще хоть шаг по стоптанной земле,
Знакомых рук горячее пожатье.
Как вспыхнувший огонь
в кромешной мгле —
Твой голос средь оваций
и проклятий.

Но не на слабый, судорожный
вздох
Хочу продлить свое существованье,
Чтоб так пройти я эти метры мог,
Как шел тогда на первое свиданье.

2001 г.

* * *

В родные края
возвращаются птицы.
Ушедшие годы
назад не вернуть.
И память
стирает знакомые лица,
И боль по ночам
не дает нам уснуть.
Когда же успели
свое отшагать мы,
Когда отлюбили,
когда отцвели?
Тяжелая ноша
разлук и проклятий
Сгибает нам спину
до самой земли.
Под тяжестью этой
осунулись плечи,
И только в глазах твоих
прежний огонь.
Я знаю, близка та разлука
без встречи,
И крепче сжимаю в ладони
ладонь.

* * *

Унеслись куда-то
облака-ветрила,
В золотом закате
солнышко разбилось.
Рысака гнедого
погоняет вечер,
И звенят подковы
по дороге млечной.

Над планетой вечность
распластала крылья.
Время раны лечит,
присыпая пылью.
За семью морями
затерялись годы.
Правит парусами
ветерок свободы.

2008 г.

* * *

Весна — взбудоражит,
Июнь — успокоит.
А осень подскажет,
Как силы удвоить.

Весенние страсти
Улягутся летом.
Беда и напасти
Растают с рассветом.

2004 г.

* * *

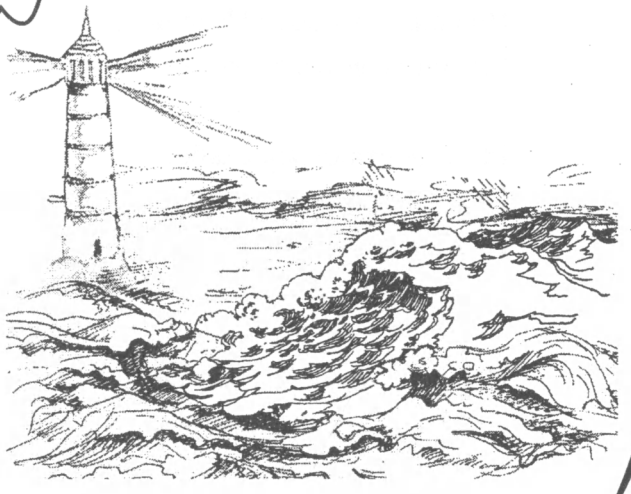
Уже для того,
чтоб глаза распахнуть,
На мир взглянув,
удивиться,
Только для этого
стоит рискнуть —
Однажды на свет
родиться.

2002 г.

* * *

А без меня
все стихнет вмиг.
И мир внезапно
опустеет.
Иссякнет
голубой родник.
И даже небо
потускнеет.

2011 г.



Верит в Россию влюбленный поэт

ДЕВЯНОСТЫЕ

Девяностые-лихие.
Дуют ветры перемен.
Волчьи стаи рвут Россию,
Не давая встать с колен.

Нет, не стали мы слабее
И могли держать удар.
Властный голос ад взлелеял,
Превратив страну в базар.

Верю в скорое прозренье,
В наш выносливый народ.
И на Русь не разоренье,
Созидание придет.

2000 г.

* * *

Пылает над Родиной
новый пожар.
И не слышат сердца
вечевого набата.
Оказалась страшней,
чем ракетный удар,
Жажда власти и денег
в союзе с развратом.
Оказался губительным
ветер чужой.
Он внезапно рванул
ослабевшие снасти
И погнал наш корабль
под восторженный вой
В ненасытное пекло
бушующей страсти.
Мы идем,
за собою сжигая мосты,
Разрушая на нет
возведенный фундамент.
Среди белых ромашек
одни лишь кресты
Вереницею тянутся
следом за нами.

1992 г.

МОЙ ПОСЕЛОК

Еще недавно мой поселок
Был оживлен, с годами рос.
Гарантом был для новоселов
Большой сибирский леспромхоз.

Весной тонул в цвету черемух,
Зимою кутался в снегу.
И мужики в штанах стеженых
С рассветом ехали в тайгу.

Дрожали вековые ели
И под напором бензопил
Со стоном падали на землю,
И трактор в штабель их свозил.

И в снегопады, и в морозы,
Словно ракеты на парад,
Хлысты тащили лесовозы
Из лесосек на нижний склад.

Как в доброй сказке, жили люди,
Трудились дружно, с огоньком,
И, в праздник превращая будни,
Несли достаток в каждый дом.

Еще вчера все так и было,
А новый день — как страшный сон,
Пейзаж художника-мазилы,
Где свет-конец изображен.

Развалины. На них резвится
Сегодняшняя детвора.
А я спешу запомнить лица
Те, из прекрасного вчера.

2000 г.

* * *

Горе-лихо прокатилось
По родной земле.
Помаячило и скрылось,
Как крымчак в седле.

Шквал насилья и разруха
Пронеслись вослед.
Бьет по перепонкам глухо
Эхо новых бед.

И отравленные стрелы
Наши рвут ряды.
Только нет сегодня дела
До чужой беды.

И уходим мы до срока
И в расцвете лет.
Нам бы всем к своим
истокам,
Да потерян след.

В гаревом дыму пожарищ
Мчится конь гнедой...
Там в степи упал
товарищ —
Очередь за мной.

2004 г.

НАШЕСТВИЕ

Все так же ясен горизонт,
Как много-много лет назад.
Набрав немыслимый разгон,
Дорога врезалась в закат.

А вечер, словно конь гнедой,
Вбивает в пыль свои следы.
И чудятся в дали степной
Огни кочующей орды.

Недобрым вестником в ночи
Доносит ветер храп коней.
И кто-то снова ждет ключи
От русских каменных кремлей.

Кому-то Родина — Кавказ,
А для кого-то дом — везде.
Но среди всех — все меньше нас.
Мы растворяемся в орде...

А кто-то даже очень рад,
Что так легло нам на роду:
Как много-много лет назад,
Русь на себя берет орду.

2005 г.

ВЫБОР

Выбор сделан, намечены цели,
И народ подготовлен сполна.
Распахнулись тяжелые двери —
К новой жизни шагнула страна.

Закипели ожившие страсти
В глубине распаленной толпы.
Кто за хвост ухватил свое
счастье,
Кто попал под удары копыт.

Обагрилась стерня луговая
От обилия крови людской.
И Россия от края до края
Зарастает бурьяном-травой.

Исчезают местечки и села,
Растворяясь в объятиях тьмы.
Умирает родной мой поселок
Под ударом жестокой судьбы...

Завалил непригодным товаром
Все прилавки соседний Китай.
А Россия гуляет по барам,
Превращенная западом в «рай».

Сколько ждать ей еще
потрясений,
Где терпенье и силы найти,
Чтоб совсем не упасть на колени
На ухабистом этом пути?

Пусть фанфары, Господь,
не заглушат
Скорбный зов, обращенный
к тебе.
Не позволь нам растлить
свои души
На бушующем адском огне.

2002 г.

* * *

Идем, подошвами пыля.
Я вдруг услышал среди гула,
Под нами вскрикнула Земля
И, как от боли, содрогнулась.

Зачем в пыли расцвел цветок?
Кто бросил красоту под ноги?
А может, это снова Бог
Пытается спасти убогих?

Пустуют села и поля,
К нам пустота в сердца крадется.
Цветок звенит: «Спаси меня!»,
А мне сорвать его придется.

2008 г.

* * *

Тишина пришла в поселок,
Что построен был отцами.
Затерялся смех веселый
За пузатыми холмами.

Не грохочут лесовозы,
Заросли травой опушки.
На плакучие березы
Вдовьи слезы льют кукушки.

Чудом выжив, пес дворовый
Вырыл логово в бурьяне,
Одинокая корова
Прячет голову в тумане.

Разбежались с перепугу
Уцелевшие избушки.
Носят новости по кругу
Поселковые старушки.

Может быть, настанет время,
Оживет родной поселок.
Я сегодня рядом с теми,
Для кого он мил и дорог.

2010 г.

* * *

Что я вижу на родной сторонке?
Вот деревня, и она пуста.
Только ветер свищет мне
вдогонку,
Воробьев пугая по кустам.

Вижу, что не скошены покосы,
Загустели травы на лугах.
И, как раньше, не сверкают росы
По утрам на девичьих ногах.

У могилы сгорбились старушки,
Свежий холмик засыпает лист.
Умер тот, кто строил их
избушки, —
Дед Иван, плясун и гармонист.

Это он, придя с войны когда-то,
Молодой, красивый, удалой,
До конца считал себя солдатом,
Оставаясь на передовой...

И его подруги и невесты,
Пережив любимых и мужей,
Берегут насиженное место
И людскую память для детей.

2005 г.

* * *

Штурмуем сегодня любые высоты,
Любые глубины, крушим микромир.
А жизнь непростая —
от слез до икоты,
Бывает, нет денег на платный
сортир.

А просятся руки — бросай
мегаполис,
Подайся в село, где с землею
на «ты»,
А что до удобства — так вот оно,
поле,
А в поле найдешь сорняки и кусты.

К весне приобулись, в зиме
приоделись,
Сажаем картошку, разводим свиней.
Вот жаль только песни,
которые пели,
Все реже и реже волнуют людей.

Вот так и живем, обделенные раем,
Кто в светлых хоромах,
а кто на земле.
Мы Родину любим, о счастье
мечтаем
И теплом сортире в продрогшем
селе.

2000 г.

НИЩЕНКА

— Дядя, подай мне
на булочку хлеба, —
Услышал я за спиной.
Невинное чудо
на ножках-стеблях
Застыло передо мной.

— Ты что же одна,
без папы и мамы? —
Спросил я, глотая ком.
— Нет, дядя, я Пашки
сестра родная.
Мы с ним завсегда
вдвоем.

Он тоже сегодня
еще не кушал,
Голодный пойдет домой.
Вы, дядь, потише,
чтоб он не слышал,
Он гордый, братишка мой.

У стенки ларька,
от сестры поодаль,
Стоял ее гордый брат.
Не булочку хлеба —
я все бы отдал,
Чтоб Пашка не прятал
взгляд.

2000 г.

МИЛОСЕРДИЕ

Творите добрые дела.
Пусть не покажется
банальным
Призыв мой к вам, увы,
печально,
Что на Земле так много зла.

Когда не отвратить беду,
Когда от пуль страдают дети
И где-то голод на планете —
От вас я милосердья жду.

Мы разучились отдавать
И врачевать людские раны.
И умирают ветераны,
И нам труднее засыпать.

Творите добрые дела
За просто так, за ради слова.
Ведь милосердие не ново,
Его нам мать в крови дала.

Творите добрые дела —
И рядом будет меньше зла.

2001 г.

* * *

Когда грустит
страдалица одна,
От этой грусти
даже лед растает.
Когда в печали
целая страна,
Печали той
никто не замечает.

Красноречива
малая печаль.
Она кричит,
готова мир заполнить.
Великая
народная печаль —
Она незрима
и порой безмолвна.

2005 г.

КРУШЕНИЕ

Пьяною походкою
Без любви, без радости
Жизнь его короткая
Доплелась до старости.

Никому не нужная,
Скучная, голодная,
Корка хлеба к ужину
Да изба холодная.

Ведь за все заплачено,
По мечте задумано,
Но любовь утрачена
С порванными струнами.

Чувства — обесценены.
Радость — разворована.
Отцвела до времени
Голова садовая.

2004 г.

* * *

Когда на собственных
просчетах
Учиться жизни перестанем,
Исход бессмысленной работы
Лишь от глупцов хранится
в тайне.

Закинув в море рваный невод,
Они напрасно тратят силы.
И за ошибки всех, кто слева,
Сажают правые на вилы.

Неужто мы умней не стали,
Забыли о мужицкой сметке?
Сидим в большой дырявой
лодке
И неводом ошибки тралим.

2005 г.

ОТЧАЯНИЕ

Отчаяние
захватывает в плен.
И ты невольно
опускаешь руки.
Когда рассвет
не сулит перемен,
Кругом лишь зло,
тревоги и разлуки.

Отчаянием
охвачена душа,
Когда внезапно
загоняют в угол.
Когда в твоих карманах
ни гроша
И рядом вдруг
не оказалось друга.

В отчаянии
спускается курок,
И чья-то жизнь
взрывается на части.
В отчаянии
подводится итог
Бесчестия, предательства
и страсти.

Отчаяние
любовь сшибает с ног.
Слова и чувства
бьют куда-то мимо.
И лишь поэт,
пусть даже между строк,
В своей любви
признается любимой.

2005 г.

* * *

Беда приходит как-то вдруг,
Без стука открывает двери.
Ее не трогает испуг,
Чужим слезам она не верит.

Беда приходит не одна.
За ссорой тянется разлука.
И ночи долгие без сна
Лишь обостряют наши муки.

Но беды все-таки пройдут.
Разлуку скрасит чья-то
встреча,
Больной излечит свой недуг,
А мертвый обуздает вечность.

2004 г.

* * *

Первопричина
грозных бед
Сокрыта в человеке.
Ушли,
оставив вечный след,
И майя, и ацтеки.
И сфинкса,
что веками спит,
Закованный в граните,
На страже
древних пирамид
Оставил нам Египет.
А что построим
внукам мы?
Какой зажжем
светильник?
Храм,
что избавит их от тьмы,
Иль ядерный могильник?

2005 г.

* * *

С крупинкой соли
все стихи мои.
Они резки,
как хлесткие ветрила.
Слова и мысли в них,
как корабли,
Которые
волною просолило.

Пульсирует в них
режущая боль
За оскорбленных,
сирых и бездомных.
В них вера,
как спасительный пароль,
Бросается
в разъяренные волны.

В них радость
от волнующих побед
И гордость,
утомленная печалью.
В них мой вопрос,
а может быть, ответ
На беспредел
сегодняшних реалий.

2005 г.

* * *

Крепко вклинившись в века —
оглянись...
Задержалась на пока
наша жизнь.
В мир неоновых витрин
всякий вхож,
Только кто-то — господин,
кто-то — бомж.
Добродетелям людским
всякий рад,
Но пороков едкий дым
манит в ад.
Покаяния от нас
ждет Господь,
Только крепко в сердце вбит
ржавый гвоздь.
Обещаю песни вам
завтра спеть,
Но упрямо по пятам
бродит смерть.
Не скулит и не ревет
в громкий рог,
Но однажды подойдет,
видит Бог.

2005 г.

* * *

На исповедь зовет Господь,
А мы ему не отвечаем.
В разврате усмиряя плоть,
Грехов своих не замечаем.

Мы молимся чужим богам,
Забыв о заповедях божьих.
Ничем не прикрывая срам,
За доллары меняем кожу.

Идем по жизни напролом,
Круша порядки и устои,
И оскверняют общий дом
Те, кто прощенья не достоин.

Ужель исчезнет человек,
Не остудив свой пыл
смиреньем,
И мрак вселенского забвенья
Поглотит двадцать первый
век?

* * *

Опасенья
за судьбы людские
Будят страхи
за завтра страны.
Не хотел бы
я видеть Россию
Осужденной
без всякой вины.

Так бывало
с Россией и прежде.
Мы друг друга
рубили с плеча.
Но в сердцах
оставалась надежда,
Что она устоит
от меча.

Нам бы, грешным,
в окопы вернуться,
Чтобы раненых там
не забыть.
Нам бы всем
на себя оглянуться,
Чтоб понять,
как сегодня нам жить.

2005 г.

* * *

В круги своя все снова
возвращается,
Не перервать
связующую нить.
И будущее
с прошлым вдруг встречается,
И нам с тобою
с этим прошлым жить.

Не отрекайся от своей
истории.
Она отцами писана
для нас.
И сколько б мы над истиной
не спорили,
Мы к прошлому
воротимся не раз.

Салютами
и праздничными маршами
Озвучена история
страны.
И нам, живым,
в одной шеренге с павшими
Стоять в анналах
грозной старины.

2005 г.

* * *

Пройдены морем
зубастые мили,
Обувь истерта
о версты дорог.
Сколько друзей мы своих
схоронили,
Тех, кто дороги
осилить не смог!

Пообносившись до дыр
и мозолей,
Не подсчитав синяков
и потерь,
Челюсти стиснув
от режущей боли,
С новой надеждой
выходим за дверь.

Мы поспешаем к знакомым
вокзалам
И, покупая билет
в поезда,
Видим, что рядом
кого-то не стало,
Чью-то надежду
скрутили года.

Не переждать ли волнение
дома,
Душу согреют коньяк
и камин.
Боже, а кто это там
незнакомый
С бурей схватился
один на один.

2005 г.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Не дать себя опять согнуть,
Поднявшись во весь рост
с колен,
Когда стучится громко в грудь
Суровый ветер перемен.

Когда на небе ни звезды
И вдалеке маяк погас,
Людского равнодушья льды
Со всех сторон сковали нас.

Дрейфуя в полной темноте,
Мы терпеливо ждем рассвет...
Огонь надежды на листе
Зажечь пытается поэт.

2004 г.

В ЕДИНОМ СТРОЮ

На время оставив свою высоту
Под натиском мощной атаки,
Забыли мы вдруг свой язык
и мечту,
Опять заблудились во мраке.

И сникла любовь, и духовность
ушла,
Мы души свои распродали.
На чуждый манер строим жизнь
и дела,
Почти европейцами стали.

Кто ранен в бою, кто потерянный
сник
Под громкие звуки оваций.
А чтоб к высоте рубануть
напрямик,
Для этого надо подняться.

И книга — оружие в этом бою,
От мрака спасет человека.
С российской культурой
в едином строю
Сражается библиотека.

2001 г.

* * *

Мое Отечество, прости
Нас, сыновей твоих заблудших,
Что захотели в рай пути
Найти достойнее и лучше.

Поверив в завтрашний успех,
Мы, как послушные солдаты,
В вожди благословили тех,
Кто не достоин был мандата.

Они историю твою
Облили клеветой и грязью,
Отечество мое — Союз
Крушили, заходясь в экстазе.

Низвергнуты и герб, и флаг
Под наше общее молчанье.
Вождям досталось море благ,
Народу — жизнь на подаянье.

Ограбленный российский люд,
Полуголодный, беспризорный,
На пайку, что тебе дают,
Живешь и давишься позором.

2000 г.

* * *

Предчувствием грозы полна
душа,
И сердце затаилось виновато.
С востока ночь крадется
не спеша,
И день сгорает на костре заката.

В обманчивом томленье тишины
Все сжалось до безумного
предела.
В сознанье мысль отчаянно
пропела,
Ослабив натяжение струны.

Где грянет гром, в душе
иль наяву?
Какие ждать удары и потери?
Глотают тучи в небе синеву,
А я с надеждой открываю двери.

2010 г.

ЛЮБОВЬ

Не хочу я писать о мрачном,
Если рядом и так все серо.
И душа захлебнулась плачем,
Как щитом заслоняясь верой.

Расплескалось бескрайним морем
Человеческое бессилье,
И соленые волны горя
Подгоняет разгул насилья.

Беспросветная ночь глумится,
Захлестнув наш баркас надежды.
Лишь любовь белокрылой птицей
Распласталась в дали безбрежной.

Что ей пляска надменной бури
И бессилие волн соленых?
Ей парить высоко в лазури,
Отражаясь в глазах бездонных.

2004 г.

ПРОШЕДШИЙ 2006 ГОД

Прошел лишь год,
а сколько новых дел
И начинаний
для страны великой!
И все, о чем мечтал,
чего хотел,
Прорвалось вдруг
из суеты безликой.
Душа запела —
может, началось?!
Наш гордый ум
очнулся от гипноза?
А может, в нас
терпенье взорвалось —
Топтаться
у застрявшего обоза?
И снова дует
ветер перемен.
Не разрушитель,
что ворвался прежде,
А свежий ветер,
что поднял с колен
И подарил нам
веру и надежду.

2006 г.

КОНИ

Я вам тайны не открою:
Наш союз с конями вечен,
Что несли своих героев
В воду, в пламя и на сечу.

Длинный путь от века к веку
Кони были рядом с нами
И служили человеку,
Прикипев к нему сердцами.

Но сердца людей остыли,
И влюбили их в машины.
Мы коней своих забыли
На обочинах рутины.

И когда вдали их вижу,
Замираю в умиленье.
У гнедых, каурых, рыжих
Каждый раз прошу прощенья.

Выбегаю торопливо —
Летний день томится в звоне...
Словно призрачное диво,
По дороге мчатся кони.

В легком сказочном полете,
Словно птицы неземные,
Растворились в повороте
Чудо-призраки гнедые.

Отстучали дробь копыта
Мимо сада, мимо окон,
Вдруг напомнив о забытом,
О несбыточно-далеком.

Только день глаза прикроет
И в траву росу уронит,
За околицу в ночное
Табуном спешили кони.

Крупным планом той картины
В табуне, что всплыл из дали,
Выделялся конь былинный —
Мы его Семеном звали.

Был велик он, даже грозен,
На кровях замешан славных.
И в сибирском леспромхозе
Не было Семену равных.

Хлыст огромный,
в два обхвата,
Брал он с места без надрыва
И тащил на эстакаду,
Потрясая черной гривой.

Так трудился год за годом
Богатырский конь раскосый
То на вспашке огородов,
То в лесу, то на покосе.

На закате вел в ночное
За собой табун послушный
И последним с водопоя
Заходил в свою конюшню.

А в тяжелую годину
Кони стали не при деле.
И Семен куда-то сгинул,
След завьюжили метели.

Время лечит наши души,
Усмиряя боль и ропот.
А сегодня я услышал
За окном знакомый топот.

И увидел — мчатся кони,
Вслед за ними жеребенок.
Это он мне вдруг напомнил
Богатырского Семена.

2006 г.

БУЛЬДОЗЕР

Сижу за книгою и вижу:
Зима лютует за окном...
Вдруг слышу рокот —
ближе, ближе,
И вся посуда ходуном.

Землетрясение? Откуда?
Спокоен мой пушистый кот.
А громыхающее чудо
Вот-вот домишко разнесет.

Не помышляя об угрозе,
К оконцу прислоняю лоб.
Глядь — по дороге
прет бульдозер,
Стальным ножом круша
сугроб.

2004 г.

ПЕСНЯ О КУЗЕЛЕ

Здесь, над Кузелем, зорьки ранние
Зарумянились в облаках.
Дом родительский на окраине
Часто вижу я в своих снах.

Милая сторонка — избы да избенки,
Вся в цветах черемух
и кострах рябин.
Уголок России, нет тебя красивей.
Как отцам когда-то, стал ты нам
родным.

Неспроста зовут кузелянами
Всех, кто строил наш леспромхоз,
Кто будил рассвет и с туманами
Уводил в тайгу лесовоз.

Милая сторонка — избы да избенки,
От крыльца к крылечку тропочки
ведут.
Ты живешь у школы, он живет
за речкой,
Я из дома вижу поселковый пруд.

Здесь жарки цветут на поляночках
И белым-бело от снегов.
Только здесь живут кузеляночки,
Что свели с ума мужиков.

Милая сторонка — избы да избенки,
Вся в цветах черемух
и кострах рябин.
Ветерок резвится с подолом
девчонки,
Что меня любила, а ушла с другим.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Зачем мы играем красивую роль
И тешим друг друга мечтами?
Я в жизни не Грей,
да и ты не Ассоль,
Мой парус потрепан штормами.

Сюжет нашей встречи банален
и прост,
В нем стрелы Амура —
реальность.
Сплетением рук — перекинутый
мост,
А все остальное — случайность.

Когда я любимой тебя называл,
Ты с грустью смеялась над этим.
Твой Грей безнадежно к тебе
опоздал,
И Грин перепутал сюжеты.

А ночь зажигает на небе звезду,
И близится час полнолунья,
А я, сумасшедший,
опять тебя жду,
Чтоб вновь насладиться
безумьем.

ШКОЛЬНЫЕ АЛЛЕИ

Позабыты
даже шутки-приколы,
Прозвенел наш последний звонок.
И глядят с восхищеньем
первачи нашей школы,
Как идет выпускник на урок.

Мамы-мамы,
ваши дети взрослеют,
Вам немножко тревожно сейчас.
И по школьным аллеям,
тополиным аллеям
Вы в дорогу проводите нас.

Папы-папы,
вы сильней всех на свете,
Только что там за дымка в глазах?
Это, видимо, ветер,
растревожив аллеи,
Отозвался в отцовских сердцах.

До свидания,
любимый учитель,
Вы нас жить научили на пять.
И на школьных аллеях
вы нам вслед помашите —
Мы уходим рассветы встречать.

2007 г.



Тропой забытого преданья

(поэмы)

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Поэма

Поселок мой на главной магистрали,
Рукой подать до узловой Тайги.
В Гражданскую здесь пушки грохотали,
Когда он делал первые шаги.

На трех буграх, охваченных логами,
К своей земле домами он прирос.
На весь Кузбасс известен был делами
Передовой сибирский леспромхоз.

Узкоколейка, старые лежневки
От магистрали убегают в лес.
Березы, пихты, сумрачные елки
Сплошной стеной затмили весь окрест.

И лишь с весной в черемуховой шали
Суровый оживляется пейзаж,
Да иван-чай, кочующий по гарям,
Дымится, как сиреневый мираж.

За летом осень яркой акварелью
Рисует разноцветные холсты.
И наши предки просто не сумели
Лишить себя подобной красоты.

Еще в начале прошлого столетья
Здесь для депо готовили дрова.
И падали, обламывая ветви,
На землю великаны-дерева.

Дальнейший ход истории известен:
Когда с депо простился паровоз,
Уже в поселке, на обжитом месте,
Образовался первый леспромхоз.

С войны вернулись бравые солдаты,
И наш поселок загудел, как рой.
После боев и праздничных парадов
Они пошли на подвиг трудовой.

И павшие в народе не забыты,
Их имена на памятнике в ряд,
Цветами поселковыми расшиты,
Под солнцем малой Родины горят.

С рассветом уезжали лесорубы
На лесосеки в дальние леса,
А вечером кино смотрели в клубе,
Забыв про все на полтора часа.

А после фильма танцы до упада,
Пусть под баян, не классно, как сейчас.
Звучали нескончаемым каскадом
Фокстрот, и танго, и, конечно, вальс.

Пора бы спать, а улицы не спали,
Над лесом вечер брови изогнул.
Сердца людские радостно стучали,
И этот стук вливался в общий гул.

О невозвратном плакала гармошка,
И чей-то голос вторил ей о том,
Что заросли и стежки, и дорожки,
Где проходили милые вдвоем.

Страдания внезапно затихали,
Гармошка трелью рассыпалась вдруг,
Словно забыв недавние печали,
Парней и девок зазывала в круг.

Какие чудные летели годы!
Какие люди приходили в дом!
Случись беда — впрягались всем народом,
А коль гулять — гуляли с огоньком.

Сгорел однажды домик у соседа,
Слепой огонь подчистил все дотла.
Делились с погорельцами обедом,
Чем Бог послал от своего стола.

Когда же дом отстраивался новый,
Пришли на помощь, кто работать мог.
За день — и крыша, и фронтон тесовый,
И петушок уселся на конек.

До вечера перекликались пилы,
Кто топором стучал, кто молотком.
Перед крыльцом под вечер стол накрыли,
Вся улица была за тем столом.

Рекой лилась в стаканы самогонка,
Первач на совесть, жалит, как огонь.
А кто-то вдруг заламывал кепчонку
И восклицал: «А ну, давай гармонь!»

«Ивана в круг! — кричали все, — Ивана!
Пусть оторвет цыганочку стервец!»
Я с гордостью смотрел, как полупьяный
Выделывал коленца мой отец.

Мне детство босоногое не снится.
Нет связи с подсознаньем той поры.
Но память сберегла родные лица,
Портреты поселковой детворы.

Росли дома, осваивались дали,
Поселок к свету выбрался из тьмы.
В какие игры мы тогда играли!
В какие цели веровали мы!

Вступали в бой мальчишеские роты,
На деле не видавшие войны.
Мы брали неприступные высоты,
Идя в атаку, подтянув штаны.

Мы никогда друзей не предавали
И подставляли слабому плечо.
А повзрослев, взаправду воевали,
Мы и сегодня там, где горячо.

Такая вот нелегкая привычка
С мальчишеской досталась нам поры:
Делиться с другом и свинцом, и спичкой,
И защищать российские дворы.

Окончив школу, я уехал в город.
Мечту не удержали якоря...
С родным поселком встретился не скоро,
Пока служил и бороздил моря.

Фрегат мой шел, играя парусами,
Но к маяку стремятся корабли.
Так и меня, прожженного морями,
Всегда манил клочок родной земли.

Когда в стране назрели перемены
И паровоз наш рухнул под откос,
Прекрасный островок моей вселенной
Раздавлен был под тяжестью колес.

Еще живут в поселке лесорубы.
Я их по пальцам посчитать могу.
И, как вчера, никто уже не рубит
Дремучую сибирскую тайгу.

Продали за червонную монету
И леспромхоз, и землю, и людей.
И замолчал поющий на рассвете
В моем саду сибирский соловей.

Вместо цветов безликие руины
Застыли от внезапной немоты.
И только кран, как богатырь былинный,
Взирает на поселок с высоты.

Сначала тишина сменила грохот,
На праздник флаг не взвился на древке.
Он видел, как разрушилась эпоха
На этом населенном островке.

Замерз наш клуб, закрылись магазины,
Лишь в школе слабо тлеет огонек.
А вот и рухнул богатырь былинный,
Против дельцов он устоять не смог.

Давно затихла звонкая гармошка.
Все реже слышен голос детворы.
Под вечер скука стонет под окошком,
Вселяясь в опустевшие дворы...

И только в день Родительской субботы,
Что накануне Троицы святой,
Забросив все: и отдых, и работы,
Мы приезжаем, как всегда, домой.

Большие дети, маленькие внуки,
Кровинки тех, кого уж нет в живых,
Кромсая боль утраты и разлуки,
Мы вспоминаем о своих родных.

И мой поселок оживает снова
От голосов и шарканья колес...
И все спешат в знакомый лес сосновый,
Что вместе с нами за поселком рос,

Где в этот день на стареньком погосте
Увидеть можно близких и друзей.
Придем ли мы к тебе и завтра в гости,
Поселок шумной юности моей?

Как явь и сон рисую я картины
Вчерашнего и завтрашнего дня...
Но все равно мне дорог край малинный —
Израненная Родина моя.

Пусть кто-то скажет: выживает сильный,
Так и поселок отстоял свой век.
Но мы не в джунглях, мы живем в России,
Где должен быть счастливым человек.

* * *

Написанными были эти строки,
Когда народ вскричал от новых ран,
Услышав, что в Осетии далекой
Врагом расстрелян маленький Беслан.

Не знаю слов и образов крылатых,
Способных осудить такой кошмар.
Стреляют по России автоматы,
А мы не в силах отразить удар.

Вот и ответ тому, кто в запад верит,
Кто говорит: «Нет мира без войны».
Да, мы открыли занавес и двери,
Но в джунглях жить не научились мы.

Мой добрый век не знал, во что одеться,
И терема не красили дворы,
Но в наше время не стреляли в детство,
Свинцовым градом в спину детворы.

2004 г.

ПЛАМЯ НАД БОРОМ

Поэма

Дорогой маме
Анастасии Дмитриевой

1

Переосмыслить и пересмотреть
Все ценности пытаемся сегодня.
О чем мечтать, какие песни петь,
И тот ли флаг над головою поднят.

Уставшая под лозунги шагать,
Толпа проснулась, подавая голос,
Народ, и не пытавшийся роптать,
Глаза свои вдруг оторвал от пола.

И память оживила имена,
Которые и так мы не забыли.
И холмики, что затянул бурьян,
Вдруг превратились в братские
могилы.

Мы, как слепые, блудим в темноте,
Нащупав твердь, срываемся
в болото.
И на пути к несбыточной мечте
Своим потерям мы не знаем счета.

2

Мой прадед был в Сибири новосел,
Но на земле работал, как хозяин.
С Рязанщины далекой он привел
Свою родню на вольницу Алтая.

Красивое алтайское село
Народ Долганкой называл негромко.
Сосновый бор охватывал крылом
Поля в шелках березовых околков.

А среди бора голубым ковром
Привольно разлилось на всю долину
Большое озеро с прозрачным дном —
Его в народе нарекли Пустынным.

Когда семнадцатый нагрянул год,
Овеянный тревогой и насильем,
Сибирь еще не знала тех невзгод,
В какие ввергнута была Россия.

Уже к весне готовились поля,
Вдруг слух прошел по всем
алтайским селам:
В столице на исходе февраля
Царя Николку сбросили с престола.

Глухой набат летел под небосвод.
Как без царя?.. Заволновались
люди.
До вечера гудел крестьянский сход,
Друг друга за грудки таскали
«судьи».

И новой жизни заалел восход
Для мужиков без племени и роду.
И забурлил встревоженный народ,
Запачкав в кровь добытую свободу.

3

Я вспоминаю матери рассказ,
Как это все однажды начиналось.
Алтайский край. Деревня.
Буйство масс.
И зарево над бором разгоралось.

Собрался люд у церкви всем селом.
Глумясь над верой, колокол разбили.
И голову на чурке топором
Попу под бабьи слезы отрубили.

Все, что горело, — предали огню.
В костре иконам не было числа.
Одну из них я до сих пор храню,
Ее прабабушка моя спасла.

На ней по серебристым облакам
На колеснице золотой своей
То ли от нас, то ли на помощь к нам
Илья торопит бешеных коней.

Нет с нами тех, кто помнил этот день,
Кто опускал топор под чей-то стон.
И в большинстве алтайских деревень
Затих надолго колокольный звон.

4

Когда в Сибири запылал мятеж,
Повсюду снова начались расправы.
Разгон комбедов, перепашка меж,
Над старым бором занялись пожары.

К селу однажды подошел отряд.
Чтоб переждать нависшую угрозу,
Дед на телегу посадил ребят,
А бабка к бору погнала повозку.

И взглядом вороную проводив,
Он вытащил винтовку из-под стрехи.
А на околицу, дорогу взбив,
Уже въезжали рысью белочехи.

Уже дымился чей-то первый двор,
И женский крик пронесся по селенью.
Вдруг щелкнул выстрел — дед мой
бил в упор,
Внося в ряды карателей смятенье.

Когда же третий рухнул из седла,
Он, на ходу работая затвором,
Стал уходить к окраине села,
А там рукой подать до кромки бора.

Спасение негаданно пришло,
Вдруг белочехи бросились обратно.
Навстречу им в горящее село
Неслись на конях братья-Воронята.

Так партизанский небольшой отряд
По всей деревне называли люди.
Про подвиги Воронкиных ребят
Я матери рассказов не забуду.

5

Алтайский край. И снова то село,
Где прадед мой пустил свои коренья.
Туда, где мне родиться не пришлось,
Я память возвращаю на мгновенье.

Хотя и был мой дед середняком
И лучшим шорником на всю округу,
Убегом мать вошла в отцовский дом.
Смеялись все: «Иван привел прислугу».

В шестнадцать лет мать знала
сельский труд,
И свекру по душе пришлась девчонка.
Работала не покладая рук
Еще и песни распевала звонко.

А годы проходили чередой.
Алтай бурлил и летом, и в морозы.
И вновь село втянули в смертный бой,
Теперь уже за первые колхозы.

6

А сколько мы наворотили бед,
Когда начали схватку с кулаками.
Порой, пьянея от своих побед,
Свой дом обжитый разоряли сами.

Дымилась опустевшая земля.
Те, кто ее своим трудом взлелеял,
В Сибири заселяли лагеря,
Осваивали необжитый Север.

Я двадцать лет носил свой
партбилет,
Все признавая, но не все приемля.
И на один вопрос искал ответ:
Кто отнял у меня мою же землю?

Случилось так, что, все перепахав,
Все засадив и целину засеяв,
Мы брали хлеб у западных держав,
Из-за морей везли его в Россию.

Я много лет учил тому детей,
Что граф Столыпин был палач
народа,
А тот палач был автором идей,
Которые сегодня стали модны.

Мы видели кулачество как класс
И уничтожили его под корень,
В сумятице забыв в который раз,
Что истина должна рождаться
в споре.

Я знал немало опустевших сел
С остатками заброшенного поля,
Где сосланный крестьянин-новосел
Оставил след кровавый от мозолей.

7

Тридцатый год бросает нас назад.
Кругом разруха, нищета и голод.
В узлы пожитки бедные связав,
Мои родители попали в город.

Но там, среди казенной суеты,
Они, конечно, не могли прижиться.
И мне на эти чистые листы
Не переложить жизнь их
по страницам.

Но были дни — их надо помнить нам.
Отец скитался в поисках работы,
А мать с детьми за ним по деревням
Брела, ночуя в банях, подворотнях.

Кому побелит дом, отмоет пол,
И хлеб за труд брала, как дар
от неба.
А дети, уцепившись за подол,
Тянули руки к той краюхе хлеба.

Однажды приютил их старый дед
И в бане разрешил пожить до лета.
Делил на всех он скудный свой обед
И ничего не требовал за это.

Сейчас мне трудно даже осознать
Далеких лет немыслимых страданий.
Но с теплотой рассказывала мать
О той зимовке в закопченной бане.

8

А жизнь текла все той же чередой.
Отец нашел приличную работу,
Построил домик, небольшой, но свой,
И этим, видно, возмутил кого-то.

Однажды ночью постучали в дверь.
Он лишь успел поцеловать детишек.
А мать, лицом уткнувшись в колыбель,
По-бабьи причитала еле слышно.

Но, видно, так судьбой предрешено:
Отец вернулся на другой же вечер.
А мать, завесив шторкою окно,
Поставила перед иконой свечку.

А сколько не вернувшихся домой
Остались там, в неведомых застенках!
Все отработано: допрос, конвой,
Потом те несколько шагов до стенки.

И без вести пропавших имена
Еще пылятся до сих пор в архивах.
А на земле, невидимые нам,
Бугрятся безымянные могилы.

9

Но вот однажды началась война.
Отца теплушка увезла на Запад.
Пять долгих лет с детишками одна
Осваивала мать судьбу солдатки.

Чем накормить детей, во что одеть,
Ведь все они уже учились в школе.
Ждала, работала и продолжала петь,
Лишь иногда от слез срывался голос.

В избе нужда гуляла по углам.
«Ой, мама, есть хотим!» —
кричали дети.
И снова мать пошла по деревням,
Вдали от фронта в бой вступив
со смертью.

Ей удавалось выменять порой
Буханку хлеба с примесью из гречки.
А дети, поджидая мать домой,
К ее приходу разжигали печку.

И до чего же вкусен был тот хлеб
С похлебкой из мороженой картошки!
Все ели с упоением, взахлеб...
Лишь деревянные стучали ложки.

«Да, так и жили, — вспоминает
брат. —
Я рад бы вспомнить игрища и школу,
Своих ровесников: ребят, девчат,
Но вспоминаю чаще голод».

Пять долгих лет без мужа, без отца,
Одни в холодной маленькой избенке.
И мать менялась каждый раз с лица,
Встречаясь у калитки с почтальонкой.

А похоронки пулями с войны
К нам долетали, ударяя мимо.
И вот однажды в чудный день весны
Отец пришел живой и невредимый.

И песни вновь запела наша мать,
О новой жизни говоря красиво:
«Сегодня жизнь — не надо умирать,
А коль умру, сынок, умру
счастливой».

10

История вершится только раз,
Учили в школе нас и в институте.
Но словно ожил матери рассказ —
Опять моя Россия на распутье.

Сегодня, создавая новый класс,
Уничтожаем старое под корень.
Забыв о главном и на этот раз,
Что истина должна рождаться
в споре.

И снова мы у роковой черты,
Усталые от серенького быта.
Мы к прошлому разрушили
мосты,
Все старые фундаменты
размыты.

Голодные, с протянутой рукой,
Мы расписались в собственном
бессилье.
Капитализм, сменивший
прежний строй,
Пустил по миру сильную
Россию.

Не страшен для преступников
ОМОН,
Грабеж сегодня признан делом
правым.
И не осталось больше ничего
От прошлого величия державы.

Ни символов, ни песен, ни могил,
Не окрыляют праздничные даты.
От Бреста до Чукотки и Курил
Я вижу слезы и печаль утраты.

И снова в кровь окрашены ручьи,
И чье-то сердце наполняет злоба.
И на полях измученной Чечни
Штампуют пули списки
для надгробий.

Скажите мне, в какие уголки
Мы схоронили собственную
гордость?
Ведь было время — мы своей руки
Не подавали тем, кто делал
подлость.

Пусть ошибались и неверно шли,
Торя дорогу к мнимым идеалам,
Гордились мы, что люди всей Земли
Державой нас великой называли.

11

Я в новый день с надеждою гляжу,
Его рассвет с достоинством приемлю.
Я лишь России преданно служу
И защищаю лишь родную землю.

Успех России — это мой успех.
В ее величии — мои победы.
Я всей душою презираю тех,
Кто в час беды мою Россию предал.

Позор России — это мой позор.
Когда плюют в лицо всему народу,
Я на себе ловлю немой укор
Людей, проживших честно свои годы.

Я с детства песни русские люблю,
Их пел когда-то с матерью я вместе.
Теперь я сам о Родине пою
И посвящаю ей стихи и песни.

12

Я вспоминаю матери рассказ,
Как это все однажды начиналось.
Алтайский край. Деревня.
Буйство масс.
И зарево над бором разгоралось...

1999 г.

СИВЕРКО

Лесная сказка

Ветер к вечеру устал,
Даже крылья занемели.
Обессилев, он упал
На шатер царицы-ели,

Что на солнечном яру,
В тени кутая распадок,
Не сгибаясь на ветру,
Берегла лесной порядок.

Если в чаще рявкнет зверь,
Зайца волк настигнет злючий,
Защитит зайчишку ель,
Схоронив в ветвях колючих.

А задиру наградит
По спине зеленой лапой.
Серый в страхе убежит,
Позабыв добычу сцапать.

На щетинистых ветвях
Филин жутко захохочет,
Ворон, нагоняя страх,
Прокричит: «Пор-рву на клочья!».

Ель беззлобно скажет вслед:
— Так тебе, шалун, и надо!
Не устраивай обед
Под моим шатром нарядным.

Ветер даже задремал,
Ель обняв, как длинный полоз.
Иногда его пугал
Этот властный царский голос.

— Что, косматый, приустал? —
Прошумела ель устало. —
Все б ты рыскал да летал
По урманам и увалам.

Отыскал бы в скалах щель,
Мхами выстелил бы ложе.
Здесь тебе не колыбель,
Ты царицу потревожил.

Глянь: напуганы чижи
И бобры в лесной запруде.
Рожь на поле положил.
То-то завтра скажут люди.

Не пора ль взрослее стать,
Усмирить свой нрав игривый,
Меньше щеки раздувать
И трясти косматой гривой.

— Остуди, царица, пыл,
Вспомни, как встречала прежде,
Как я елочку рядил
В изумрудные одежды.

Белоснежною зимой
Здесь, у царской колыбели,
Охраняли твой покой
Белокрылые метели.

Твой шатер мне домом был.
После странствия по миру
Я тебе всегда дарил
Бриллианты и сапфиры.

— Что ж, Сиверко, отдыхай
На игольчатых подушках.
Не тревожь пернатых стай,
Не пугай моих зверушек.

Только, прежде чем уснуть,
Позабавь меня рассказом.
Где лежал твой долгий путь,
Что приметил зорким глазом?

Передал ли мой поклон
Прародительнице ели?
Так ли крепок ее трон,
А шатер пушист и зелен?

Так ли зелены леса
За широкою рекою?
Серебрится ли роса
По утрам на травостое?

Ветер горестно вздохнул:
— Я боялся нашей встречи.
Дух огня пожар раздул,
Сжег дотла леса Заречья.

Твой поклон не снес я в дар
Для твоей сестры-старушки.
Все спалил лесной пожар —
Ни сосенки, ни пихтушки.

Обгорелые пеньки
Разбрелись по серой гари,
Лишь зеленые чирки
Обживают плеса стариц.

В гарях стелется туман,
Серым волком голод рыщет.
Где вчера шумел урман —
Иван-чай на пепелище.

Ель-царица, выручай!
Разреши собрать мне семя.
Твой таежный урожай
За рекою я посею.

— Молодец, что прилетел,
Обгоняя птицу-время.
Вижу, что для добрых дел
Просишь вызревшее семя.

Собирайся в дальний путь,
Я дарю тебе удачу.
Да про тучки не забудь,
Пусть над гарями поплачут.

И случатся чудеса:
Где прошел огонь бедовый,
Вновь поднимутся леса,
Зашумит урман кедровый.

Семя, что тебе я дам,
Землю от беды излечит.
Эй, дремучая тайга,
Собери дары Заречью!

А Сиверко рад не рад,
Затянул свои рулады
И устроил листопад —
Танец листьев до упаду.

Над тайгою в вышине
Он кружил, поддавшись чарам:
Лес знакомый был в огне
От осеннего пожара.

Ель шумнула ветру вслед:
— Не кружи над Черным логом!
А Сиверко был — и нет,
Лишь вдали пылит дорога...

2016 г.

ПЕЧЕНЕЖСКИЙ НАБЕГ

Сказ

Забыты преданья
седой старины —
страницы истории
нашей страны...

Где кроется небыль,
где быль без прикрас,
решит мой читатель,
прочтя этот сказ.

Давно это было —
преданье гласит,
садами цвели
города на Руси.

Но только однажды
из дикой дали
на Русь печенеги
набегом пришли...

И в небо взметнулся
пожарища дым...
Кругом только смерть
и полон молодым.

Их вел за собой
молодой печенег,
сын старого хана
Батыр-Тугайбек.

У Белого града
в неравном бою
князь русичей голову
сложил свою.

Дружина побитая
наземь легла,
и князю кольчугу
пробила стрела.

Три дня и три ночи
горели костры,
добычу из града
сносили в шатры:

Черненые кубки,
меха и вино,
и девушек русских
тащили в полон.

Хан молча смотрел
на пожары вдали,
когда Ярославну
к нему подвели.

Красивой была
молодая княжна:
бела, круглолица
и станом стройна.

Сверкающий взгляд
гневом хана обжег
и дикую страсть
в его сердце зажег.

— Ты вольною будешь,
а мне — как жена, —
Батыр-Тугайбек
ей предложил вина.

Княжна отвернулась,
свой кубок разлив,
и грозный кочевник
с подушек вскочил:

— Не хочешь женою,
так будешь рабой!
Ночами хранить
тебе ханский покой.

И стала наложницей
хана княжна.
Под сердцем ребенка
носила она.

Когда вдруг однажды
в набеге на Русь
из ханских шатров
ей бежать удалось.

Укрыли беглянку
родные леса.
Батыр-Тугайбек
ее долго искал.

Но только напрасно —
нигде не нашли,
а вскоре кочевники
в степи ушли.

Но минуло время,
и новый набег
задумал на Русь
совершить печенег.

Седины блестели
на ханском челе,
но крепко держался
еще он в седле.

И кровью опять
обагрились поля,
и стоном наполнилась
снова земля.

Чтоб встретить поганых
в открытом бою,
князь вывел из града
дружину свою.

Когда ж они вышли
на берег реки,
он взглядом орлиным
окинул полки.

Играли лучи
в оперении лат,
и грозно сверкал
богатырский булат.

Плечистые воины,
все как один
познавшие горечь
прошедших годин.

Лишь русичей князь
был по возрасту юн,
ему только двадцать
исполнилось лун.

Но силой великой
он был наделен.
И не был ни разу
в бою побежден.

Вот пробил начала
сражения миг,
и ратники ханский
услышали рык:

— Кто силой со мной
потягаться не прочь,
тому умереть
я сумею помочь.

Ну, где же ты, витязь,
смелее, не трусь!
А может, таких
не родит больше Русь?

И, вздыбив коня,
гордо выкрикнул князь:
— Знай, хан, от меня
тебе наземь упасть!

За землю свою
я смогу постоять.
Здесь ляжет костьми
твоя дикая рать.

— Ты знаешь меня? —
прохрипел печенег. —
Я хан печенегов
Батыр-Тугайбек!

Уж если наеду —
с конем зашибу.
Как имя твое?
Безымянных не бью.

Я ведать хочу,
воевода иль князь
осмелился дерзко
на хана напасть.

И чей завтра череп
наполню вином,
и чьи будут слезы
катиться ручьем.

— Зовусь Святогором —
так мать назвала
За то, что стою
на земле как скала.

Я сын Ярославны
и вырос в лесу.
Туда я тебя
на копье отнесу.

И вздрогнул в догадке
Батыр-Тугайбек,
и сына узнал
пред собой печенег:

«Так вот ты какой,
мой потерянный сын,
дитя печенега
и русских равнин!»

И вспомнилось хану,
как старец один
сказал, что убьет его
собственный сын.

Тогда усмехнулся
пророчеству хан
и сам затянул
на провидце аркан.

Но вот уже близок
возможный конец.
Сошлись в поединке
сын-князь, хан-отец.

Огромные кони
взвились на дыбы,
и витязи в седлах
крепки, как дубы.

Вот сломаны копья,
и, словно лучи,
скрестились в смертельном
ударе мечи.

И кони увязли
в земле по живот,
и в схватке жестокой
ничья не берет.

И вечер уж близок,
и кони слегли.
И сами склонились
до самой земли.

И с горькой усмешкой
сказал Батыр-хан:
— Ведь зря я на старца
накинул аркан.

Ему, печенегу,
владыке равнин,
сейчас не под силу
свой собственный сын!

— Послушай меня,
богатырь, наконец.
Я, хан печенегов,
твой кровный отец.

Рабыней моею
была твоя мать.
Ты можешь и сам
у нее все узнать.

Видать, поединку
не будет конца...
Сегодня и ты
не осилишь отца.

Давай прекратим
этот тягостный бой.
Я в степь уведу
свою рать за собой.

На южных заставах
мы будем стоять,
твое порубежье
от зла защищать.

И впредь между нами
не будет вражды.
Ну что же ты, князь,
что безмолвствуешь ты?

На хана сурово
взглянул Святогор.
Он знал: Тугайбек,
как лисица, хитер.

Ему же сказал:
— Мы закончим наш бой
и с миром сейчас
разойдемся с тобой.

И если орда
прекратит свой набег,
тогда я поверю
тебе, Тугайбек.

Пусть степь озарит
пламя сотен костров.
Пусть будет веселье
у ваших шатров.

Тебя ж, Батыр-хан,
приглашаю во град.
— Быть гостем твоим
бесконечно я рад!

И прежде чем тронуть
коней своих в путь,
хочу еще раз
на княгиню взглянуть.

Все так ли прекрасна,
как утром заря,
все так ли стройна
Ярославна моя?

Так по полю шли
и вели разговор
Батыр-Тугайбек,
русский князь Святогор.

А в град уже мчался
с известьем гонец,
Что битве не быть
и набегам конец...

Но степь уже снова
пылилась вдали...
На Русь половецкие
орды пришли.

1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Может, это судьба — жизнь в России прожить

«Ветер-трубач...» 14
Березовая Русь 15
«Может, это судьба...» 16
Наказ из прошлого 17
«Радуюсь каждому шагу страны...» 18
Ратоборцы 19
Заставушка 20
Белый снег 21
Здесь Родина моя 22
«Россия, как ты хороша!..» 23
Признание 24
Я — гражданин России 25
«Рисует дочь заморскую царицу...» 26
«По тропинкам, что топтали предки...» 27
Еще жива душа России 28
Посвящение березе 29
«Передохну и снова в путь...» 30
«Детство сказкой-небылицей...» 31
Кино моего детства 32
«Опять восстанем из тьмы и пепла...» 34
Голуби 35
«В плену обыденности серой...» 36
«Оглянулся многократно...» 37
«Вспоминаю тепло...» 38
«Невидимая нить связала наши годы...» 40
«Построен дом, посажен сад...» 41
«Покоробились стихи...» 42
Полынь-трава 43
«Видел тебя и голодной, и пьяной...» 44
«Покосились стены у избушки...» 45
«Дыханьем осени природу обожгло...» 46
Березка 47
«Как одряхлевшая хозяйка...» 48
Русские 49
«Что-то в мире неладно творится...» 50

Не стреляйте прилетевших птиц 51
Я красотой украшу жизнь 54
Отчий дом 55
«Умер старик...» 56
«Ах чудо-осень! Ах пройдоха!..» 58
Сохатый. Лесная быль 59

И память вновь вскипает у виска

«Я верю — выстоим...» 64
По вечному зову 65
Марш ветеранов 71
Солдатский путь 72
Поезда 74
О войне 75
Горсть земли 76
Переправа 78
«Не пришли домой солдаты...» 80
Встреча с прошлым 81
Ветеранам 82
Дороги 83
Детство 84
Афганцам 85
«Большой войны мы вспоминаем даты...» 86
«Среди белоствольных берез...» 87
«Где затерялось поле чистое...» 88
«А на Кавказе — война опять...» 89
Я — Андрей 90
Последний полет 91
«И будет новый старт...» 92
Возвращение 93
«На кладбище, друг от друга поодаль...» 94
«Какими бы ни были наши потери...» 95
«А память снова всколыхнула боль...» 97
«Пылает православный храм...» 98
«Я иногда хочу поспорить...» 99
Тишина 100
Путь в бессмертие 102

«Когда смолкают соловьи...» 104
«Надсадный взрыв корежит стены...» 104
Сыновьям 105
«Молодым я вверяю и сердце, и разум...» 106

Тайга моя! Тебе сто двадцать лет

Начало 108
Тайга моя! 109
«Зовут меня поэтом из Тайги...» 110
Милая Тайга 111
Богатыри 112
Тайга 113
Паровоз 114
Возрождайся, Тайга 115
Тайгинская дорожная техшкола 116
Полигон 117
Алешкина звезда 118
Тайга 120
«В лазурь и зелень разодета...» 121
«Тайгинка» 122
Песня о Тайге 123
Где начинаются железные дороги 124
Тайгинские зори 126
Тайгинские напевы 128
Вокзалы 130
«Его не слушать было невозможно...» 131
Поезда 132
О Тайге 133
Транссиб 134
Светофоры 136
Охрана 137
Опера́ 138
Нам девяносто пять 139
Генерал 140
Засада 141
Друг 142
Незнакомка 143

На линии огня 144
Мы тушим пожары 145
Полустанок 146

Мой милый край — земля, где я родился

Мой милый край 148
Я из Кузбасса родом 149
«И боль, и думы, и мечты...» 150
Шахтеры 151
Кузельские мотивы 152
«Двенадцать месяцев в году...» 153
Вечер 154
«Кто повыше возвел терема...» 155
Кедр 156
«Какой немыслимый простор!..» 157
«Побудку прокричал петух...» 158
«Радуюсь солнцу и небу...» 158
Грусть 159
Богатырь 160
«Помню детство: я в постели...» 161
«В летний полдень над поляной...» 162
Водовоз 163
«Я люблю небеса...» 164
«По шелкам немятых трав...» 165
Память 166
Погост 167
«Я до сих пор влюблен в поселок...» 173
«Пал наш последний бастион...» 174
«Эх, взять бы в руки старую гармошку...» 175
«Сидит на лавочке сосед...» 176
«По старинке — нараспашку...» 177
«На субботней дискотеке...» 178

И в стылую пору, и в знойный июль пишу я родные пейзажи

Пейзажи 180
«Прекрасный день, и я в лесу...» 181
Ветер 182

«Август зарумянился в садах...» 183
«Выйду за деревню, за пригорки...» 184
«Заплутало лето...» 185
Листопад 186
Грибная пора 187
«Пообносившись к сентябрю...» 188
«Откричала кукушка за нашим селом...» 189
Сказка 190
«Как избежать осенних бурь...» 191
«Скор на выдумки месяц-проказник...» 192
Сентябрь 193
«День устало клонится к закату...» 194
Мертвая осень 195
У костра 196
Приход зимы 197
Предзимье 198
«Рано утром по дороге...» 199
«Кричат: поселок умирает...» 200
«Какая красота кругом!..» 201
«Ночь подкралась втихомолку...» 202
Ночная гостья 203
Зима 204
«Еще в снега укутана земля...» 205
«Дремотой скован лес стоит...» 206
Весна 207
Верба 208
Речка 209
Зимний вечер 210

Штормовая симфония

«Я жизнь свою, как море, покорял...» 212
Штормовая симфония 213
Баллада о подлодке 214
«Все простишь: и разлуку, и горечь обид...» 216
«Я вращаю штурвал...» 217
Ямал 218
Яр-Сале 219

Харасавэй 220
«Кто хоть однажды увидел Север...» 222
Зимовка 223
«Прости за долгие разлуки...» 224
Шторм 225
Трехбугорный 226
Пролив Малыгина 227
Экипаж 228
«У ветра выведаю я...» 229
«Люби, скучай, грусти, зови и верь...» 230
Морская душа 231
Терра инкогнита 232
Гавань Забвений 233
Бухта детства 234
«Такие вот бывают чудеса...» 235
«Подул норд-вест ...» 236
Мне не хочется верить 237
К морю 238

Когда рука писать устанет,
Стихи моржянкой отстучу

«Поэты долго не живут...» 240
Поэзия 24
«Друзья мои, Господь нам дал...» 242
«По-разному толкует жизнь молва...» 243
«Никуда, никуда от стихов мне не деться...» 244
«Лови мгновения — живи!..» 245
«Великолепно — спору нет...» 246
«Созвучья выстраданных слов...» 247
«Красивых слов на свете много...» 248
«Поэзия — мой вечный крест...» 249
«Не надо мне ни праздной суеты...» 250
«Я в лес хожу нередко...» 251
Соловей 252
«Я никогда не изменю стихам...» 253
«Мои стихи — они со мной повсюду...» 254
«Помешанный на чудесах...» 255

Красота 256
«Пережитое вчера...» 257
«Вплетает золотую нить...» 258
«Сердце, готовое плавить металл...» 259
«Нам кажется со стороны...» 259
«Порою кажется, что мы...» 260
«Бойся лжи — она смертельна...» 261
«Где вы, наши поэты?..» 262
Невыдуманная история 263
Книга 267
«Не оскверняйте дел своих...» 268
«Кому-то нравится Делон...» 269
«Октябрь листает календарь...» 270
«Закрыта крепко в будущее дверь...» 270
«Перебираю и крою...» 271
«Уже давно минула осень...» 272
«Ума не приложу, как быть...» 273
Весна 274
«Пока лучами день расшит...» 274
«Ты на себе сумел мне показать...» 275
«Ум и хватка, как есть, мужика...» 276
Поэт 277
«Я редкий гость в своей большой квартире...» 278
Поэту 279
«Осиротевший дом притих...» 280
«Здравствуй, милая «Светлица»...» 281
«Когда меня не будет вместе с вами...» 281
«В жестоких битвах с ветряками...» 282
«Мы вместе на Парнас шагали...» 283
«Чужая боль порою, как своя...» 284
«Пишу, словами не играя...» 286
«Врастаю в землю, словно камень...» 286

Весна в цвету, и я опять люблю

«Утверждает людская молва...» 288
Вселенная 289
«Чуть слышный вскрик...» 290

«Сердца влюбленные созвучны...» 291
Любим-трава 292
«Любовью молодость горит...» 293
Танго Любви 294
Хуторянка (Тропой забытого преданья) 295
«Красив и строг обряд венчальный...» 301
«В душе моей хрусталь звенит...» 301
«Храни любовь, от бед оберегай...» 302
Первая любовь 303
Первое свидание 303
Шалаш 304
«Окрасила осень долины лесные...» 305
Память 306
Простота 307
«Гляжу во тьму распахнутых зрачков...» 308
Виртуальность 309
Проказник 310
Мелодии сна 311
«В жаркий день ты — вода...» 311
Не забывай 312
«А виновата лишь луна...» 313
«Любовь не спросит — быть или не быть...» 314
Эхо 315
Предназначение 316
«Весна в цвету, и я опять люблю...» 317
Первое апреля 318
«Ты даже в собственных слезах...» 319
Печаль 320
«И медальон, и ожерелье...» 321
Я костер разведу. Романс 322
«Отшалила зимушка-старушка...» 323
Костры души 324
«Мысль лишь одна: не прекословь...» 325
«Хочешь, я печаль твою развею...» 326
«Мы исцелим свою любовь...» 326
Изгнание 327
Красота 328
«Окунуться хочу в тишину...» 329

«В твои объятия ворвусь...» 330
Любовь 331
Уличный фонарь 332
«Когда в осенний листопад...» 333
Любовь 333
«А надо ли отчаянно спешить...» 334
Беглянка 335
«За окном осеннее ненастье...» 336
Одиночество 337
«Теперь я знаю, как мужчины плачут...» 338
Суд 339
Сад 340
«Ты ничего не говори...» 341
«Твоя душа — потемки...» 342
«Мы словно в разных измереньях...» 342
«Забыв недавние проклятья...» 343
«Твоей любви хватило лишь на миг...» 344
Миг любви 345
Шабаш 346
«Чернота осенней ночи...» 347
Отогрею руки у камина. Романс 348
«Ты паранджой прикрыла чувства...» 349
Продлись, мгновенье! 350
«Отгремели призывные трубы...» 351
Блудливая жена 352
«Нас вечер в танце закружил...» 353
«Хочу еще хоть раз успеть...» 353
«Я тебя околдую неведомой силой...» 354
«Не вписался я в пространство...» 355
Женщинам... 356
Я люблю 357
Синеглазка 358
«Я ходил к тебе через темный лес...» 360
Пилигримы 362
«Порой мне даже недосуг...» 363
«Скажи хоть слово, не молчи...» 363
«К сердцам стихами прикоснусь...» 364
«Любовь гуляет по планете...» 365

«Я люблю!..» 365
Не грусти, дорогая. Романс 366
Снова слышится мне. Романс 367
Неспетый романс 368

Еще зовут меня дороги

«Комсомольское племя, я с тобой до конца!..» 370
«Обнявшись с жизнью мертвой хваткой...» 371
Странник 372
«Пробили полночь древние часы...» 373
«Меня с детства влечет...» 374
«Жизнь еще не прошла...» 374
Непоседа 375
«Я не хочу рубить с плеча...» 376
«Уходящему тысячелетию...» 377
«Когда от смеха все вокруг искрится...» 378
«Мне все равно, что скажут про меня...» 379
Зазеркалье 380
Неизбежность 381
«Едва чадит мой камелек...» 382
Чудак 383
Роза 384
«Пока живу — надеюсь на удачу!..» 385
Неизвестность 386
«О, как прекрасно просто жить...» 387
«Годы идут, похищая одно за другим...» 388
Перекресток 390
«Перегорел и, может быть, остыл...» 392
«Что мне завтра постичь предстоит?..» 393
Время 394
Сны 395
Звезда 396
«Годы, сжавшись до точки...» 399
«Не сотвори себе кумира...» 400
«Живу, не глядя на часы...» 401
«Я стареть не хочу...» 402
«Не хочу я от жизни покоя...» 403

Последний забег 404
Считайте за сказку 405
«Мой средний брат, с тобой мы снова рядом...» 406
Грааль 407
«Я с детства не люблю закаты...» 408
Мгновенья 409
«Когда в полнеба полыхнет закат...» 410
Страницы раздумий 411
«Вереницею тянут в закат...» 412
«Не может в нашей жизни каждый...» 413
«Мы судим о своих делах...» 414
«Все чаще нас уводит память...» 415
Пустота 416
«Глаза у страха велики...» 417
«А может быть, я жизнь свою придумал...» 418
Мудрость 419
«Вселенский разум и другая жизнь...» 420
Часы 421
«Как через поле минное...» 422
«Как прекрасно бродить по лугам...» 423
«По перламутру облаков...» 424
Ковчег 425
«Еще хоть шаг по стоптанной земле...» 426
«В родные края возвращаются птицы...» 427
«Унеслись куда-то облака-ветрила...» 428
«Весна — взбудоражит...» 429
«Уже для того, чтоб глаза распахнуть...» 430
«А без меня все стихнет вмиг...» 430

Верит в Россию влюбленный поэт

Девяностые 432
«Пылает над Родиной новый пожар...» 433
Мой поселок 434
«Горе-лихо прокатилось...» 436
Нашествие 437
Выбор 438
«Идем, подошвами пыля...» 439

«Тишина пришла в поселок...» 440
«Что я вижу на родной сторонке?..» 441
«Штурмуем сегодня любые высоты...» 442
Нищенка 443
Милосердие 444
«Когда грустит страдалица одна...» 445
Крушение 446
«Когда на собственных просчетах...» 447
Отчаяние 448
«Беда приходит как-то вдруг...» 449
«Первопричина грозных бед...» 450
«С крупинкой соли все стихи мои...» 451
«Крепко вклинившись в века...» 452
«На исповедь зовет Господь...» 453
«Опасенья за судьбы людские...» 454
«В круги своя все снова возвращается...» 455
«Пройдены морем зубастые мили...» 456
Ветер перемен 458
В едином строю 459
«Мое Отечество, прости...» 460
«Предчувствием грозы полна душа...» 461
Любовь 462
Прошедший 2006 год 463
Кони 464
Бульдозер 467
Песня о Кузеле 468
Случайность 470
Школьные аллеи 472

Тропой забытого преданья (поэмы)

Ветер перемен. Поэма 474
Пламя над бором. Поэма 483
Сиверко. Лесная сказка 497
Печенежский набег. Сказ 503

Литературно-художественное издание

Дмитриев Валерий Иванович

БЕРЕЗОВАЯ РУСЬ

Редактор ***Е. В. Фефелова***
Компьютерная верстка и дизайн обложки ***П. Б. Исакова***

12+

Подписано в печать 09.06.2016. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Academy». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,7. Тираж 300 экз. Заказ № 116

Адрес издательства и типографии ООО «АИ «Кузбассвузиздат»:
650099, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б.
Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77.
E-mail: 58293469@mail.ru, vuzizdat@gmail.com

